

ЭМИ ЛОРИН

Быть любимой

ОН ОБЕЩАЛ ЕЙ МНОГОЕ,
НО ЕДИНСТВЕННОЕ,
ЧЕГО ОНА ЖАЖДАЛА
ВСЕМ СЕРДЦЕМ, —
ЭТО ЕГО
ЛЮБВИ.

Все складывается хорошо у Кэтрин Экер — у нее двое прекрасных детей, интересная работа. Лишь в личной жизни пустота — рано овдовев, Кэтрин так и не нашла себе мужчины по сердцу. Страх перед грядущим одиночеством заставляет ее принять предложение богатого бизнесмена Мэтью Мартина. Неожиданно вспыхнувшая страсть к собственному мужу полностью меняет ее жизнь.

Эми Лорин

Быть любимой

*Книга посвящена:
Мэри, Лори и Эми; Сонни
и Джен; Мику и Биллу;
Бонни и Норму, и Мэри,
которые всегда верили
в меня.*

«Дворники» монотонно скользили по стеклу, тщетно пытаюсь справиться с потоками дождя. Время от времени большая машина слегка вздрагивала от мощных порывов ветра, но загорелые мужские руки уверенно держали руль.

Вдруг в тишине раздался щелчок зажигалки и темноту прорезала вспышка. Язычок пламени коснулся сначала одной сигареты, затем другой. Нежные тонкие пальцы вложили одну из них в сильную руку мужчины.

— Мэт!

Это прозвучало как вздох, едва слышно. Кэтрин и сама не поняла, что сказала это вслух.

— Гм-м? — Глаза мужчины не отрывались от дороги, еле различимой в потоках дождя.

Вздвогнув, она посмотрела на него, потушила сигарету и улыбнулась, осознав, что вслух произнесла его имя.

— Ничего, — мягко проговорила она. — Просто Мэт.

Мэт быстро взглянул на нее. Нажатием кнопки он опустил стекло. Описав широкую дугу, сигарета полетела в окно. Мэт закрыл окно и бросил внимательный взгляд в зеркальце заднего вида. Машина замедлила ход и съехала с шоссе на мокрую траву обочины.

Вдоль дороги, словно часовые, стояли деревья. Их ветви, отяжелевшие от дождя, почти касались земли, образуя нечто вроде свода тоннеля. В этом импровизированном тоннеле Мэт и остановил свой «Линкольн». Поникие ветви не только закрывали их от дождя и ветра, но и заслоняли от проезжающих машин.

Кэтрин молча наблюдала за ним. Когда Мэт выключил зажигание и закрепил ручной тормоз, она ощутила прилив волнения. Он легонько толкнул ее плечом и сказал:

— Подвинься!

Она мгновенно подчинилась, подвинувшись вплотную к правой дверце. Мэт двинулся за ней и, как только руль перестал мешать, повернулся и обнял ее.

Кэтрин уже ждала этого. Она подняла голову, чуть приоткрыв губы, и Мэт, наклонившись, приник к ее губам.

Глядя его плечи, она почувствовала, как напряглись его мышцы, и с легким вздохом обвила руками его шею, прижимаясь к сильному мужскому телу. Объятия Мэта ослабли, он взял ее за плечи и слегка повернул к себе, прижимая к спинке. Это было все равно, как если бы ее поглотил неумолимый поток, — сама мощь его подавляла. «Боже, — подумала Кэтрин, — как же я хочу его!» С некоторым удивлением она осознала, что это желание преследует ее все последние сорок восемь часов.

Его поцелуй был глубоким и долгим, и Кэтрин полностью растворилась в нем, забыв, где она и что с ней. Все, что нужно было ей сейчас, — это мужчина, обнимающий и целующий ее, горячие губы и нежные руки.

Когда Мэт оторвался от ее губ, она, тихо застонав, прижалась к нему, желая продлить это мгновение.

— Проклятье!

Тщетно пытаюсь устроиться поудобнее, Мэт недовольно пробормотал:

— Я уже слишком стар, чтобы заниматься любовью в машине, даже такой просторной. — Затем он прошептал, склонившись к ее уху: — Ты просто колдунья, Кэйт, ты это знаешь?

Смеясь, она ответила:

— Конечно, я наложила на тебя заклятье, и теперь ты полностью в моей власти!

— Да, и причем очень давно, — отозвался он, и Кэтрин удивленно посмотрела на него. Но Мэт тряхнул головой и переменял тему: — Нет, так мы никогда не доберемся до дому! — Оторвавшись от нее, он снова переместился к рулю и добавил: — А теперь сиди тихо и веди себя прилично!

— Это я-то веду себя неприлично? — возмущенно воскликнула Кэтрин. — Да я всего лишь произнесла твое имя!

— Ну так не произноси его больше и не смотри на меня так, если не хочешь, конечно, оказаться в первом же мотеле, который нам попадется!

— Слушаюсь, сэр! — ответила она с подчеркнутой покорностью.

Посмотрев на нее с мимолетной улыбкой, Мэт направил машину обратно к шоссе.

Кэтрин откинулась на мягком кожаном сиденье, изучая Мэта из-под полуопущенных век.

Его крупная фигура заполняла собой все пространство за рулевым колесом. Большой, подумала она. Это слово как нельзя лучше характеризовало его. Рост под два метра, широкие мощные плечи, длинные мускулистые руки и ноги. Причем, как она знала, ни грамма лишнего веса. Голову венчала копна вьющихся густых рыжевато-каштановых волос. Лицо было бы красивым, если бы не излишняя резкость черт. Прямой нос, высокие скулы и твердый волевой подбородок были покрыты загаром. Темные брови подчеркивали блеск серо-голубых глаз — самых притягательных, которые Кэтрин когда-либо видела. Сорок три года потребовалось, чтобы Мэтью Мартин стал таким, как сейчас. Сорок три года неустанного труда, борьбы, постоянного движения к цели. И он выкладывался полностью, оказываясь умнее, быстрее, напористее многих других. Некоторые ненавидели его, некоторые любили, и, отметила про себя Кэтрин, почти все побаивались.

— Перестань немедленно! — прозвучал низкий хриловатый голос Мэта. Мягкость интонации смягчала резкость слов.

Кэтрин улыбнулась и перевела взгляд на окно, наблюдая, как зачарованная, за нескончаемой битвой «дворников» с потоками дождя.

Погрузившись в забытие, похожее на сон, Кэтрин вдруг увидела перед собой того Мэта, каким он был двадцать лет назад.

Высокий, худой, кожа да кости, словно весь состоящий из длинных рук и ног, он, казалось, рос так быстро, что его одежда всегда была ему мала. Большие кисти рук вечно торчали из рукавов. Рыжеватые волосы были довольно длинные и лохматые, как требовала мода. Да, в теперешнем импозантном красавце трудно узнать того неуклюжего юношу.

Глаза Кэтрин были закрыты, и Мэт решил, что она спит. А она мысленно погрузилась в то время, когда она была второкурсницей, а Мэт — старшекурсником в Ланкастерском колледже.

Был конец зимы, и она наблюдала за игрой в баскетбол. Мэт был несомненным лидером в своей команде. Если обычно он казался довольно нескладным, то во время игры его движения обретали плавность, стремительность и четкость. Кэтрин смотрела, но по-настоящему не видела его, потому что все ее мысли были заняты другим.

Прошло время, она была среди болельщиков у бейсбольной площадки. Мэт был на площадке, вот он прыгнул, высоко подняв руки, мяч словно пуля пролетел по воздуху, и

судья крикнул: «Аут!» Кэтрин кричала и хлопала не меньше других, но опять не видела его, потому что могла думать лишь об одном.

В каждой высшей школе в Америке найдется хотя бы один парень, обычно старшекурсник, воплощающий собой американский идеал молодого человека. У них это был Кевин Экер. Кевин Экер принадлежал Кэтрин. И во всем мире для нее существовал лишь он один.

Кевин действительно был воплощением идеального американца. Высокий, с фигурой, напоминающей статую греческого бога, стоящую в фойе школы, с короткими светлыми кудрями и почти совершенным по красоте лицом. Он был не только примерным учеником, но и прекрасным спортсменом. Все любили его за доброжелательность и обаяние, и едва ли не все девчонки втайне страдали по нему.

Для пятнадцатилетней Кэтрин это был первый студенческий год, и в первую же неделю учебы Кевин попытался назначить ей свидание. Пришлось сказать, что родители не разрешили ей ходить на свидания, пока ей не исполнится шестнадцать. Кевин терпеливо ждал, удовлетворяясь телефонными звонками и короткими встречами после занятий, пока она ждала автобус, чтобы ехать домой.

В конце зимы он был приглашен к ней домой, для знакомства с ее родителями и младшими братьями-близнецами, Дэвидом и Дэниелом. Родителям он понравился своей общительностью и хорошими манерами, а Дэйв и Дэн пришли от него в настоящий восторг.

Последующие несколько недель Кэтрин прожила в состоянии возрастающего нетерпеливого ожидания. Казалось, двадцать первое мая никогда не наступит. Но вот наконец оно пришло, ее шестнадцатилетие! В тот день Кевин протянул ей толстый конверт. Раскрыв его дрожащими руками, Кэтрин обнаружила изящную квадратную коробочку, а в ней — тонкую золотую цепочку. Взяв у нее цепочку, Кевин расстегнул замочек и тихо спросил:

— Ты будешь моей девушкой, Кэтрин?

Потрясенная, не способная произнести ни слова, она лишь кивнула и стояла, замерев, пока он застегивал цепочку у нее на шее. Затем он наклонился и легко поцеловал ее в губы. Отстранившись, он прошептал:

— И ты пойдешь со мной на выпускной бал.

Это было утверждение, а не вопрос, и она, задыхаясь, прошептала:

— Да... да!

На следующий день, когда Кэтрин шла из школы с группой девушек, возбужденно обсуждая предстоящий выпускной бал, она вдруг услышала, как кто-то зовет ее. Обернувшись, она с удивлением увидела Мэтью Мартина, спешащего к ней.

Ее подруги прошли и остановились чуть поодаль подождать ее. Кэтрин удивилась, что они как-то странно затихли, увидев Мэта.

Он резко остановился перед ней и быстро проговорил:

— Кэтрин, ты не хотела бы быть моей дамой на выпускном балу?

Секунду она молчала, слишком удивленная, чтобы говорить. Ведь ранее Мэт просто не замечал ее. Наконец она ответила:

— Прости, Мэтью, но я иду на бал с Кевином Экером.

Его лицо словно застыло. Но потом он удивил ее еще больше, сказав:

— Ну ладно, а могу я как-нибудь пригласить тебя на свидание?

И ей пришлось пролепетать:

— Нет, я... я дружу с Кевином.

Его лицо залила краска, и Кэтрин с раздражением услышала смешки подруг за своей спиной. Но Мэт словно ничего не замечал.

— Понимаю, — проговорил он и повернулся, чтобы идти.

Повинуясь импульсу, она протянула руку и тронула его за рукав. Он обернулся и что-то — что бы это могло быть? — промелькнуло в его глазах. Именно тогда она впервые рассмотрела его глаза, голубые и выразительные, смотрящие теперь прямо на нее. Еле слышно она прошептала:

— Все равно, Мэтью, спасибо тебе за приглашение.

Он молча кивнул, повернулся и пошел к ожидавшему его невдалеке другу.

Озадаченная, опустошенная, она секунду смотрела ему вслед, затем недоуменно пожала плечами и присоединилась к подругам.

— До сих пор он ни одну девчонку не приглашал на свидание! — возбужденно сказала Мэриан Томсон, лучшая подруга Кэтрин.

— Я даже не слышала, чтобы он кому-нибудь звонил! — добавила маленькая и милостивая Бренда Додж.

— Как мне сказали, у него нет времени на девиц! — Этот насмешливый грудной голос принадлежал девушке, стоящей рядом с Кэтрин, и все глаза обратились на нее. Марша Дрейк была самой старшей в их компании. Она была среднего роста, с вполне развитой фигурой зрелой женщины. Ее знания некоторых сторон жизни намного превышали жалкий опыт ее подруг.

— А кто это тебе сказал? — поинтересовалась Бренда, сгорая от любопытства.

— Вы же знаете, что я встречаюсь с Марком Хантером, — сухо ответила Марша, — вот он мне и сказал.

Как по команде, все головы повернулись вслед уходящим Мэтью Мартину и его другу Марку Хантеру.

— Забавно они выглядят вместе, — заметила Мэриан. — Марк едва достает Мэтью до плеча!

— Большое дело! — фыркнула Бренда. — Да ему все мальчишки по плечо! Но ты права, они действительно странная пара. Кто бы мог подумать, что Марк и Мэтью смогут подружиться?

Девочки присоединились к толпе других студентов, садящихся в автобус, и Кэтрин оказалась рядом с Маршей. Нахмурилась, она повернулась к ней.

— Я не понимаю, что странного в том, что Мэтью и Марк дружат?

Самая младшая в компании, всего лишь второкурсница, Кэтрин была так поглощена учебой и мыслями о Кевине, что мало что успела узнать о жизни старших курсов.

Марша бросила на нее насмешливый взгляд. Да, нетрудно понять, что привлекло Кевина, а теперь и Мэтью в этой девочке. Оба были умными парнями, способными видеть не только то, что лежит на поверхности. Сейчас, в ее шестнадцать лет, высокую и тоненькую Кэтрин можно было назвать всего лишь милостивой. Волнистые черные волосы обрамляли лицо с тонкими чертами. Крупные губы говорили о страстности натуры. Но особую прелесть облику Кэтрин придавало сочетание ее темных, как вороново крыло, волос с большими, наивно распахнутыми фиалковыми глазами, обрамленными черными пушистыми ресницами.

Марша тихо вздохнула. Через несколько лет Кэтрин повзрослеет и станет потрясающе

красивой. Да уж, неудивительно, что Кевин и Мэтью остановили свой выбор на ней. Марша наклонилась к Кэтрин и шепнула ей на ухо несколько слов. Кэтрин смущенно улыбнулась, краска залила ее лицо. Довольная Марша, небрежно махнув рукой, добавила:

— Ну ладно, хватит об этом! Теперь слушай, детка, я отвечу на твой вопрос. У Марка и Мэты немало общего. Они по-настоящему умные ребята. Марк вчера сказал мне, что он — четвертый на своем курсе по успеваемости, а Мэт — шестой. Это совсем не так просто, ведь на курсе больше сотни человек. И знаешь, они необыкновенно целеустремленные. Марк, например, говорит, что будет врачом. Не хочет стать врачом, а именно будет врачом! А Мэт собирается всерьез заняться бизнесом.

На вопросительный взгляд Кэтрин Марша только пожала плечами.

— Не знаю, каким именно. Но можешь не сомневаться: уж если он что-то решил, он этого добьется!

После небольшой паузы Марша добавила:

— И еще, они оба молчаливы. Слишком уж молчаливы, по-моему, и ужасно серьезные. Но на этом между ними сходство заканчивается. — Подняв бровь, она спросила: — Ты знала, что родители Марка довольно богатые люди?

Кэтрин лишь покачала головой, и Марша продолжала:

— Ну так знай. Сказать точнее, они просто богачи. И нечего так на меня смотреть! Хотя я ничего не имею против денег, я совсем не из-за этого с ним встречаюсь. Согласись, он хорош собой. Вообще, если честно, я просто без ума от него!

Она смущенно улыбнулась Кэтрин, которая поспешила заверить, что Марк действительно очень привлекателен.

— Так вот, что касается денег, то у Марка тут нет проблем. С Мэтом же совсем другая история. Хотя его семью не назовешь бедной, но даром ему ничего не дается. Понимаешь, отец Мэты владеет маленькой фермой, и хотя они никогда не жили роскошно, но вполне сводили концы с концами. И вот год назад с отцом случился удар, и вся работа легла на Мэту. У него есть еще брат и сестра, но Бет всего восемь, а Джиму десять, так что от них мало проку. К прошлой осени отец немного оправился и начал делать часть работы, но к тому времени денег у них почти не осталось, и Мэт устроился рабочим на большую ферму. Ему пришлось нелегко, но похоже, что дальше будет еще хуже. Мэт намерен во что бы то ни стало продолжить обучение и поступить в престижный колледж в Ридинге, и, хотя он получит стипендию, ему придется работать как проклятому, чтобы завершить высшее образование.

Марша посмотрела в окно и, ахнув, вскочила с места.

— Боже мой! Я так заболталась, что чуть не проехала свою остановку. Ну пока, Кэйт. Увидимся завтра.

— Да уж! Спасибо, Марша, за информацию, — засмеялась Кэтрин. — До завтра!

Некоторое время после этого Кэтрин не могла избавиться от мыслей о Мэте. Эти мысли вызвали в ней какое-то смущение. Но она была молода и влюблена, а впереди ждало лето, обещавшее столько волнующего, так что тот эпизод быстро забылся.

Лето было полно событиями: выпускной бал, экзамены, потом знакомство с родителями Кевина. Кэтрин казалось, что земля голландской Пенсильвании с ее холмами, квадратами полей никогда раньше не была столь прекрасной. Они с Кевином ездили на пляж, ходили на танцы, участвовали в субботних пикниках.

Время промелькнуло со сказочной быстротой, и когда в ночном черном небе

засветилась оранжевая осенняя луна, образ долговязого юноши по имени Мэт окончательно выветрился из памяти Кэтрин.

Машина резко повернула, и Кэтрин проснулась. Еще не освободившись от образов прошлого, она приоткрыла глаза и посмотрела на Мэта. Нет, сейчас в нем ничто не напоминает того мальчика. Во всяком случае, внешне. А какой он на самом деле? Молчаливый и серьезный? Целеустремленный? Упорный? В высшей степени!

Мэт был богатым, очень богатым. Но удовлетворил ли он свое честолюбие теперь, когда он достиг богатства? Вряд ли, решила Кэтрин. Он работал больше, чем кто-либо из ее знакомых, и даже когда был дома, большую часть времени торчал в кабинете, говоря по телефону или разбирая бумаги. Почему? У Кэтрин не было ответа. По существу, она очень мало знала о Мэтью Джонатане Мартине — ее муже.

Машина опять повернула, и Кэтрин отвлеклась от своих мыслей. Они были почти дома. При этой мысли словно что-то сжалось у нее внутри. Их дом, как же она его ненавидит! Но теперь все будет по-другому, должно быть по-другому, с яростью сказала она себе. Однако напряжение не проходило, и Кэтрин чувствовала, как натянулся каждый нерв.

Нечего выдумывать, мысленно приказала она себе, но, посмотрев на Мэта, сжалась еще больше. Его лицо было жестким и непроницаемым. Значит, это не игра ее воображения. Свободная легкая атмосфера, только что окружавшая их, вдруг куда-то исчезла. Воздух словно звенел от напряжения.

Кэтрин выпрямилась на сиденье и провела рукой по волосам, поправляя прическу. Взглянув в окно машины, она еще раз отметила, как красив их дом, тут не может быть двух мнений. Подстриженные газоны, правильной формы кусты, цветочные клумбы между кустами мимозы, серебристыми оливами и красными кленами — все вокруг словно подчеркивало красоту дома, перед которым они остановились.

Построенный в колониальном стиле, из красного кирпича, с белым декором вокруг окон и с большой парадной дверью, дом не был настолько велик, чтобы называться особняком. Но даже сейчас, туманным сентябрьским днем, он был красив. Красивая тюрьма, с грустью подумала Кэтрин.

— Ну что, хорошо спала?

Кэтрин вздрогнула, услышав вопрос. В голосе Мэта, уверенном и спокойном, угадывалась нарочитая беззаботность.

— Да, спасибо. — Ее собственный голос прозвучал неестественно, и она поморщилась. Бросив на нее озабоченный взгляд, Мэт вышел из машины, открыл багажник и начал выгружать вещи.

Кэтрин медленно вышла из машины и первая подошла к широким ступеням. Открыв дверь, она придержала ее, давая Мэту войти. Поставив чемоданы на пол, Мэт начал снимать плащ. Кэтрин, повернувшись, чтобы закрыть дверь, вдруг услышала за спиной нагло-высокомерный голос:

— Добро пожаловать домой, Мэт. Вижу, ты нашел беглянку?

Мэт, и не подумавший отвечать на реплику сестры, резко спросил:

— Как Джонатан? — О, с ним все в порядке! Прибыл в полной сохранности. И, кажется, до сих пор спит.

Голос Бет стал мягче, когда она заговорила с братом. Она никогда не позволяла себе отвечать Мэту в своем обычном высокомерном тоне.

Разведясь с мужем пять лет назад, она жила сначала в собственной квартире, но переехала к Мэту, как только он купил этот дом. Родители Мэта и Бет до сих пор жили на своей ферме, и Мэт, покупая дом, рассчитывал, что старики переедут к нему. Они отказались, мягко, но решительно. Зато его брат Джеймс, до сих пор неженатый и работающий у Мэта, согласился сразу.

Бет вела дом и была полновластной хозяйкой в нем. Она, правда, смирилась с женитьбой Мэта на Кэтрин, но обе женщины знали, кто командует здесь парадом.

В свои тридцать два Элизабет Таррел вела жизнь, которая ее полностью устраивала. Красивый дом, богатый брат, который оплачивал ее счета и за которым, по ее мнению, она прекрасно ухаживала. Она не собиралась отказываться от всего этого без борьбы.

Но борьбы не потребовалось. Кэтрин еще при первой встрече поняла, что они с Бет никогда не смогут стать друзьями, а если она будет настаивать на своих правах, то может поссорить брата с сестрой. Этого она не хотела и поэтому уступила.

На словах Бет признавала Кэтрин хозяйкой дома, но все знали, кто здесь действительно главный. Разве что Мэт этого не знал, поскольку всегда был слишком занят, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Бет с усмешкой надменно оглядела Кэтрин.

— Не слишком ли ты стара, милая, чтобы убежать из дома? — Глаза Бет были полны презрения, так что ее шутливый тон не обманул Кэтрин. — Мне казалось, что люди перерастают подобные поступки, когда выходят из детского возраста.

Кэтрин не собиралась отвечать, но затаив дыхание ждала, что Мэт осадит свою сестру. Секунды тянулись, но ни слова не прозвучало в ее защиту, и ей потребовалось усилие, чтобы скрыть захлестнувшее ее отчаяние. Ничего не изменилось, ничего и не может измениться.

— Были какие-нибудь деловые звонки? — прозвучал наконец холодный голос Мэта.

— А ты что, сомневаешься? Да телефон просто не умолкал! На твоём столе куча записок, а за пять минут до вашего приезда звонила твоя секретарша.

В голосе Бет прозвучало торжество, и Кэтрин, стараясь справиться с охватившим ее отчаянием, в который раз с удивлением подумала о том, что заставляет сестру Мэта с таким упорством подчеркивать свою незаменимость в его жизни, в его доме. Высокая, с хорошей фигурой и правильными чертами лица, с прекрасными длинными каштановыми волосами, Бет была очень привлекательной женщиной. У нее было все, о чем можно мечтать, включая нескольких преданных и богатых поклонников. Так почему же она не может смириться с тем, что ее брат женился, почему так ненавидит жену своего брата? Сотни раз Кэтрин задавала себе этот вопрос. Единственный ответ, который приходил ей в голову, состоял в том, что Бет до сих пор воспринимала ее как угрозу своему главенствующему положению в доме.

От этих невеселых мыслей ее отвлек голос Мэта.

— Я буду в кабинете до обеда.

Кому он это сказал? Ей? Или своей сестре? Кэтрин пожала плечами и направилась через холл к широкой лестнице, ведущей на второй этаж.

— Пойду посмотрю Джонатана, — пробормотала она, быстро поднимаясь по ступеням. Надо скорее уйти, чтобы никто не заметил ее расстроенного лица, дрожащих губ и глаз, полных слез.

Кэтрин тихонько приоткрыла дверь в детскую.

Мэри, няня Джонатана, оторвала глаза от книги, которая лежала у нее на коленях, и

улыбнулась.

— Привет! — С озорным блеском в глазах она добавила: — Ну как, хорошо отдохнула? Кэтрин почувствовала, как краска заливает лицо, а Мэри засмеялась:

— Вот что меня всегда восхищало в таких белокожих, как ты, людях. Даже когда они становятся взрослыми, они не теряют способность краснеть. До чего мне это нравится!

Слегка успокоившись, Кэтрин улыбнулась в ответ и в тысячный раз поблагодарила судьбу за то, что у нее есть Мэри. Что бы она без нее делала?

Мэри работала медсестрой в больнице и как раз дежурила в отделении, когда родился Джонатан. Кэтрин вернулась домой вместе с ней. Официально она была няней Джонни и помимо этого — близкой подругой и доверенным лицом Кэтрин.

Небольшого роста, полненькая, со свойственными итальянцам черными волосами и очень смуглой кожей, она была словно сгусток энергии. Ее поддержка — единственное, что помогало Кэтрин выстоять во враждебной обстановке этого дома.

— Что, уже виделась с боссом? — В низком голосе Мэри прозвучало дружеское сочувствие.

Кэтрин кивнула и прошла через детскую, направляясь в спальню Джонни. Дверь в нее была приоткрыта, чтобы Мэри могла услышать, если ребенок проснется. Кэтрин неслышно подошла к кровати. С обожанием смотрела она на маленькое тельце сына.

Ее сын. Сын Мэта, его маленькая копия. Однажды Мэри со смехом сказала Мэту, что он, должно быть, запрограммировал какой-то копировальный аппарат в своем офисе, чтобы получить такую точную копию. Мэт тогда только хмыкнул в ответ, но Кэтрин знала, что он польщен таким сходством, как и любой мужчина, который впервые стал отцом.

До чего же он красив, подумала Кэтрин, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. Он так быстро рос и стал таким крепеньким и здоровым! Трудно было поверить, что всего шесть месяцев назад она родила его недоношенным и был он крохотным и жалким. Впрочем, и тогда он был похож на Мэта. Она подавила желание протянуть руку, чтобы погладить его волосики, и вернулась в детскую.

Это была чудесная комната: стены цвета топленого молока, большое окно с темно-золотыми шторами, в тон им пушистый ковер. В углу — маленький столик со стульями, рядом были ящики с игрушками, которые еще не скоро понадобятся Джонни. В другом углу стоял книжный шкаф. Непривычно в детской выглядел лишь рабочий стол со швейной машинкой. Мэри обожала шить и шила себе всегда сама. У окна стояли два глубоких кресла, а между ними — журнальный столик. На нем стояли фотографии двух взрослых сыновей Мэри. Именно в этой комнате Кэтрин находила душевное тепло и дружескую поддержку, когда Мэта не было дома, а его не было почти всегда.

Кэтрин сбросила замшевый жакет и опустилась в кресло напротив Мэри.

— Ты выглядишь так, словно побывала в перестрелке, — сказала та. — Рискну угадать: ты встретила в холле генерала.

Кэтрин кивнула с невеселой улыбкой.

В голосе Мэри послышалось нетерпение:

— Не могу понять, как ты можешь сносить все это! Ты же не робкая забитая девочка, Кэйт, и я знаю, что ты ее не боишься. Почему ты не поставишь эту стерву на место?

Кэтрин подумала, что Мэри — единственная, кто зовет ее уменьшительным именем. Хотя нет, ведь Мэт тоже называл ее Кэйт последние два дня. При одном воспоминании об этом дыхание ее перехватило, совсем как тогда, когда он произнес ее имя в первый раз.

Устало вздохнув, она ответила:

— Ты прекрасно знаешь почему, Мэри.

— Ерунда! — решительно прозвучало в ответ.

Не желая в который уже раз пускаться в обсуждение своих проблем, Кэтрин сменила тему:

— Я должна идти, нужно переодеться к ужину. Ты поужинаешь с нами?

— Конечно, — безмятежно ответила Мэри. — Видишь, я уже одета. — И она показала на свою длинную шелковую юбку.

Это замечание заставило Кэтрин улыбнуться. Когда она была дома, Мэри ела со всеми, как с самого начала предложил ей Мэт. Но когда Кэтрин отсутствовала — неважно, как долго, — Мэри ела у себя в комнате, и в этих случаях она не трудилась переодеваться.

Мэри не переносила Бет и никогда не скрывала этого. Возможно, из-за этого она была единственной, кроме Мэта, с кем Бет считалась.

К своим сорока пяти годам Мэри успела поработать на фабрике, выучиться на медсестру, вырастить и отправить в колледж двух прекрасных сыновей. Два года назад она похоронила нежно любимого мужа. Она слишком много повидала на своем веку, чтобы на нее могла подействовать заносчивость какой-то там Элизабет Таррел. И Бет знала это.

— Встретимся внизу, — сказала Кэтрин и вышла на площадку лестницы. Комнаты Мэта и Кэтрин тоже находились на втором этаже и занимали весь фасад дома.

Кэтрин на мгновение остановилась на пороге комнаты, вспоминая свое первое появление здесь. Тогда она испытала почтительный ужас. Боже, да здесь можно играть в баскетбол! Большая угловая комната имела четыре окна, два выходили на газон перед домом, а два боковых — в сад, за которым простирались бесконечные холмы. Потолок, одна стена, двери и окна были белыми, остальные три стены — теплого коричневого цвета, мебель бежевая. Рыжевато-коричневый тон ковра, штор и покрывала на кровати перекликался с таким же цветом кресел, стоящих у окон. Но самым впечатляющим предметом в комнате была кровать. Именно она тогда больше всего поразила Кэтрин. Расположенная напротив фасадных окон, она и в длину и в ширину была не менее трех метров.

Странно, но именно кровать Мэта заставила Кэтрин ощутить всю громадность его богатства. Не роскошная квартира в Филадельфии и не этот тихий загородный дом в двадцати минутах езды от квартиры. И даже не пять машин Мэта. Нет, почему-то именно кровать, сделанная по специальному заказу, с двадцатью сменами белья и покрывал показала ей олицетворением роскоши.

Отгнав воспоминания, Кэтрин вошла в комнату. Левая дверь вела в просторную ванную, выложенную белыми с золотом изразцами. Через нее можно было пройти в две комнаты поменьше: гардеробную, где хранились ее и Мэта вещи, — и маленькую спальню с неширокой кроватью, туалетным столиком и единственным стулом. Дверь из нее выходила на лестничную площадку.

Кэтрин прошла в гардеробную, на ходу раздеваясь. Кинув все в большую корзину для белья, она направилась в ванную.

Приняв душ, Кэтрин облачилась в блестящее синее платье-балахон, надела легкие синие босоножки. Немного косметики, яростное приглаживание черных локонов — и вот она уже спускалась в безупречно убранную, но такую холодную и неуютную гостиную.

Мэри уже сидела на бледно-зеленом бархатном диванчике с бокалом в руке. Она молча подняла свой бокал, приветствуя Кэтрин.

— Ты выглядишь сногсшибательно, Кэйт! Никогда не видела этого платья. Оно что, новое?

Кэтрин направилась к буфету, стоящему у окна, выходящего в мощный плитамы внутренний дворик. Она улыбнулась Мэри.

— Спасибо. Но ты ошиблась, оно не новое. Ему по меньшей мере пять лет.

— До чего ты экономна! Просто идеал домашней хозяйки! — прозвучал холодный, лениво-протяжный голос с другого конца комнаты. Кэтрин повернулась. Бет сидела на противоположном диванчике, поджав под себя ноги, и тем не менее выглядела весьма элегантно. — Мэту повезло, он может не бояться, что ты разоришь его.

Не считая нужным отвечать, Кэтрин стала наливать себе шерри. Но ответ Мэри заставил ее улыбнуться.

— Да уж, Мэту действительно повезло. Иметь в доме двух экстравагантных женщин было бы уже слишком.

Бет резко выпрямилась.

— Осторожнее, Мэри! Ты можешь когда-нибудь зайти слишком далеко!

— И что же со мной будет? — последовал хладнокровный ответ. — Меня расстреляют на рассвете? Или просто выкинут с вещами на снег?

— Какой еще снег?

При звуке голоса Мэта улыбка Кэтрин сразу пропала. Он вошел в гостиную обычным быстрым шагом, поглядел на Мэри, насмешливо приподняв бровь, и тоже двинулся к буфету. Но лицо его сразу стало замкнутым, когда Кэтрин поспешно отступила от буфета и поспешила сесть на диван рядом с Мэри.

Интересно, подумала она, что из нашего разговора он слышал.

Мэри ничуть не смутилась.

— Снег, который все пророчат нам в следующую зиму, — ответила она беззаботно.

Мэт налил себе виски и положил лед в низкий стакан, затем добавил немного содовой. Его лицо ничего не выражало, когда он повернулся к женщинам, потряхивая свой стакан легкими движениями. Сделав большой глоток, он обвел глазами дам.

— А, понятно, — пробормотал он себе под нос, оценив ситуацию.

В этот момент в дверях появилась экономка, миссис Рэпп, объявившая, что ужин готов.

— Спасибо, — Мэт коротко кивнул. — Дамы, прошу.

Кэтрин поднялась первой, Мэт взял ее за локоть, чтобы проводить к столу. Он делал так всегда, когда был дома.

К гостиной примыкала парадная столовая, но Кэтрин гораздо больше любила маленькую столовую, где семья обедала, когда не было гостей.

Она с облегчением опустилась на стул, который Мэт отодвинул для нее, поскольку его близость вдруг заставила ее дыхание участиться и вызвала слабость в ногах. Мэт помедлил минуту за ее спиной, затем не спеша обошел стол, чтобы подать стул Бет, проявляющей явное нетерпение.

Мэри, всегда пренебрегающая формальностями, уже уселась на стул и спросила Мэта:

— Разве Джеймс сегодня не ужинает с нами?

Прежде чем Мэт успел ответить, в комнате прозвучал веселый, насмешливый голос Джеймса:

— Джеймс непременно поужинает с вами, Мэри, любовь моя!

Он вошел в комнату, высокий, стройный и красивый, и сел рядом с Бет. Их сходство было поразительным.

— Привет всем вам!

Его взгляд скользнул по Бет, задержался на Кэтрин и Мэри и остановился на Мэте. Время словно замедлило свой ход, когда непроницаемые глаза Мэта твердо и холодно встретили глаза брата.

Единственно, что было общего в братьях, — это их роскошные рыжеватые волосы. Только у Джеймса они были длиннее и доходили до воротника. Хотя Джеймс тоже был высокого роста, рядом с мощным Мэтом он казался значительно ниже. Братьев разделяло всего восемь лет, но жизнерадостный, легкий в общении Джеймс казался намного моложе.

В конце концов Джеймс нарушил неловкую тишину.

— Ты получил все записки?

Мэт кивнул и улыбнулся миссис Рэпп, которая уже начала подавать к столу. За едой почти никто не разговаривал, только Мэри и Джеймс изредка обменивались шутливыми репликами.

Кэтрин нервничала — молчание Мэта выводило ее из себя. Занятая своими невеселыми мыслями, не в силах дождаться, когда ужин кончится и можно будет укрыться от глаз мужа, она даже вздрогнула, когда Бет осторожно сказала:

— Мэт, я надеюсь, ты не будешь возражать — я пригласила гостью.

Прежде чем Мэт успел ответить, Джеймс спросил:

— И кого же?

Бет бросила на него быстрый неприязненный взгляд.

— Диди.

— О, Боже! — застонал Джеймс в притворном ужасе. — И сколько мы должны будем ее терпеть?

— Очень смешно! — сухо отозвалась Бет, даже не посмотрев на него. Затем, смягчив голос, она продолжила: — Ты ведь не против, Мэт? Я сто лет ее не видела, а она сейчас вернулась из Европы и как раз могла бы остановиться у нас по пути домой.

— Почему я должен возражать? — Голос Мэта звучал бесстрастно. — Ты же знаешь, ты можешь приглашать сюда кого угодно, лишь бы наши гости держались подальше от моего кабинета.

— Ну конечно! — с облегчением откликнулась Бет. Незнакомые интонации в ее воркующем голосе насторожили Кэтрин. Интересно, что это еще за Диди?

Кэтрин и Мэри обменялись вопросительными взглядами, и Джеймс поспешил пояснить:

— Диди — это мисс Дидра Холстед, школьная подруга Бет. Она вообще-то ничего, если вас не раздражают взбалмошные особы.

— Ты сегодня переходишь все границы, Джеймс, — ледяным тоном проговорила Бет. — Ты прекрасно знаешь, что Диди — моя лучшая подруга и она совсем не взбалмошная. Наоборот, она одна из самых изысканных женщин, которых я знаю.

— Да избавит меня Бог от изысканных женщин! — шутливо проворчал Джеймс.

Бет была готова вспылить, но Мэт мягко вмешался:

— Довольно, Джим. Не волнуйся, Бет, он же только шутит. Ты же знаешь, мы оба любим Диди.

— Знаю, — ответила она с явным сарказмом.

Кэтрин внимательно посмотрела на Мэта. Казалось, что он сердится на брата, и Кэтрин не могла понять почему.

Мэт допил кофе и встал.

— Надеюсь, вы извините меня. Мне нужно сделать несколько звонков.

Бет тоже поднялась.

— Я тоже ухожу. Я сегодня играю в бридж с Чарльзом и Карсонами.

Карсоны были их ближайшими соседями, их дом располагался в двух милях. Чарльз Дэвис был одним из поклонников Бет.

Несколько следующих минут прошли в молчании. Его нарушила Кэтрин.

— Пожалуй, я тоже пойду.

Джеймс выглядел разочарованным.

— Пожалуйста, Кэтрин, не уходи так рано. Мы могли бы посидеть с тобой, выпить немного бренди, поговорить...

— Пойду взгляну, как там Джонни. Спокойной ночи вам обоим, — Мэри явно торопилась оставить их наедине.

— Ну пожалуйста, Кэтрин! — продолжал настаивать Джеймс.

«До чего с ним легко!» — подумала Кэтрин. Мягкое обаяние Джеймса представляло резкий контраст с властными манерами старшего брата.

Мягко улыбнувшись, она дотронулась до его рукава.

— Не сегодня, Джеймс. Я и вправду устала. Думаю, приму сейчас душ и лягу.

Джеймс приподнял ее подбородок, взглядываясь в лицо.

— Ты действительно выглядишь устало. Что-то не так?

Она лишь покачала головой, а его пальцы легко скользнули по ее щеке.

— Да нет, все в порядке!

Кэтрин поспешила выйти, чтобы не видеть внимательного и теплого взгляда Джеймса. То, как он смотрел на нее последнее время, начинало ее беспокоить.

В спальне Кэтрин внимательно всмотрелась в свое отражение. Кончики пальцев коснулись едва заметных морщинок в уголках глаз. Да, она действительно выглядит усталой. Да и годы берут свое, язвительно добавила она про себя. И потом, она еще больше похудела.

С окончания школы и до брака с Мэтом Кэтрин носила платья десятого размера, а потом перешла на двенадцатый. Тогда эта прибавка веса не расстроила ее. Конечно, она перестала быть похожей на юную девушку, но в тридцать девять лет пора было приобретать большую солидность. Лишние килограммы придали ей ту округлость и зрелость форм, которая вполне подходила матери двух взрослых детей. Но теперь, спустя два года, она весила меньше, чем двадцать лет назад. Уже и десятый размер становился ей великоват.

Продолжая рассматривать себя в зеркале, Кэтрин провела рукой по волосам. В темных прядях уже было заметно немало серебряных нитей. Ничего себе! Не хватало только стремительно поседеть!

Передернув плечами, она отвернулась как раз в тот момент, когда открылась дверь ванной и в спальню вошел Мэт. Тихо закрыв дверь за собой, он прислонился к ней спиной. Его крупная фигура занимала почти весь проем. Кэтрин почувствовала, как участился ее

пульс при виде его обманчиво ленивой позы. Она-то знала, как молниеносно он может двигаться.

Его глаза медленно скользнули по ней, и холодок побежал по ее спине.

— Мне нравится твое платье. Это я платил за него?

Его бесстрастный тон сделал комплимент сомнительным.

Ее слова были почти точным повторением сказанного раньше.

— Спасибо. Нет, это куплено не на твои деньги. Ему уже по крайней мере пять лет.

Его брови насмешливо поднялись, рот растянулся в небрежной улыбке.

— Что тебя так рассмешило? Это прекрасное платье! — воскликнула Кэтрин возмущенно. — Я надевала его всего несколько раз. Что ты от меня хочешь? Чтобы я не носила его? Чтобы выбросила? — Она повернулась спиной к Мэту, надеясь, что он уйдет.

Кэтрин не услышала, как он подошел, и вздрогнула, когда у нее над ухом раздался его голос.

— Я ничего не хочу от тебя, Кэтрин.

Его голос был спокойным. Слишком спокойным. Она обернулась, не зная, что увидит на его лице. Гнев? Отчаяние? Но не увидела ничего. Кэтрин всматривалась в его глаза, похожие на серо-голубые льдинки, пока он не отвернулся и не пошел к двери, бросив на ходу:

— Я уезжаю.

— Уезжаешь! — повторила Кэтрин шепотом. — И куда ты едешь? — уже громче спросила она, судорожно пытаясь проглотить комок в горле.

— В Атланту. У меня там деловая встреча в девять утра, и я должен сегодня же отдать Карлу распоряжения. Самолет уже ждет меня.

Он уже прошел через ванную, и она побежала за ним.

— На сколько ты уезжаешь?

Он обернулся, пристально глядя на нее.

— На два-три дня.

— Хочешь, я сложу твои вещи?

Его взгляд потух, он вдруг показался Кэтрин очень усталым.

— Спасибо. — Его тон опять был бесстрастным. — Это даст мне несколько минут, я, пожалуй, успею принять душ.

Он устремился в ванную, но застыл, когда она воскликнула:

— Мэт!

Глядя на его широкую упрямую спину, ей хотелось закричать: что с тобой, почему ты так изменился? Но она не могла, просто не могла произнести эти слова. Единственно, что она сказала, было:

— Тебе потребуется вечерний костюм?

Его ответ прозвучал подчеркнуто ровно:

— Нет, Кэтрин, мне не потребуется вечерний костюм.

С этими словами он закрыл дверь ванной.

Несколько секунд Кэтрин стояла, чувствуя, как слезы застилают глаза. Что он о ней подумал? Что она сует нос куда не надо? Пытается выяснить, чем он занимается вдали от дома? Наверняка ему это не нравится, подумала она, чувствуя себя совершенно несчастной.

Встряхнув головой, чтобы прогнать тяжелые мысли, она решительно стянула платье, надела сиреневую атласную ночную рубашку и такого же цвета пеньюар, крепко стянув пояс на своей такой тонкой теперь талии.

Кэтрин быстро упаковала чемодан из мягкой кожи и уже застегивала «молнию», когда Мэт вошел в комнату. Она подняла глаза и замерла, а взгляд ее помимо воли скользил по его сильному телу, не упуская ничего.

Его обычно непокорные волосы были влажными, щеки и подбородок были чисто выбриты. Кэтрин жадно вглядывалась в его мощные плечи и грудь, поросшую рыжеватыми волосами. Ниже они переходили в сужающуюся дорожку, которая шла по плоскому животу и исчезала под резинкой обтягивающих бедра трусов. Кэтрин заставила себя отвести взгляд в сторону и все же успела заметить, что Мэт не оставил без внимания ее интерес к нему.

Она задохнулась от смущения, а щеки залило горячей волной, когда она сообразила, что какое-то время Мэт стоит неподвижно, предоставив ей изучать себя. Почему так заблестели его глаза? Кэтрин не стала искать ответа и немедленно обратилась в бегство. И все же она услышала его негромкий возглас: «Господи!»

Кэтрин бросилась в спальню, на ходу вытирая глаза, полные слез. Она с ногами забралась в кресло и свернулась, как маленький ребенок. Обхватив руками колени, она пыталась собраться с мыслями. Мэт, наверно, думает, что она идиотка, растаявшая от одного вида его обнаженного тела. Она ведет себя как молодая глупая девчонка, и он, должно быть, в душе издевается над ней.

Решив отогнать эти бесплодные размышления, Кэтрин взяла в руки книгу, лежащую рядом на столике, но даже не попыталась открыть ее. Нервно теребя край обложки, она не отрывала глаз от двери в ванную. Или он пройдет через маленькую спальню и даже не простится?

Мэт собрался, как всегда, быстро и через десять минут стремительно вошел в комнату. Он чуть замедлил шаг, увидев жену в кресле, затем молча прошел мимо нее к двери.

Как он хорош, в одежде или без, тоскливо подумала Кэтрин, провожая взглядом мужа. У самой двери он остановился и, помедлив, проговорил своим хрипловатым голосом:

— Ну, мне пора. До свидания, Кэтрин.

Но он не вышел, а стоял, взявшись за ручку двери, как будто ждал чего-то.

— Мэт! — Это прозвучало как отчаянная мольба, прежде чем она успела спохватиться.

Его рука медленно опустилась, и он повернулся к ней, оглядывая ее растрепанные волосы, побледневшее лицо, хрупкое тело под сиреневым атласом.

— Проклятье! — пробормотал он и, бросив чемодан, в несколько шагов пересек комнату. Одним движением он наклонился к ней, взял за руки, потянул вверх и заключил в объятия.

Прямо ей в ухо он проговорил низким взволнованным голосом:

— Обними меня, Кэтрин!

Это был приказ. Или команда. Она решительно просунула руки под его куртку и обняла его за талию, скользя пальцами по спине.

Его губы касались ее щеки короткими обжигающими поцелуями и замерли у ее рта. Языком он дразнил ее нижнюю губу.

— Мэт, пожалуйста!

— Пожалуйста, что? Пожалуйста, остановись? Пожалуйста, поцелуй меня? Что? — Его низкий хриплый шепот лишал ее сил, а руки, чувственно скользящие по ее спине, заставляли кровь быстрее бежать по жилам.

— Пожалуйста, поцелуй меня! — смогла она вымолвить, едва дыша.

Он впился в нее своими жесткими жаждущими губами, язык искал сладости внутри ее

рта. Мэт еще крепче обнял ее, взял руками за бедра и начал прижимать к себе круговыми движениями.

Кэтрин почувствовала себя невесомой, голова кружилась. Она прикинула к нему, а внутри нарастало огненное томление.

Наконец Мэт оторвался от ее рта и прочертил губами дорожку вниз, к ее шее, где отчаянно билась трепетная жилка, словно призывая его к действию.

— Боже, до чего же я хочу тебя! — простонал он. — Чертов самолет!

Очень осторожно он отстранил ее. Медленно, неохотно Кэтрин открыла глаза.

— Я должен ехать, — мягко проговорил Мэт.

Она кивнула, и он, пробормотав ругательство, наклонился и еще раз крепко поцеловал ее. Потом повернулся, подхватил чемодан и вышел, прикрыв за собой дверь.

Не замечая бегущих по лицу слез, Кэтрин стояла, глядя на дверь. Она не знала, сколько стоит вот так. Стоило Мэту уйти, и леденящее чувство потери охватило ее.

Так не может продолжаться! Приходя в себя, она упрямо тряхнула головой.

И какая же она дура!

Какой-то звук пробился наконец в ее сознание, и она посмотрела на окно. Струйки дождя текли по стеклу, подобно потокам ее собственных слез. Тот ливень, сквозь который они сегодня ехали и который превратился к вечеру в серебристый туман, возобновился с новой силой. Она слышала, как горестно скрипели под ветром деревья. Это было уже предвестие осени.

Кэтрин вздрогнула. Мэт был там, под этим дождем. Он сказал, что самолет ждет. Его самолет. Один из четырех, предназначенных для сотрудников, снующих между различными представительствами и филиалами его небольшой империи. Самого же Мэта сегодня ждал маленький самолет, находящийся в его персональном пользовании и бывший всегда наготове.

Властный по характеру и свято верящий в единоначалие, Мэт крепко держал бразды правления в своих руках. Были, конечно, совет директоров, собрания акционеров, но последнее слово всегда было за ним. Масштабы его влияния пугали Кэтрин. Точнее, ее пугал сам Мэт.

Как получилось, что она позволила втянуть себя в его мир? Чуждый ей мир производства сложной техники, мир умопомрачительного богатства. Она этого не знала, да и что теперь размышлять, почему так получилось! Выбор сделан. Теперь надо решить, как ей с этим справиться!

Слезы высохли, и она откинулась в кресле, чувствуя себя совершенно опустошенной. У нее не было ни малейшего представления, как овладеть ситуацией, которой она и раньше никогда не владела. Первое, что можно сделать, решила она, это обуздать свои чувства. Но как? Никогда она не чувствовала себя столь уязвимой. Его слова эхом отзывались в ее мозгу. «Я хочу тебя!» Констатация факта, прямая и по существу. Никогда он не произнес: «Я люблю тебя!» Никогда не сказал: «Ты нужна мне». Всегда лишь это грубое «хочу».

Ну и что же? Ведь это было частью их соглашения, разве не так? Удовлетворение его физических потребностей. Он не просил ее любви и не предлагал ей свою. Он изложил свои требования ясно и четко, и она согласилась на них. Почему же теперь она чувствует себя ущемленной? Другое дело, если бы кто-нибудь сказал ей шестнадцать месяцев назад, что к настоящему времени она будет безумно, отчаянно влюблена в своего мужа, она никогда бы не поверила.

Кэтрин был сорок один год. Она была матерью не только Джонни, но и двух взрослых детей, причем старшая дочь вот-вот сделает ее бабушкой. Она давно считала себя зрелой женщиной. Если она иногда и мечтала о любви, то представляла ее себе как ровные дружеские отношения.

Но это! Эта дикая страсть, разрывающая ее на части, — это было просто невероятно. Кэтрин не имела ни малейшего представления, как жить с ней, не говоря уже о том, чтобы побороть ее.

Она вела себя как юная девушка, переживающая свое первое чувство. Нет, поправила

она себя, даже с Кевином она никогда не испытывала ничего подобного.

Кэтрин вздрогнула и осознала, что дрожит уже какое-то время. В спальне становилось холодно. Посмотрев на часы, она с удивлением обнаружила, что уже второй час ночи. Мэт уже должен быть в Атланте. Она повернулась к окну. Бешеные порывы дождя и ветра усилились, с яростью налетая на дом.

Кэтрин, дрожа то ли от холода, то ли от внутреннего напряжения, смотрела на кровать. Она просто не сможет спать одна на этом чудовищном пространстве.

Подойдя к шкафу, она вытащила ярко-оранжевое стеганое одеяло, завернулась в него и устроилась поудобнее в длинном кресле. Но сон не приходил. В мозгу засела пришедшая недавно мысль — даже с Кевином она не испытывала ничего подобного. Но ведь она любила Кевина! Почему же сейчас все было по-другому? Она не могла объяснить это себе. Ведь и тогда, и сейчас она любила.

В поисках ответа она обратилась мыслями в прошлое, к своей жизни с Кевином Экером.

С самого начала он был идеальным другом. Начиная с их первого лета, полного солнечного света и смеха, и до того дня, когда они поженились, сразу, как только она окончила колледж, он давал ей все, о чем любая девушка могла только мечтать.

Они проводили вместе все выходные, праздники и каникулы, поскольку Кевин учился в Филадельфии и дорога до дому занимала у него не больше часа.

Такое положение дел полностью устраивало ее родителей, потому что она редко ходила куда-то в течение недели, а значит, не отвлекалась от занятий. К моменту, когда они поженились, ее родители очень привязались к Кевину, а братья просто обожали его.

Легкая улыбка тронула губы Кэтрин, когда она сравнила это детское обожание с тем почтительным уважением, которое вызывал у ее тридцатидевятилетних братьев Мэт.

Имея несомненные способности к рисованию, Кэтрин думала о поступлении в высшую художественную школу, но Кевин отговорил ее. Он сказал, что ждал и так слишком долго и не хочет больше ждать. Хорошо бы пожениться, как только она закончит колледж. Так они и сделали.

Первый год после свадьбы они жили с родителями Кевина в большом старомодном доме, в котором и родился Кевин. Там же родилась и их дочь Дженис, через одиннадцать месяцев после свадьбы и через пять дней после девятнадцатилетия Кэтрин.

После окончания учебы Кевину предложили хорошо оплачиваемую работу в большой рекламной фирме в Филадельфии. Он без колебаний согласился. Надо было думать о квартире в центре города, но родители Кевина, люди очень обеспеченные, советовали купить собственный дом.

Кэтрин с наслаждением погрузилась в поиски. Они остановили выбор на солидном доме в окрестностях Филадельфии и переехали туда за несколько недель до Рождества.

В жизни Кэтрин все складывалось как нельзя лучше, она имела все, чего может желать женщина: любящего мужа, чудесную дочь, красивый дом. И все-таки она не чувствовала себя полностью удовлетворенной.

Решив наконец, что ей не дают покоя нереализованные возможности, Кэтрин стала два раза в неделю посещать художественную студию в Филадельфии. Занятия очень увлекли ее, и вскоре Кэтрин уже делала небольшие рисунки для компании, в которой работал Кевин. Это был лучший вариант для нее — она могла работать дома, а платили ей весьма неплохо.

И все-таки смутное чувство неудовлетворенности оставалось. Это беспокоило и

смушало Кэтрин. Если бы она могла с кем-нибудь посоветоваться! Но переезд прервал ее отношения со старыми подругами. Конечно, она была в приятельских отношениях с женами друзей Кевина, но близких подруг у нее не появилось.

В юности Кэтрин вела довольно замкнутую жизнь, а матери в то время мало рассказывали своим дочерям о некоторых аспектах брака, так что ее понятия о сексуальной жизни сформировались под влиянием Кевина, который сам-то не обладал большим опытом.

До свадьбы они позволяли себе некоторые ласки, но Кевин, воспитанный достаточно строго, всегда останавливался перед запретной чертой.

Кэтрин и подумать не могла, что ее неудовлетворенность проистекает от однообразного и неумелого секса. Если бы ей и пришло такое в голову, она бы первая отвергла эту мысль, как постыдную. Она любит мужа. Кевин любит ее. А секс не такая уж важная составляющая брака.

Они прожили в новом доме чуть больше года, когда Кэтрин обнаружила, что опять беременна. Ребенок ожидался к осени, и они с Кевином были счастливы. Дженис должно было скоро исполниться два года, и Кевин сказал, что ей нужен братик, чтобы было с кем играть.

Кевин хотел сына. Но так и не увидел его. Томми родился через четыре недели после смерти отца.

Даже сейчас, спустя двадцать лет, воспоминания о той ночи были мучительными, и Кэтрин беспокойно заворочалась под своим одеялом. Вдруг она села, не в силах поверить. Она считала, что дата гибели мужа навсегда запечатлелась в ее памяти, а теперь сообразила, что в этом году она пропустила этот день, пока они с Мэтом были в горах. По правде говоря, два дня, проведенные с Мэтом, заставили ее забыть обо всем на свете.

— Боже мой! — громко произнесла она, резко оборачиваясь к окну. Именно в такую ненастную ночь погиб Кевин, и Мэт отправился в поездку в такую же непогоду!

«Кончай!» — мысленно приказала она себе. Уже два часа ночи, и Мэт, по всей вероятности, давно уже спит в своем номере в гостинице. Если бы с ним что-то случилось, ей бы уже сообщили.

Закрывая глаза, она словно наяву услышала звонок телефона, раздавшийся в ту ночь, и незнакомый голос, полный сочувствия, сообщивший ей, что ее муж погиб в автомобильной катастрофе.

Их было четверо в машине. Они возвращались с вечеринки, которую устраивал один из сотрудников Кевина. Конечно, они выпили. По всей видимости, Кевин спал на переднем сиденье рядом с водителем. Водитель и сам, должно быть, задремал на какую-то секунду, и машина съехала с шоссе, пробив металлическое ограждение, и стала падать, переворачиваясь, на набережную, где и врезалась в дерево.

Кевин и водитель погибли сразу же, не успев понять, что произошло. Остальные двое умерли в больнице на следующий день.

Воспоминания о первых неделях без Кевина вызвали у Кэтрин невольную дрожь. Ее мать приехала, чтобы помочь ей с бесконечными заботами по похоронам. Кевина похоронили на семейном кладбище, а Кэтрин отправилась пожить у родителей.

Эти недели она прожила словно в тумане. Она говорила, двигалась, ухаживала за Дженис, но мысли ее были где-то далеко, а чувства как будто заморожены.

И только когда начались схватки, пришло окончательное осознание несчастья. У нее будет ребенок от Кевина, а он никогда его не увидит!

На всем протяжении родов она молилась, чтобы это был сын и чтобы он был похож на Кевина. Ее желание сбылось только наполовину. Родился мальчик. Но похож он был скорее на нее — с темными волосами и фиалковыми глазами.

Неожиданный звонок телефона заставил Кэтрин отвлечься от тяжелых воспоминаний. Голова кружилась, расширенные от страха глаза Кэтрин не отрывались от телефона. Частный номер Мэта. Второй телефон с таким номером был у Мэта в кабинете.

Очень медленно она подошла к аппарату и с опаской протянула руку. Наконец она решительно сняла трубку, с усилием прошептав «я слушаю».

— Кэтрин? — До нее донесся энергичный, полный жизни голос Мэта.

Почувствовав облегчение, Кэтрин ответила уже бодрее:

— Да, Мэт?

— Извини, что разбудил тебя, но в спешке я забыл кое-какие бумаги, которые мне понадобятся завтра... то есть уже сегодня. Я послал самолет и велел Джеку взять бумаги и подвезти в аэропорт. Он скоро подъедет. Не могла бы ты пойти в кабинет и взять их? Ты сразу их найдешь, они лежат в кожаной папке на моем столе.

Мэт, как всегда, говорил сугубо по делу, четко, подробно, понимая, что жена еще не до конца проснулась. Желая хоть чуть-чуть продлить разговор, чтобы слышать этот родной сильный голос, который словно переносил его сюда, в их дом, через многие мили, Кэтрин ответила:

— Да, конечно! — И тут же поспешно спросила: — А как прошел полет? Погода ведь ужасная!

— Правда? — Его голос звучал слегка удивленно. — Я и понятия не имел. По-моему, все было в порядке, честно говоря, я проспал всю дорогу, а сейчас здесь ясное небо.

Кэтрин почувствовала легкое раздражение. Она тут сходит с ума от тревоги, а он спокойно спит в своем проклятом самолете! Но его следующие слова заставили это чувство испариться.

— Я подумал, что надо воспользоваться моментом, чтобы хоть немного поспать, потому что этот разговор с Карлом займет все время до моей следующей встречи, а у меня весь день расписан. Еще раз прости, дорогая, что пришлось тебя разбудить, и надеюсь, что ты сумеешь быстро заснуть. Спасибо, Кэтрин.

Кэтрин услышала щелчок и гудки — он повесил трубку. Ни до свидания, ни спокойной ночи. Просто спасибо. Как будто он разговаривает с секретаршей, раздраженно подумала она. Она повесила трубку, с удивлением заметив влажный след на ней. Ее руки и лоб были влажными, а по телу пробежал легкий озноб. Телефонный звонок разбудил ее в тот момент, когда кошмарные ночные сны мучили ее, и она проснулась в холодном поту.

Кэтрин заставила себя подняться и направилась в кабинет. Бумаги были именно там, где и сказал Мэт, и она уже выходила из кабинета, когда услышала шум подъезжающей машины. Поспешно пройдя через холл, Кэтрин успела открыть дверь раньше, чем Джек позвонил, так что они не разбудили никого в доме.

Широко улыбаясь, Джек вошел в холл. Он выглядел на удивление бодро, как будто сейчас был день, а не глухая ночь.

— Простите, что пришлось вас побеспокоить, миссис Мартин, — сказал он. И добавил с мягким упреком: — Вы же знаете, никогда нельзя вот так открывать дверь, не спросив, кто там. Босс не похвалил бы вас, это точно.

Кэтрин улыбнулась ему. Она любила этого юношу, такого приятного и

доброжелательного. Он был на пять лет старше Томми, и в первое же их лето здесь взял его под свое крыло, помогая привыкнуть к новой обстановке.

— Обещаю, что это в последний раз! — сказала она с улыбкой. — Не зайдете ли на чашку кофе? — Она отступила, пошире раскрыв дверь.

Джек коротко покачал головой.

— Спасибо за приглашение, но сейчас никак. Маленький красавец вот-вот приземлится, так что мне лучше быть там с бумагами.

Он уже повернулся, но Кэтрин остановила его.

— Мне может понадобится машина в ближайшие день-два, чтобы съездить в Филадельфию.

— В любое время, миссис Мартин. Просто позвоните в гараж.

Он спустился по ступеням, открыл дверь машины, но в последнюю минуту обернулся и спросил:

— Кстати, как у Тома дела в школе? Все в порядке?

— У него все прекрасно, спасибо, Джек. Он будет рад узнать, что вы интересовались его делами.

Джек одобрительно кивнул.

— Хороший парнишка у вас растет, мэм. — Он махнул рукой, сел за руль, и машина плавно тронулась.

Кэтрин закрыла дверь с улыбкой на губах. Да, Том действительно хороший парень. Она его неплохо воспитала.

Томми всегда был чудесным ребенком. Очень редко он не давал ей спать ночами. Она жила у родителей, пока ему не исполнилось три месяца. Мать хотела, чтобы Кэтрин продала дом и вернулась к ним в Ланкастер, но Кэтрин отвергла эту мысль. Она любила их с Кевином дом и хотела жить в нем и дальше.

После гибели Кевина она получила хорошую сумму по страховке. Деньги за дом удалось полностью выплатить. У Кэтрин оставался еще небольшой ежемесячный доход, к тому же она собиралась продолжить свою работу иллюстратора. Ей предстояла нелегкая задача скопить деньги на образование детей, но при аккуратном ведении дел она надеялась собрать нужную сумму.

Первые несколько лет им пришлось заметно ограничить свои расходы, но со временем работы Кэтрин получали все большую известность, и заработки ее росли. Компания, в которой работал Кевин, время от времени предлагала ей постоянную работу, но Кэтрин не соглашалась — ей не хотелось оставлять детей на целый день одних.

Завернувшись в одеяло, Кэтрин лежала без сна, с широко открытыми глазами. Но она не видела ничего вокруг себя. Ее мысли были в далеком прошлом.

У нее никогда не было много друзей, потому что она нигде не бывала. Вся ее жизнь крутилась вокруг Дженис и Тома, и ее дни были всегда заняты, но вот ночи часто были мучительными.

Кэтрин поежилась, вспомнив ночи, когда она не могла заснуть, болезненно ощущая свое одиночество. Она жила с мужчиной, спала с ним. Ее телу свойственны были нормальные потребности. Ночь за ночью она боролась с собой, чтобы подавить их. В этой молчаливой битве она победила. В эти годы она встречала мужчин, которые проявляли к ней внимание. Но они все теряли интерес, когда она давала понять, что не будет ни спать с ними, ни выходить замуж. Она сумела убедить их всех, даже самых настойчивых, что не изменит

своего мнения. Но это было до тех пор, пока не появился Мэт.

Кэтрин повернула голову к окну и удивилась, что уже утро. Она провела всю ночь, погруженная в свое прошлое, и не решила ни одну из сегодняшних проблем. «Уж не схожу ли я с ума, предаваясь бесконечным воспоминаниям? — откровенно спросила она себя. — Надо покончить с этими настроениями!»

Решительно поднявшись с кровати, она сложила и убрала в шкаф одеяло. Понятно, в чем тут дело. У нее просто слишком много свободного времени, а она не привыкла к безделью.

Думая, что бы такое сделать, Кэтрин пришла к одной мысли. Она сказала Джеку, что ей понадобится машина, чтобы съездить в город. Но гораздо лучше поехать попозже, ближе к дню рождения Тома, взяв с собой Мэри и Джонни, и пожить недельку-другую в городской квартире. Кэтрин с удовольствием прокручивала в голове планы поездки. В конце недели, на день рождения Томми, она устроит праздник. Возможно, Дженис с мужем смогут прилететь из Вашингтона. Она наконец-то позвонит Кэррол. Боже, как давно они не собирались! Можно будет посмотреть новые спектакли, можно всласть походить по магазинам, выбирая подарок для Тома.

Мэри, должно быть, тоже будет рада переменить обстановку, а заодно познакомиться с новыми веяниями в моде. А если удастся найти на время надежную няню для Джонатана, то они с Мэри могут ходить по магазинам вдвоем.

Лицо Кэтрин медленно расплылось в довольной улыбке. Решено: она позвонит секретарше Мэта и поручит найти няню. Весьма довольная своей находчивостью, она направилась в душ.

Следующие три дня были наполнены лихорадочной деятельностью. Дом, готовящийся к приезду Диди, гудел как улей. Кэтрин не могла войти в комнату без того, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из слуг, что-то чистящих, натирающих, переставляющих.

Мэт еще не вернулся, и Кэтрин в душе была согласна с Мэри, что это к лучшему.

— Если он окажется в этом сумасшедшем доме, — сухо заявляла Мэри, — то просто уйдет через пять минут, хлопнув дверью.

Джеймс старался исчезнуть из дома под любым предлогом. Как и все мужчины, он ненавидел суматоху. Правда, он пообещал Бет, что, как только Диди приедет, он будет на месте, чтобы ее поприветствовать.

Верный своему слову, он появился в гостиной вечером накануне ее приезда. Осмотрев сверкающую чистотой комнату, он обратил свой взгляд на Кэтрин и Мэри.

— Добрый вечер, дамы, — сказал он. — Бет еще не спустилась?

— Она сегодня обедает в гостях, — ответила Кэтрин и добавила, улыбаясь: — Добро пожаловать снова домой, Джеймс.

— Вы скучали без меня? — Его голос звучал шутливо, но глаза пристально изучали ее, и это нервировало Кэтрин.

— Ну конечно, скучали! — постаралась она сказать как можно непринужденнее. — Хотя должна заметить, что дом не казался затихшим.

Все засмеялись, счастливые, что стихийное бедствие наконец позади.

— Вы что, сегодня не пьете? — спросил Джеймс. — Или просто лень смешать коктейль?

— Вот именно — лень, — отозвалась Мэри.

— Избалованные кошечки! — поддразнил он их, подходя к буфету. Он приготовил всем по коктейлю и уселся в кресло напротив Кэтрин, вытянув ноги.

— Ты выглядишь усталым, Джеймс, — заметила Мэри. — Что, босс слишком тебя эксплуатирует?

— Да уж не без этого! — протянул Джеймс с усмешкой. — Я бы давно восстал, если бы не знал, что он сам работает вдвое больше, чем я или любой из его подчиненных.

Джеймс медленно потягивал коктейль, не сводя глаз с Кэтрин, потом неожиданно добавил:

— Что касается работы, его не в чем упрекнуть.

О чем это он, удивилась Кэтрин. Значит ли это, что в других отношениях он не столь безупречен? Она чувствовала, что Джеймс имел в виду ее отношения с Мэтом, и разозлилась на него за этот бестактный намек. Ей был неприятен и взгляд Джеймса, которым он смотрел на нее — откровенный и оценивающий.

Она почувствовала большое облегчение, когда миссис Рэпп объявила, что обед готов, и сразу поспешила в столовую.

Джеймс подал стул Мэри, затем сел сам и повернулся к Кэтрин:

— А как наш Уголек? Первыми словами Джеймса, когда он увидел Джонатана, были: «Боже, это же копия Мэта, написанная углем!» С тех пор он называл Джонни не иначе, как Угольком.

— Глаза горят, хвост морковкой! — смеясь, ответила Мэри. — Он пока слишком мал,

чтобы чувствовать свойственный мужчинам ужас перед генеральной уборкой.

Джеймс поднял бровь, обращаясь к Кэтрин.

— Думаю, Бет готовит массу развлечений для несравненной Диди?

— Я не в курсе ее планов. Знаю, что она намечала званый обед на субботу, потому что она спрашивала меня, вернется ли Мэт.

— А ты это знаешь? — сухо поинтересовался он.

Кэтрин твердо выдержала его взгляд. — Нет.

— Он тебе не звонил?

Она снова почувствовала болезненный укол, но не показала этого. Это было скорее утверждение, чем вопрос, и эти четыре слова ясно показывали, как Джеймс, да и, наверно, все окружающие воспринимают их с Мэтом отношения. Гордость заставила ее солгать.

— Он звонил один раз, но тогда он еще не знал, когда приедет. Он сказал, что задержится на два или три дня, но, судя по всему, возникло нечто непредвиденное.

Пожав плечами, словно ее это несколько не трогало, Кэтрин занялась едой и не заметила, как Джеймс и Мэри обменялись взглядами. Некоторое время все молчали, затем Кэтрин продолжила разговор, как будто он и не прерывался.

— Бет не сочла необходимым говорить мне о своих планах, потому что я ее предупредила, что меня здесь не будет.

Джеймс удивленно поднял голову.

— Куда ты собираешься? — озабоченно спросил он.

Кэтрин улыбнулась. Реакция Бет была точно такой же. Они что думают, что она собирается убежать из дому каждую неделю? Взглянув на Мэри, она увидела в ее глазах такую же усмешку.

— Мы проживем в городской квартире несколько недель. Собираюсь походить по магазинам. Кроме того, я хочу отпраздновать там день рождения Тома. Ты приедешь?

Джеймс кивнул с энтузиазмом и спросил:

— А кто это мы?

— Мэри, я, ну и Уголек, конечно.

— А Мэт? — недоуменно спросил он, глядя ей в глаза.

— Ну, я не знаю. Это будет зависеть от его расписания.

Джеймс опять лишь коротко кивнул, но его глаза не отрывались от ее глаз, как будто хотели увидеть нечто скрытое в глубине. Но вот что? Кэтрин не стала гадать. Говоря по правде, ей совсем не хотелось, чтобы кто-то копался в ее жизни, она и сама не может найти ответы на многие вопросы.

— Я позвоню тебе на работу, когда буду знать все точно. Хорошо?

— Конечно. А если меня не будет, то оставь мне сообщение, я обязательно приеду.

— Договорились, — ответила она, и разговор был окончен.

Они провели вместе приятный вечер. Джеймс выглядел усталым и рано ушел к себе. Мэри сидела молча некоторое время, затем сказала:

— Боюсь, это я помешала ему.

— Что ты хочешь сказать? — изумилась Кэтрин.

— Ну ладно, Кэйт, не надо! — ответила Мэри. — Джеймс просто тает, когда он с тобой. Было совершенно ясно, что он мечтает остаться с тобой наедине. — Многозначительно помолчав минуту, она добавила: — На твоём месте я была бы поосторожнее, детка.

— Боже мой, — простонала Кэтрин, откидываясь в кресле. — Я пыталась уверить себя,

что это только мое воображение, но если и ты видишь это... А ты не думаешь, что с его стороны это просто сочувствие?

— Нет, Кэйт, не думаю, — покачала головой Мэри. — Как бы мне ни хотелось так думать. Или я ничего не понимаю в сердечных делах, или Джеймс по уши влюблен в тебя!

— Только этого мне и не хватало! — Голос Кэтрин звучал подавленно. — Я не могу справиться даже со своими теперешними проблемами, а мне подбрасывают еще одну! Мэри, ну что же мне делать?

Это был первый раз, когда Кэтрин потеряла самообладание в присутствии подруги, и Мэри встревожилась. Успокаивающе похлопав Кэтрин по руке, она сказала со всей возможной твердостью:

— Не волнуйся, Кэйт. Во-первых, это проблема Джеймса, а не твоя. И если ты постарайся не оставаться с ним наедине, то, что он чувствует — или думает, что чувствует, — может когда-нибудь пройти.

Кэтрин уже открыла рот, чтобы возразить, но Мэри уверенно продолжала:

— Во-вторых, я считаю, что нужно уехать в Филадельфию раньше, чем мы собирались. Как можно раньше, сразу после того, как приедет гостья Бет. Ты раздуваешь свои проблемы до невыносимых размеров, детка.

— Но, Мэри...

— Да нет, Кэйт, я же не говорю, что это выдуманные проблемы. Я знаю, что они вполне реальные. Но я хочу сказать, что тебе надо уехать ненадолго из этого дома. Тебе здесь просто нечем заняться. У тебя слишком много свободного времени. Вот ты и заиклилась на своих проблемах, прокручивая их в голове до бесконечности, пока они не стали казаться тебе огромными. Что тебе нужно, так это общаться с людьми, делать дела, смеяться, разговаривать. — Ее взгляд стал задумчивым. — Интересно, Кэйт, ты хоть представляешь, сколько времени ты не смеялась? Я имею в виду настоящий, радостный смех.

Кэтрин смотрела на нее с удивлением.

— Не знаю. Последнее время у меня как-то не было причин смеяться. И кроме того, я все время говорю себе, что очутилась в подобном положении по своей воле, а значит, не могу никого винить, а это тоже не способствует веселому настроению.

— Ну положим, это слабое утешение, — последовал уверенный ответ.

— Мы должны остаться на званый обед в субботу. Но поскольку Бет не потрудилась поставить меня в известность о своих дальнейших планах, то я не вижу причины, почему бы нам не уехать в понедельник.

Мэри согласно кивнула, но все-таки тихо спросила:

— А Мэт?

Кэтрин глубоко вздохнула.

— Ну конечно, Мэт! Проклятье! Не знаю, Мэри. Не имею ни малейшего представления останется ли он дома, когда приедет. Придется, видимо, поступать по обстоятельствам.

Мэри усмехнулась.

— Предупреди меня за час до отъезда, и мы с Джонни будем готовы минута в минуту.

На следующий день Кэтрин, Мэри и Джеймс пили утренний кофе в гостиной, когда Бет ввела в комнату Диди. Гостья была хороша собой. От серебристо-белокурой головки до кончиков итальянских туфель Диди была красива холодной хрупкой красотой. Небольшая, изящная, с кожей белой и гладкой, как фарфор. От нее так и веяло богатством, довольством.

Бет представила подругу домашним.

Кэтрин, старательно улыбаясь, почувствовала, как в ней поднимается необъяснимое раздражение. Карие, словно у оленя, глаза Диди стали колючими, когда она оглядывала Кэтрин с головы до ног. Кэтрин поняла — ее мгновенно взвесили, оценили и отбросили, как нечто несущественное.

Неловкую паузу прервал Джеймс. Он обнял Диди за плечи, чмокнул в щеку и проговорил:

— Ты стала еще красивее. Признавайся, сколько разбитых сердец ты оставила в Европе?

Диди рассмеялась, и низкий тембр ее голоса, так не соответствующий хрупкой фигурке, поразил Кэтрин.

— Я не собираюсь признаваться! Как приятно опять тебя увидеть, Джеймс. — Затем, слегка подняв брови, она добавила: — Не рассказывай мне, что босс дал тебе выходной в честь моего приезда.

Джеймс весело рассмеялся, на его лице появилось заговорщицкое выражение, и он сказал, понизив голос:

— Ну, ты же знаешь, когда кошки нет поблизости, мыши могут...

Лицо Диди едва заметно напряглось, она повернулась к Бет.

— Мэта нет?

Кэтрин внутренне сжалась и заметила, что и Мэри выпрямилась в своем кресле. Что-то такое было в тоне Диди... Но что?

— Ты же знаешь Мэта, — мягко ответила Бет. — Он возвращается домой только затем, чтобы перепаковать свой чемодан. Но я ожидаю его с минуты на минуту.

Слова Бет неприятно поразили Кэтрин. «Я ожидаю». Не «мы ожидаем». Сжав кулаки ощущая себя лишней в этом доме, Кэтрин сидела неподвижно и чувствовала, как по лицу разливается бледность от слов, произнесенных Диди.

— Кто-нибудь должен наконец убедить его переложить часть своей ответственности на помощников. Уж я бы сумела это сделать!

Кэтрин застыла. Она прекрасно поняла, кого имеет в виду Диди. Всего несколькими словами Диди буквально уничтожила ее. Кэтрин постаралась овладеть собой и скрыть возмущение. Как она смеет? По какому праву эта китайская кукла делает подобные замечания в собственном доме Кэтрин? Но тут Кэтрин вынуждена была поправить себя. Этот дом не принадлежал ей. Это был дом Мэта. В его отсутствие Бет была здесь полновластной хозяйкой. Кэтрин нисколько не сомневалась, что Диди прекрасно осведомлена о положении вещей.

— Не могу себе представить, чтобы кто-либо мог учить Мэта, как вести дела. — Голос Джеймса был спокойным, но глаза смотрели сурово.

— Ну, способы-то всегда есть, — с многозначительной усмешкой протянула Диди, подняв бровь.

Глядя на подругу с восхищением, Бет увела ее посмотреть приготовленную комнату.

Кэтрин неподвижно сидела, глядя им вслед. Зачем Диди затеяла весь этот разговор? Что она имела в виду?

Мягкий голос Джеймса прервал ее мысли:

— Не обращай внимания на Диди, Кэтрин. Она так часто и подолгу бывала здесь, что почти стала членом нашей семьи и, видно, решила, что ей позволено говорить все что угодно.

Кэтрин обернулась к Джеймсу, но прежде, чем она успела ответить, вмешалась Мэри.

— Я всегда знала, что непомерное самомнение может вызвать лишь презрение, — сказала она сухо. С этими словами она поднялась и вышла, успев сказать, не оборачиваясь: — Сегодня я еще раз убедилась в этом.

Кэтрин поспешила за ней.

— Кэтрин! — В голосе Джеймса послышалась мольба.

Она покачала головой.

— Поговорим потом, Джеймс, пожалуйста.

И она быстро вышла из комнаты. В этот момент она не хотела ничего, только взять своего сына и бежать отсюда. Бежать немедленно, как будто вся ее жизнь зависела от этого.

Но она осталась. Она пообедала с Мэри в детской и к тому времени, когда вышла в гостиную, совершенно овладела собой. Кэтрин полностью ушла в себя, ее голос звучал холодно. Она заметила обеспокоенный взгляд Джеймса, но поспешила отвернуться.

Кэтрин сидела, потягивая коктейль, и чувствовала себя странно одиноко. Мэри объявила, что одной дозы Диди в день ей вполне хватит, и осталась в детской. Кэтрин сидела, позволяя уколам Диди скользить по ее доспехам. Только одно замечание пробило ее защиту.

Джеймс спросил, видела ли гостя Уголька, и та сказала с довольным смехом:

— Да, я видела сына Мэта. Ты прав, он копия отца. Мэт, должно быть, просто счастлив.

Говоря это, она ни разу не взглянула на Кэтрин. Похоже, она считала, что Мэт произвел на свет это чудо без чьей-либо помощи.

Кэтрин защитилась тем, что еще больше ушла в себя. Она постаралась не прислушиваться к разговору, думая о понедельнике как о спасении, и поднялась к себе довольно рано.

Мэт приехал в субботу.

Кэтрин провела наверху все утро, но к обеду волей-неволей ей пришлось спуститься.

Все уже сидели за столом, когда в столовую вошел Мэт. Он сразу направился к Диди и взял ее маленькую ручку в свои ладони. Стоило ему войти в комнату, как Диди устремилась к нему с радостным возгласом: «Мэт, дорогой, когда ты приехал?» И он ответил ей, улыбаясь:

— Я только что вошел в дверь.

Затем, наклонившись, как и Джеймс днем раньше, он поцеловал ее белую щечку. Только слова были другие:

— Как ты, Диди? Мы столько времени не виделись.

Задержав свои руки в его на несколько секунд, она ответила:

— У меня все прекрасно. А о тебе можно и не спрашивать — ты выглядишь потрясающе!

Широкая непринужденная улыбка сделала его лицо неотразимо привлекательным.

— Не надо мне льстить, Диди. Ты же знаешь, что все равно я ни в чем не могу тебе отказать.

Он отошел от ее стула, и Диди села, удовлетворенно улыбаясь.

Не ожидая ее ответа, Мэт подошел к Кэтрин.

— Здравствуй, Кэтрин, как дела? — тихо произнес он и коснулся губами ее щеки.

Кэтрин опять замкнулась в себе, как и вчера, и отстраненно наблюдала, как при виде этого поцелуя улыбка сбежала с лица Диди, а Джеймс сжал челюсти.

— Все в порядке, Мэт. С приездом. — Ее голос прозвучал неожиданно даже для нее самой — холодно и безразлично.

Глаза Мэта зло сверкнули, и он прошел на свое место во главе стола. Сев, он кивнул Бет и Джеймсу, затем остановился на пустующем месте.

— А где Мэри? — Вопросительно подняв брови, он посмотрел на Кэтрин.

Но язвительный голос Бет опередил ее ответ.

— Мэри что-то дуетя. Она и вчера не соблаговолила пообедать с нами.

Кэтрин открыла рот, чтоб возразить, но Мэт ответил сам, холодно глядя на сестру, хотя его голос звучал почти ласково:

— Мэри никогда не дуетя. Если ей не хочется обедать с нами, то это ее личное дело.

Этот спокойный упрек возымел не меньшее действие, чем если бы Мэт прямо приказал оставить Мэри в покое.

Краска бросилась в лицо Бет. За столом воцарилось молчание, которое нарушил сам Мэт, спросив:

— А как Джонни?

Похоже, у Кэтрин не было шанса ответить даже на этот вопрос, поскольку Диди тут же воскликнула:

— О Мэт, он такой красавец! Как ты, должно быть, гордишься им!

Брови Мэта приподнялись над холодными глазами.

— Спасибо. Мы так привязаны к нему, — сказал он, и в его голосе отчетливо прозвучало раздражение. И еще более сухо он добавил: — Думаю, мы оставим его у себя.

Кэтрин наклонилась к тарелке. Поймет ли она когда-нибудь своего мужа?! Временами он явно мистифицировал как брата и сестру, так и ее.

Диди явно не собиралась быть в опале у Мэта, и она проворковала:

— Ты сказал, я могу попросить у тебя все, что захочу, Мэт. Я хочу только одного — побольше пообщаться с тобой.

Кэтрин замерла. Просто неслыханно! Если бы Мэт был свободен, тогда другое дело. Но заявить такое женатому человеку при его жене! Она посмотрела на своего мужа и почувствовала боль в груди. Многозначительная обольстительная улыбка расплывалась по его лицу. Самым любезным тоном он ответил:

— Ты получишь все мое внимание на сегодня и на часть завтрашнего дня, пока я не уеду вечером.

— Уедешь! — простонала Бет. — Так скоро? Мэт, ведь ты только что вернулся!

— Увы! На заводе в Питтсбурге какие-то проблемы с рабочими, мне придется срочно лететь туда.

Джеймс повернулся к брату:

— Мэт, но ведь срок подписывать контракты еще не подошел.

— Знаю, — мрачно ответил Мэт. — Поэтому-то я и должен ехать.

— Но, Мэт, — начала упрашивать Диди, — я ведь только приехала. Неужели нельзя послать кого-нибудь другого?

— Увы. Рабочие заявили администрации, что не будут разговаривать ни с кем, кроме меня. Мне совсем не улыбается там забастовка. Эти люди работают на меня. Я должен ехать.

Его тон не допускал дальнейших возражений.

«Ну конечно, всегда есть способы!» — ехидно подумала Кэтрин. Но даже у Диди этот прием не прошел, и теперь она сидела, обиженно надувшись. Джеймс выглядел

озадаченным, и, что странно, в глазах Бет были слезы. Кэтрин сидела неподвижно, сжав руки, твердо выдерживая взгляд Мэта. Усилие, которое ей для этого требовалось, рождало в ней внутреннюю дрожь. Но по крайней мере ее муж никогда об этом не узнает.

Мотор урчал, как сытый кот. Кэтрин удовлетворенно вздохнула, откинувшись на спинку, обитую темно-красным плюшем. Машина была совершенно новой, ее лоснящиеся поверхности покрывала ослепительно белая краска, что придавало ей девственный вид. Даже запах внутри салона говорил о новизне.

Мэта вчера отвезли в аэропорт на «Континентале». Как и самолет, большой черный автомобиль находился в его личном пользовании. Это не имело ничего общего с выставлением своего богатства напоказ, просто так было удобнее. Просторное заднее сиденье машины позволяло Мэту разложить деловые бумаги, с которыми он постоянно работал.

Когда Кэтрин вышла из дому, чтобы ехать, она удивилась, увидя новую машину. Ничуть не меньше она была удивлена, заметив у машины не Джека, а его отца — Клэйна. Джон помог Мэри и Джонни устроиться на заднем сиденье и поставил чемоданы в багажник.

Он был такого же среднего роста и крепкого сложения, как и его сын. Но на этом сходство кончалось. В отличие от по-юношески обаятельного и полного сил сына отец был явно потрепан жизнью. Джон коротко стриг свои седые волосы, тогда как у Джека, по современной моде, была пышная шевелюра.

Обычно молчаливый и медлительный, Джон, однако, имел потрясающую реакцию. Кэтрин знала это по собственному опыту. Однажды Джон вез ее и Мэта и, попав в аварийную ситуацию, проявил такую реакцию и выдержку, что Кэтрин лишь ахнула от восхищения. Мэт тогда едва поднял глаза, чтобы тут же опять уткнуться в свои бумаги.

Как-то Том рассказал Кэтрин историю отца и сына, которую поведал ему сам Джек.

Джон Клэйн в шестнадцать лет стал моряком. Двадцать лет он плавал на торговых судах, но его жена заболела, и ему пришлось осесть на берегу. Пытаясь найти что-либо подходящее, он переходил с одной работы на другую.

А пятнадцать лет назад попал на работу к Мэту. Первые пять лет он проработал курьером, а последние десять — личным водителем Мэта.

Вскоре после того, как Джон стал шофером Мэта, его жена умерла. Через полгода в ответ на расспросы Мэта Джон рассказал хозяину, что волнуется за сына. Мальчику еще не было шестнадцати, а он совсем отбился от рук. Мэт тогда сказал только, что посмотрит, что можно сделать.

Спустя годы Джек откровенно рассказал сыну Кэтрин — Тому, что только участие Мэта в его судьбе удержало Джека от опасных поступков. Каким-то образом Мэт знал про Джека все, от школьных отметок до имен всех его дружков. Он знал и о настоящей страсти, которую мальчишка испытывал к машинам и механизмам. А Джек был, по его собственным словам, «зациклен» на машинах.

Мэт, приглядевшись к Джеку повнимательнее, предложил ему следующее: если он остается в школе, проводя полдня в общеобразовательных классах, а полдня в классах по механике, то по окончании школы он возьмет на себя ответственность за весь гараж Мэта.

Джек обрадовался такой возможности. Как он объяснил Тому, все хозяйство включало в себя не только личный гараж Мэта, но и машины, которые тот держал для своих сотрудников. Несколько лет назад Мэт позволил ему в качестве поощрения брать у механиков компании уроки обслуживания авиамоторов.

Сначала Джеку редко приходилось выполнять обязанности шофера. Но, когда Мэт женился, его отдали в распоряжение Кэтрин. Поэтому, где бы ни была хозяйка, в городской квартире или в доме, Джек, как правило, находился там же.

Как ни странно, но Джек, по словам Тома, ничего не имел против.

Поделившись с матерью откровениями Джека, Том надолго умолк. Он тогда только познакомился с Мэтом и, как знала Кэтрин, чувствовал себя ущемленным браком матери. Потом он добавил очень серьезно:

— Знаешь, мама, Джек сказал, что они с Джоном готовы жизнь отдать за Мэта. Каким же человеком надо быть, чтобы вызывать такую преданность и такое уважение?

Действительно, что за человек Мэт? С тех пор Кэтрин часто задавала себе этот вопрос.

— Джек сейчас в городе, — заговорил Джон, заметив удивление на лице хозяйки. — Они вчера собирались чинить мотор для «Сессны», и поэтому Джек отвез босса в аэропорт. Но я позвонил ему, и он будет на месте, когда мы приедем.

Кэтрин слушала старшего Клэйна с улыбкой. Неужели он оправдывается перед ней?

— Ну и прекрасно, Джон, я просто не ожидала увидеть новую машину.

— Да, мэм, она доставлена всего час назад. Эта поездка покажет, какова она в управлении. — И извиняющимся тоном Джек добавил: — Я должен буду сразу же вернуться на ней обратно, хозяин предоставил ее в распоряжение сестры и ее гости. Но в городе есть другая машина, да и у Джека на ходу «Линкольн», так что вы не останетесь без транспорта.

Для неразговорчивого Джона это было целой речью, и Кэтрин продолжала недоумевать, почему это старший Клэйн вдруг так разговорился.

Она улыбалась, сидя в стремительно несущейся машине, встречный ветер, казалось, унес прочь все ее грустные мысли.

Этим утром Кэтрин проснулась с непривычным ощущением радости внутри и чувствовала, как оно растет, пока она собиралась. Кэтрин только сейчас поняла, в чем дело. Это было восхитительное и волнующее предвкушение свободы. Кэтрин попыталась справиться с этой безудержной, словно снег на голову обрушившейся на нее радостью. Но ее настроение не желало меняться. После прошедших выходных она просто не выдержала бы, если что-нибудь помешало бы отъезду.

Субботний обед превратился в грандиозное событие. Официально было приглашено двадцать пар. Но на стол пришлось ставить вдвое больше приборов — гостей собралось около пятидесяти человек. Верный своему слову, Мэт весь вечер не отходил от Диди, и Кэтрин ощущала себя покинутой. То, что Джеймс, пытаясь как-то развлечь ее, был все время около Кэтрин, только ухудшило дело. Надо было быть слепой, чтобы не видеть удивленные, любопытные взгляды, которые гости переводили с Мэта на его жену.

Мэри заявила, что с нее довольно, и ушла к себе. Кэтрин очень хотелось последовать за ней, но она понимала, что это рассердит Мэта. Муж, хотя и игнорировал ее присутствие, время от времени бросал на нее внимательные взгляды. Кэтрин не могла понять, зачем ему нужно, чтобы она была здесь, если до нее никому не было дела. У нее было только одно объяснение: Мэт сознательно хотел ее унижить, и это делало ее боль еще острее.

К двум часам ночи улыбка, словно приклеенная к ее лицу, погасла, и Кэтрин поняла, что больше не способна мило болтать с людьми, которых едва знала. Большинство из приглашенных она видела в первый раз. Мэта нигде не было видно, ну и пусть, ей уже все равно! Она незаметно покинула гостиную и поднялась к себе.

В воскресенье Кэтрин проснулась разбитая и с головной болью. Больше всего ей

хотелось заснуть опять, но эта уловка была неуместна — на часах было уже половина одиннадцатого. Кэтрин с усилием поднялась. Она даже не знала, когда Мэт лег вчера и спал ли он вообще, во всяком случае, в спальне его не было.

Она стала одеваться, когда из ванной раздался голос Мэта.

— Ты когда будешь готова, Кэтрин? Скоро надо выезжать.

Фиалковые глаза в зеркале смотрели в полном недоумении. К чему готова, куда ехать?

— Мэт, я не понимаю, о чем ты?

— Ты что, не помнишь? — В его голосе звучало раздражение. — Нас же пригласили к Карсонам на ленч.

Нет, она не помнит, хотела она сказать, потому что лично ее никто никуда не приглашал. Но сказала она только:

— Я буду готова через несколько минут.

Кэтрин поспешила в ванную. Через несколько минут она уже надевала нежно-сиреневое платье, которое удивительно шло к ее глазам, и уже причесывалась, когда Мэт окликнул ее.

— Ну что, готова? — Его голос был спокойным, Мэт был неотразим в своей замшевой спортивной куртке. Не ожидая ответа, он продолжал: — Остальные уже готовы ехать. Тебе понадобится плащ, ночью шел дождь, и сейчас сыро. Какой ты наденешь? Я принесу.

Кэтрин впервые посмотрела в окно. Ничего удивительного — погода всецело отвечала ее настроению.

— Какая разница? Ну, допустим, серый, — безразлично ответила она, все еще глядя в окно.

Почувствовав взгляд Мэта, она обернулась и слабо улыбнулась ему, потом опять стала причесываться.

Он внимательно оглядел ее и был явно удовлетворен тем, как она выглядит. Бросив расческу на столик, Кэтрин бросилась к двери, пробормотав на ходу:

— Мэт, я только взгляну, как там Джонни. Это одна минута!

Она склонилась над кроватью, грустно думая, что последние дни ей приходится видеть сына только спящим, когда почувствовала за спиной присутствие Мэта. Он стоял очень близко, но не касался ее, и она испытала мучительное желание повернуться, прижаться лицом к его груди и набраться сил от его мощного тела. Вместо этого она поспешно отступила в сторону, прошептав:

— Пора идти, Мэт.

Ленч был почти точным воспроизведением предыдущего вечера, только гостей было вдвое меньше. Кэтрин ела мало, к концу вечера у нее разболелась голова. Они вернулись домой довольно поздно. Кэтрин сразу прошла к себе. Мэт поднялся в спальню, когда Кэтрин полулежала в кресле с закрытыми глазами.

— Кэтрин! — негромко позвал он.

— Да? У меня разболелась голова, но сейчас уже лучше, — солгала она.

— Может, ты хочешь есть? Миссис Рэпп приготовила холодный ужин.

— Нет, — перебила она его. — Я лучше тихонько здесь посижу, а потом загляну к Джонни. Я еще немного отдохну тут, а потом пойду к Джонни. А ты поужинай, если хочешь. — Увидев его потухший взгляд, она прикусила губу. Ясно было, что она хочет остаться одна, а Мэт не любил, когда с его желаниями не считались. Кэтрин напряглась, ожидая вспышки гнева, но ее не последовало.

— У меня нет времени на ужин. Джек уже ждет. Я говорил, что должен ехать сегодня в Питтсбург?

— Конечно, я помню, но я думала, что ты поедешь позже. — Кэтрин не стала напоминать ему, что тогда Мэт просто сказал «в воскресенье вечером», и больше на эту тему они не говорили.

— Мои вещи уже в машине. — Он на секунду помедлил, потом приблизился к стене, наклонился и коснулся губами ее лба.

— Мэт, подожди! Я должна поговорить с тобой до того, как ты уедешь. — Она ведь ничего не сказала ему о своих планах на ближайшие недели.

— Не сейчас, Кэтрин, я же сказал, что уже уезжаю. Джек ждет. — С этими словами он опять взялся за ручку двери.

— Но...

— Не сейчас, Кэтрин, пусть это подождет. Я пока не знаю, на сколько задержусь в Питтсбурге. Приеду, и мы поговорим обо всем. До свидания, Кэтрин, мне пора.

Он ушел. Какой смысл говорить, когда он вернется? Скорее всего ее уже здесь к тому времени не будет. Ну что ж, если ему настолько наплевать на нее, то и она не будет ни о чем беспокоиться.

Теперь, сидя в машине, она вспоминала этот пустой разговор. Мэт тогда так спешил, что, казалось, он просто боится остаться и выслушать ее. Может быть, он боялся, что она станет попрекать его за невнимание? Нет, сама мысль, что Мэт может чего-либо бояться, была нелепой.

Кэтрин вздохнула, затем, отбросив все мысли о муже, сосредоточилась на радостном ощущении свободы. Что бы то ни было, она собирается вполне насладиться предстоящими двумя неделями.

Машина замедлила ход и повернула на дорожку, ведущую к подземному гаражу большого дома на окраине города. Как только Джон остановился, к машине подскочил его улыбающийся сын.

— Здравствуйте, миссис, добрый день, Мэри. Привет, отец. Ты сразу обратно?

Джон кивнул и помог Кэтрин выйти из машины, нагнулся помочь Мэри с Джонни. Джек вытащил чемоданы из багажника, затем медленно обошел машину, пристально оглядывая ее.

— Наверно, я не успею сейчас заглянуть в мотор? — спросил он отца с надеждой в голосе.

— Точно, не успеешь, — буркнул Джон, но потом, смягчившись, добавил: — Поиграешь с мотором попозже.

— Ладно, — кивнул Джек, и улыбка его стала еще шире, когда он заметил, как Кэтрин и Джон обменялись понимающим взглядом.

— До свидания, Джон, и спасибо, — сказала Кэтрин и направилась к лифту.

— Пока, отец. Звякни мне если что.

Джон вернулся к машине и сел за руль. Джек следил, как его отец дал задний ход и развернулся. Потом, подняв чемоданы, он вошел в лифт вслед за женщинами. Он забавно смешил маленького Джонни, пока лифт не остановился на верхнем этаже. Все вышли, ступив на ковровое покрытие, застилавшее холл, и в ту же минуту открылась черная дверь напротив.

Человек, стоящий там, был довольно высоким для филиппинца. Ростом почти шесть

футов, он был мускулистым, с черными прямыми волосами и бесстрастными черными глазами на лице, полностью лишенном признаков возраста. Издали его можно было принять за юношу, но Кэтрин знала, что он на семь лет старше Мэта. Вся квартира была на нем — он и убирал, и готовил сам. Все шесть месяцев, которые Кэтрин прожила здесь, его присутствие было почти незаметным. Но комнаты всегда были безупречно чистыми, а еда прекрасно приготовленной.

Единственное качество, которое сообщало индивидуальность слуге-филиппинцу, была его почти собачья преданность Мэту. Как и при каких обстоятельствах они встретились с Мэтом и чем вызвано такое его отношение к хозяину, Мэт никогда не рассказывал, а Кэтрин было неудобно спрашивать.

Сейчас он с едва уловимой улыбкой распахивал перед ними дверь.

— С приездом, миссис Мартин. Привет, Мэри, Джек. А как наш юный Джонатан?

— Спасибо, прекрасно, Клайд, — ответила Кэтрин, входя. — А как вы тут?

— Благодарю вас, миссис Мартин. Все хорошо.

Джек поставил чемоданы на пол:

— Если я понадобится, миссис, я буду в гараже.

Клайд внес вещи Кэтрин в спальню и негромко сказал:

— Когда подавать обед, миссис Мартин?

— Дай нам час, чтобы разобраться, Клайд. Тогда и пообедаем, хорошо?

Он кивнул и направился в комнаты, приготовленные для Мэри и Джонни.

Меньше чем через час Кэтрин и Мэри были уже в столовой. Из большого окна с этой высоты открывалась великолепная панорама города, и один лишь вид этих величественных зданий заставил Кэтрин замереть от радостного предвкушения.

За обедом Кэтрин и Мэри обсуждали планы на предстоящие две недели, а Клайд бесшумно прислуживал им. Он уже подавал кофе, когда Кэтрин сказала, что собирается навести справки насчет няни для Джонни.

— В этом нет необходимости, миссис Мартин, — тихо заметил Клайд. — Я могу оставаться с Джонатаном.

Кэтрин изумленно посмотрела на него.

— Но я не могу повесить на тебя еще и это в дополнение ко всем остальным обязанностям, — возразила она.

— Уверю вас, это совсем не будет мне тяжело. Я прекрасно лажу с детьми. У меня самого шесть младших братьев и сестер, так что с детьми управляться я умею.

— Ну не знаю... — Кэтрин в сомнении покачала головой.

— Положитесь на меня, миссис Мартин. — Голос Клайда звучал, как всегда, ровно и уверенно.

Кэтрин капитулировала.

— Ну хорошо, Клайд, надеюсь, ты представляешь себе, во что ввязываешься, — сказала она со смехом.

— Представляю. Оставить кофейник, миссис Мартин?

— Да, оставь кофейник и принеси, пожалуйста, сюда телефон. Клайд вышел из комнаты. Вскоре ушла и Мэри, сказав, что хочет дать Кэтрин спокойно поболтать. Кэтрин закурила, сняла трубку и набрала номер Кэрол.

Кэрол подняла трубку не сразу.

— Привет, дорогая! Как дела? — сказала Кэтрин со вздохом облегчения.

— Кэтрин! — радостно воскликнула Кэрол. — Как я рада тебя слышать! Ты совсем пропала, я уже сомневалась, жива ли ты. Как ты, как малыш?

— Хорошо, — ответила Кэтрин. — Я только что приехала и собираюсь тут пробыть недели две. Когда мы можем с тобой увидеться?

— Как насчет обеда завтра? — спросила Кэрол и добавила: — Я сейчас заканчиваю последнюю главу моего нового шедевра, а потом я буду свободна. Приезжай пораньше, хоть наговоримся вдоволь! Мы столько времени не виделись, это надо компенсировать.

— Отлично, — обрадовалась Кэтрин. — Тебе удобно будет, если я приеду часов в одиннадцать?

— Прекрасно! Велю постелить ковровую дорожку! — с энтузиазмом отозвалась Кэрол.

— Ну, договорились. Оставляю тебя мукам творчества. Увидимся завтра.

Вешая трубку, Кэтрин все еще улыбалась. Как чудесно опять увидеть Кэрол! Она была хорошей подругой и всегда могла заставить Кэтрин смеяться. А ведь Кэтрин, как верно заметила Мэри, уже давно не смеялась. Затем улыбка медленно исчезла с ее лица.

Мысли Кэтрин были обращены в прошлое. Она налила себе еще кофе и закурила сигарету. Она вспомнила то время, когда познакомилась с Кэррол.

Кэррол писала детские книги, и Кэтрин заказали иллюстрации к одной из них. Она была очарована рассказом и довольна тем, что у нее получилось. Кэтрин отправила иллюстрации в издательство и на время отключилась от работы. В то время ее голова еще гудела от свадьбы Дженис.

Дженис! Кэтрин покачала головой и глубоко затаилась. Она никогда не понимала свою дочь. Даже ребенком Дженис проявляла удивительную целеустремленность. Из тихой, хорошенькой белокурой девочки она превратилась в холодную сдержанную красавицу с золотыми волосами. Она всегда точно знала, чего хочет и как этого добиться.

В первый год учебы в колледже под Вашингтоном, вскоре после Рождества, Дженис позвонила Кэтрин и сказала, что не приедет домой на выходные, как собиралась. Она приглашена на праздник к подруге, живущей в Виргинии.

В следующий понедельник дочь позвонила как обычно. Но первые же ее слова ошеломили Кэтрин.

— Мама, я встретила человека, за которого хочу выйти замуж.

Прошло несколько секунд, прежде чем Кэтрин сумела выговорить:

— Выйти замуж? Дженис, о чем ты говоришь?

— Я же тебе сказала, мама, — раздраженно ответила Дженис. — Теперь не перебивай меня, пожалуйста, и я расскажу тебе о нем. Он из Аргентины. — Услышав, как Кэтрин ахнула, она поспешно продолжала: — Не расстраивайся, мама. Он очень красив и очень аристократичен. Его зовут Карлос Варга Рамирес, ему двадцать шесть, он второй сын в богатой и уважаемой семье и работает третьим секретарем в Аргентинском посольстве. Он тоже был приглашен на Рождество в дом моей подруги. И я говорю вполне серьезно, мама, я хочу выйти за него замуж.

— Но, Дженис, почему так стремительно? — воскликнула Кэтрин. — Ты что, хочешь сказать, он сделал тебе предложение?

В трубке послышался веселый смех Дженис.

— Ну что ты, мама, конечно же, нет! Но сделает. Будь уверена, сделает. И очень скоро.

— Дженис, — нетерпеливо перебила дочь Кэтрин, — надо все хорошенько обдумать. Тебе еще только восемнадцать! Ты только что поступила в колледж. Я не считаю...

— Мама, — прервала ее Дженис, — не стоит нам ссориться, я все тебе сказала. Кроме того, этот звонок обойдется в кучу денег. Я пригласила Карлоса к нам на следующие выходные, когда ты его увидишь, то, может быть, лучше поймешь меня.

Может быть, поймет? А что тут понимать? Совершенно ясно, что ее неискушенная дочь была очарована красотой и манерами молодого человека. Девичье увлечение, которое быстро пройдет.

Но она ошиблась. Потом Кэтрин говорила себе, что должна была бы лучше знать свою дочь. Дженис не была похожа на своих подруг. Она всегда была сама по себе. Все всегда случалось так, как это предсказывала Дженис, от начала и до конца.

Они с Карлосом приехали на следующие выходные. К концу субботы Кэтрин была просто очарована молодым человеком. Как и говорила Дженис, он был очень красив —

черноволосый, с правильными чертами лица. Кроме того, он был, несомненно, умен и прекрасно образован, к тому же обладал чувством юмора. В довершение всего он держался исключительно просто и доброжелательно. Кэтрин вынуждена была признать себя полностью побежденной.

Помолвка была объявлена в марте, и в последующие три месяца Кэтрин с головой ушла в лихорадочную деятельность по подготовке свадьбы. Дженис хотела, чтобы свадьба состоялась обязательно в июне. Роскошная июньская свадьба.

Эти воспоминания до сих пор вызывали дрожь у Кэтрин. Она тщетно пыталась подавить панику, когда лавина счетов обрушилась на нее. Дженис не собиралась отказываться ни от чего. Она объяснила матери, что входит в очень знатную, богатую семью, так что все должно быть на высшем уровне.

Так все и было. Свадьба была торжественной и красивой, прием для гостей прошел потрясающе. Ко времени, когда молодые отбыли в свадебное путешествие в Европу, а Кэтрин смогла наконец вернуться домой и расслабиться, она была абсолютно истощена и физически, и финансово.

Оплатив последние счета, Кэтрин пришла в ужас. Ее счет в банке, так заботливо оберегаемый на протяжении последних шестнадцати лет, был полностью исчерпан. На следующий год Том должен будет поступать в колледж, а у нее едва хватит денег, чтобы оплатить первый семестр. То, что шестнадцатилетний Том воспринимал случившееся внешне спокойно, не обмануло Кэтрин. Она знала, как серьезно сын готовится к поступлению в колледж.

Том никогда не давал матери повода для беспокойства. Они с Дженис были разными, как день и ночь. Если Дженис была холодной и критичной, Том был простым и приятным в общении. Сходные с Кэтрин по характеру, они всегда были близки. Отношение Тома к матери с годами изменилось, он больше не нуждался в ее поддержке, а пытался сам стать ей опорой.

Именно Том помог Кэтрин продержаться все это время перед свадьбой, а когда она стонала над очередным счетом, он неизменно повторял ей:

— Не волнуйся, мама, все будет хорошо, все утрясется!

Его отношение к Карлосу удивило Кэтрин. Она ожидала, что Том будет очарован утонченным аргентинцем, но этого не случилось. Том хорошо отнесся к нему, но отнюдь не был восхищен избранником сестры. Когда Кэтрин попыталась осторожно выяснить мнение сына, он прямо ответил:

— А что в нем особенного? Карлос работает всего лишь третьим секретарем в посольстве, а его деньги — это деньги семьи. Возможно, его ждет блестящая дипломатическая или политическая карьера, но к данному моменту он не совершил ничего исключительного. Вот я и говорю, что в нем особенного?

Кэтрин была обескуражена таким простым и здравым объяснением сына.

Том дошел даже до того, что за некоторое время до свадьбы перестал дразнить Дженис. С притворной серьезностью он сказал матери, что снимает с себя обязанность бороться с непоколебимым самомнением своей сестры. А когда все было позади, Том попытался вселить уверенность и в мать, сказав Кэтрин, что после невесты она была самой красивой женщиной на свадьбе.

Кэтрин дала себе слово во что бы то ни стало достать денег на образование Тома. Но как это сделать, думала она бессонными ночами. Том будет поступать в колледж через год.

Этого времени не хватит, чтобы накопить нужную сумму, а мысль о том, чтобы взять кредит, залезть в долги, приводила Кэтрин в ужас.

Таково было положение вещей, когда в ее жизни появилась Кэрол Бенингтон. Примерно через три недели после того, как Кэтрин отослала иллюстрации к ее книжке, у дверей дома Кэтрин раздался звонок.

— Вы Кэтрин Экер? — спросила женщина.

— Да, это я, — ответила она.

— А я — Кэрол Бенингтон. Можно войти?

Кэтрин обрадовалась встрече с автором так понравившейся ей книги, и как только они уселись в гостиной, Кэтрин сразу же сказала об этом. Кэрол засмеялась — она хотела сказать почти те же слова самой Кэтрин.

— Ваши иллюстрации превосходны! Я бы хотела, чтобы вы иллюстрировали все мои книги.

После этого женщины часто виделись, и не только потому, что Кэрол писала много и увлеченно, но и потому, что стали хорошими друзьями.

Кэрол была не человек, а мотор. Среднего роста, худенькая, с копной огненно-рыжих волос вокруг оживленного хорошенького личика, она редко оставалась неподвижной более чем несколько минут и, казалось, даже воздух вокруг заряжала электричеством.

Они дружили уже несколько месяцев, когда Кэтрин призналась подруге в своих материальных затруднениях. Кэрол тут же сказала, что это не проблема.

— Что ты имеешь в виду? — спросила удивленная Кэтрин.

— Ну, конечно, это проблема, но она очень просто решается, — последовал ответ.

— Как?

— Продай дом.

— Продать... я не могу этого сделать! — воскликнула Кэтрин.

— Почему нет? — спросила Кэрол. — Разве он не твой?

— Конечно, он мой, — возразила Кэтрин. — Но он принадлежит всей нашей семье, Тому и Дженис тоже. Я не могу его продать!

— Кэтрин, я могу назвать тебе несколько причин, по которым ты не только можешь, но и должна это сделать. Согласна меня выслушать? — В ответ на кивок Кэтрин она продолжила: — Во-первых, ты не должна думать о доме для Дженис, это теперь забота Карлоса. Что касается Тома, то как только он поступит в колледж, ему будет нужно какое-то место, куда приезжать на выходные и каникулы, но и только. Этот лоботряс будет счастлив везде, где будешь ты. Теперь о тебе. Кэтрин, ты хоть представляешь, каким пустым станет этот дом, когда Том уедет в колледж? Тебе совершенно нечем будет себя занять. Кроме того, сейчас самое время подумать о себе. Ты чертовски хороший иллюстратор, и тебе нужно быть поближе к месту, где делаются дела. Продай дом, купи квартиру в городе. Поверь мне, вскоре у тебя будет столько работы, что ты не будешь знать, как с ней справиться, и совсем не останется времени, чтобы тосковать по дому. — Сказав это, Кэрол откинулась на спинку стула, глядя в глаза Кэтрин.

Мысли Кэтрин отражались на ее лице. Она прожила в этом доме семнадцать лет, вырастила в нем своих детей. Это был ее дом. Но в то же время она знала, что Кэрол права. Когда Том уедет из дома, он покажется пустым, наполнится воспоминаниями, и хорошими, и плохими. Она так же твердо посмотрела на Кэрол.

— Наверное, ты права, но я должна еще подумать.

— Конечно, должна, — ответила Кэрол. — Такое решение нелегко принять. Но это — выход.

Несколько недель после этого разговора Кэтрин не думала ни о чем другом, пока не пришла к выводу, что Кэрол права. Приняв решение, она сразу же занялась продажей дома.

Том воспринял известие о грядущих переменах спокойно. Кэтрин очень удивили его слова по этому поводу:

— Это лучшее, что ты можешь сделать, мама, неважно, поступлю я в колледж или нет. Ты еще молода и очень талантлива, чтобы хоронить себя в пригороде.

Реакция Дженис была прямо противоположной. Она была потрясена и расстроена, заявив, что, пока у Кэтрин был свой дом, это давало и ей опору в жизни.

Кэтрин заколебалась, не желая расстраивать дочку, но Карлос прекратил все обсуждения, вежливо, но твердо сказав жене, чтобы она не вмешивалась в планы матери.

Дом был продан очень скоро, принесся вдвое больше той суммы, которую они в свое время за него заплатили. С помощью Кэрол Кэтрин нашла и сняла небольшую трехкомнатную квартиру в центре города. Они с Томом переехали и обосновались на новом месте за две недели до начала его занятий в колледже в Нью-Джерси. Даже выплатив налоги на сумму, вырученную от продажи, Кэтрин имела на счету достаточно денег на образование Тома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Недели шли за неделями, и Кэтрин обнаружила, что ей некогда скучать в одиночестве. Теперь по несколько часов в день она работала в офисе, но брала работу и домой. Кэтрин была завалена заказами, и это приводило ее в восторг.

Однажды в октябре, в пятницу утром, она собиралась уже выйти из дому, когда ее остановил телефонный звонок. Звонила Кэрол:

— Кэтрин, я не хочу, чтобы ты опоздала, так что постараюсь покороче. Что ты делаешь в выходные?

— Ничего.

— Прекрасно. Как ты смотришь на то, чтобы приехать ко мне? Ты сможешь увидеть роскошную лошадь, героиню моей будущей книги, а кроме того, мы сможем заранее обсудить иллюстрации к ней. Что ты скажешь?

— Очень заманчивое предложение, — засмеялась Кэтрин. — А когда?

— Ну, если ты сможешь уйти с работы немного пораньше, я подъеду к тебе домой в шесть тридцать. Идет?

— Идет.

— Ну и отлично. Пока.

Спеша на работу, Кэтрин посмеивалась про себя. Как это похоже на Кэрол, не давать ей скучать в выходные. Том уже предупредил ее, что не приедет на этой неделе, потому что должен много заниматься. Кэтрин была уверена, что настоящая причина в другом — Том в свои восемнадцать явно наслаждался обретенной свободой. В конце концов, думала она, я хоть увижу семейное гнездо Кэрол. Она много слышала о нем в течение последнего года и горела желанием увидеть его. Кэрол и ее брат Ричард родились там, и, хотя сейчас там жил Ричард со своей семьей, а их родители перебрались во Флориду, Кэрол могла приезжать и уезжать когда угодно.

Кэтрин положила свой чемодан на заднее сиденье маленькой машины Кэрол, села сама

на переднее и сказала:

— Твой брат не против, что я приеду?

— Ну конечно, глупышка! Сказать по правде, когда я позвонила, чтобы предупредить о нашем приезде, Ричард ответил, что они давно ждут, чтобы тебя увидеть.

Кэтрин вопросительно подняла брови, и Кэрол объяснила:

— Ты же знаешь, я такая болтушка! Я им все про тебя рассказала и, конечно, показала твои работы. Им обоим очень понравилось.

Они ехали медленно из-за плотного потока машин. Кэтрин почти не рассмотрела окрестности, потому что они выехали из города уже в сумерках.

Дом был большой и старый. Такие дома принадлежали обычно состоятельным фермерам. Кэтрин мельком увидела конюшни, кажущиеся призрачно-белыми в свете луны. Ричард и его жена Энн тепло встретили их, а через полчаса все уже сидели за обедом. К тому времени, когда они закончили обед и сидели в гостиной у камина, Кэтрин казалось, что она знает этих людей всю жизнь.

На следующее утро Кэтрин устроили экскурсию по дому и хозяйству, во время которой она познакомилась с прототипом Мистера Полночь — героя новой повести Кэрол. Огромный жеребец с лоснящейся шкурой, черной как смоль, прекрасно смотрелся в лучах утреннего солнца.

Кэтрин сразу же начала делать беглые наброски с него, а он гарцевал по загону, изгибал шею и фыркал, красуясь перед группой любующихся им восхищенных зрителей.

— Просто великолепное животное! — сказала она Кэрол, возвращаясь в дом.

— Да, — улыбнулась Кэрол, потом, рассмеявшись, добавила: — Совсем как мужчина, который мне его подарил. И такой же независимый — лишь немногие могут справиться с ним.

— Это Ричард?

— Ричард? Боже мой, конечно, нет! Ричард просто котенок! Мне подарил его Мэт на прошлый день рождения. — Кэрол скорчила гримаску. — На мой тридцать пятый день рождения! — Она опять засмеялась. — Он сказал, что мы стоим друг друга.

Кто кого стоит, задумалась Кэтрин, Кэрол и этот Мэт или Кэрол и конь? Она собиралась задать этот вопрос, когда Кэрол добавила:

— Сегодня вечером ты познакомишься с Мэтом, и я надеюсь, что он произведет на тебя впечатление.

Кэтрин уже открыла рот, чтобы спросить, кто же все-таки этот Мэт, когда Кэрол опять заговорила:

— Ричард и Энн пригласили лишь нескольких самых близких друзей, а Мэт — ближайший друг Ричарда и к тому же его самый главный клиент.

Кэтрин знала из рассказов Кэрол, что под неброским обаянием Ричарда скрывается натура не менее взрывная и энергичная, чем у нее самой. Она знала также, что Ричард возглавляет одну из самых быстро растущих адвокатских фирм в Филадельфии. Так что, судя по всему, этот Мэт — бизнесмен.

Кэрол с ходу перешла к обсуждению иллюстраций к ее новой повести, так что Кэтрин отбросила пока все мысли об этом человеке, решив, что все равно вечером все узнает.

Но этого не случилось, потому что Мэт не приехал. Дружеский ужин был назначен на восемь, а было уже начало девятого. Кэтрин познакомилась с другими гостями, они все оживленно беседовали, потягивали аперитив, когда зазвонил телефон. Ричард вышел из

комнаты, чтобы ответить на звонок. Он напомним Кэтрин ее зятя Карлоса. Такой же высокий, стройный и очень привлекательный, он выглядел элегантно, что подчеркивал прекрасно сшитый костюм. Его жена Энн была ему под стать. Тоже стройная и высокая, она не была красавицей в общепринятом смысле слова, но ее лицо было необычайно выразительным, ее обаяние сразу привлекало. У Ричарда и Энн были две дочери, девочки учились в Швейцарии. Кэрол обожала своих племянниц и много рассказывала о них Кэтрин.

Ричард вошел в комнату с загадочной улыбкой на лице и сказал, посмеиваясь и помахивая листком бумаги:

— Я только что получил телеграмму. — И, расправив листок, он прочитал вслух: — «Деловая встреча не позволила присоединиться. Надеюсь увидеть вас в ближайшее время. Мои извинения Энн. Поцелуйте за меня дикарку. Мэт». — Ричард заключил: — Мэт в своем репертуаре. Ну что же, очень жаль! Итак, прошу всех к столу.

Кэрол с улыбкой наклонилась к Кэтрин:

— Дикарка — это я. Он всегда меня так называет.

Кэтрин широко раскрыла глаза и сказала с упреком:

— Кэрол, ты никогда не говорила мне об этом мужчине в твоей жизни. Я и не знала, что он у тебя есть!

Улыбка сбежала с лица Кэрол.

— У меня есть мужчина... Да, есть. Но это не Мэт. Мэт просто давний и очень дорогой друг. Когда-нибудь, когда мне захочется поплакаться в жилетку, я расскажу тебе о своем мужчине.

Кэтрин уставилась на нее в немом изумлении. Никогда еще она не видела Кэрол такой печальной. Она огорченно смотрела на подругу, догадавшись, что та глубоко в себе прячет боль, и ощутила желание как-то поддержать ее. Она хотела сказать что-то Кэрол, предложить ей помощь, свое сочувствие и понимание, однако не решалась заговорить. Кэтрин не хотела, чтобы подруга подумала, что она лезет ей в душу.

От этих мыслей ее отвлек голос Ричарда, она подняла голову и увидела, что он поднял бокал с вином. Подождав, пока все сделают то же, он сказал:

— Где бы он ни был, на деловой встрече или на какой-то другой, за Мэта!

Тост Ричарда был дружно поддержан:

— За Мэта!

Мэт...

Вздых Кэтрин походил на стон. Когда она вынырнула из своего прошлого, волна душевной боли затопила ее. Она невидящим взором смотрела на свою все еще недопитую чашку, плотнула уже остывший кофе и поморщилась. Потом ее взгляд остановился на пепельнице, в ней было четыре окурка, а Кэтрин даже не помнила, когда она успела выкурить эти сигареты. Лицо ее искривила горькая усмешка.

«Глупая, — сказала она себе, — опять ты принялась за старое! Последнее время ты проводишь больше времени в прошлом, чем в будущем».

Почему? Ну почему она приняла его предложение? Она и до этого знала, что такое одиночество, и умела справляться с ним, но никогда раньше она не испытывала такого мучительного стремления быть близкой с мужчиной как физически, так и духовно. Почему она сказала ему «да»? Ведь тогда она еще не любила его. Ведь не любила? Но был и другой вопрос, который мучил ее еще больше: что заставило Мэта сделать ей предложение?

С трудом отрываясь от своих мыслей, Кэтрин снова сняла телефонную трубку и набрала номер. Ожидая ответа, она достала из пачки еще одну сигарету. Она знала, что курит слишком много, да к тому же это перестало доставлять ей удовольствие. И в эту минуту далекий голос наконец ответил:

— Алло, я слушаю.

— Дженис? Здравствуй, дорогая, как ты себя чувствуешь? — Кэтрин мысленно поздравила себя с тем, что ее голос звучит совершенно спокойно.

— Хорошо, мама. Но жду не дождусь, когда это кончится. Ты уж меня хорошо понимаешь.

— Ну конечно! — засмеялась Кэтрин. — А как Карлос, он волнуется?

Смех Дженис прозвучал совсем близко:

— Ты ведь теперь знаешь Карлоса! Его аристократическое воспитание не позволяет ему открыто выражать свои эмоции, но я бы сказала, что он стал выглядеть несколько напряженным.

Голос Кэтрин проникся теплотой.

— Бедный Карлос! Мне кажется, первый ребенок всегда большая проблема именно для отца.

— Но на Мэта это вроде бы не подействовало? — спросила Дженис.

Кэтрин порадовалась, что дочь не может ее видеть. Она приложила все усилия, чтобы голос звучал естественно.

— Да, Мэт умеет держать свои чувства при себе.

— Нисколько не сомневаюсь, — засмеялась Дженис. — Как он поживает?

— У него все хорошо. Очень много работает. Вчера отправился в Питтсбург. Какие-то проблемы с рабочими. — Кэтрин ощутила, как ее голос становится напряженным, и быстро переменяла тему. — А что, Дженис, твой доктор не запретил тебе поездки?

— Только дальние. А что?

— Я хотела бы отпраздновать день рождения Тома в следующие выходные и надеялась, что вы с Карлосом сможете приехать. — Уже вполне уверенно Кэтрин продолжала: — Это не будет нечто грандиозное, только наша семья и несколько ближайших друзей.

— Ну, если я еще не буду в больнице, то мы, конечно, приедем. Я ни за что не пропущу день рождения Тома. Невозможно поверить, моему брату будет двадцать!

— Да уж! — улыбнулась Кэтрин. Ей было еще труднее поверить в ту перемену, которая произошла во взаимоотношениях ее детей после замужества Дженис. Куда подевалось то высокомерие, с которым Дженис всегда смотрела на младшего брата? И Том теперь если и поддразнивал сестру, то совершенно иначе — с мягким юмором любящего человека, что ей явно нравилось.

Единственное несогласие они обнаружили в своем отношении к Мэту. Дженис, всегда стремящаяся вверх по социальной лестнице, что огорчало Кэтрин, была поражена и заинтригована, узнав о том, что мать приняла предложение Мэта. Мэт был заметной фигурой, и самолюбию Дженис льстило такое положение отчима. Том, наоборот, замкнулся в себе, что очень расстраивало Кэтрин, пока по какому-то его замечанию она не догадалась, что он просто ревнует ее к Мэту.

Первые несколько месяцев после ее свадьбы Том проявлял по отношению к Мэту лишь холодную вежливость, и Кэтрин прилагала все усилия, чтобы убедить его в неизменности своей любви. Она и сейчас не могла сказать, подействовали ли именно ее усилия или причина была в отношении Мэта к пасынку, но Том со временем принял отчима. По справедливости она должна была признать, что Мэт проявил по отношению к Тому редкостное терпение. Том временами вел себя просто грубо. Кэтрин никогда бы не поверила, что Мэт может сносить такое поведение от кого-либо. Однако Мэт не только терпел его, но даже обратил его себе на пользу, заставив Тома высказаться открыто. Теперь между ними существовали непринужденные товарищеские отношения, которым сама Кэтрин подчас завидовала.

Голос Дженис прервал ее размышления.

— Мама, ты меня слышишь? Я спрашиваю, когда нам лучше приехать?

— Дорогая, я сейчас в городской квартире. Я подумала, что Тому захотелось бы куда-нибудь сходить, так что хочу подобрать подходящий ресторан здесь, в городе. Я специально приехала пораньше, чтобы походить по магазинам. Как ты думаешь, вы смогли бы прилететь в пятницу? Тогда вы уже будете здесь, когда появится Том, и мы наконец соберемся все вместе.

— Уверена, что мы сможем, если только, как я уже сказала, я не буду занята производением на свет наследника. А если я смогу тебе чем-нибудь помочь, то дай мне знать. А Джонни и Мэри с тобой? Я увижу их?

— Конечно, — ответила Кэтрин. — Ждем вас. Так или иначе, я позвоню в начале следующей недели, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь. Так что до свиданья, береги себя, родная. Я люблю тебя. Передай привет Карлосу.

Повесив трубку, Кэтрин прошла в гостиную. Она любила эту комнату и всегда чувствовала себя в ней уютно, хотя это была комната, обставленная по вкусу Мэта. Она точно отражала его характер. Функциональная, строгая до предела, гостиная позволяла тем не менее расслабиться.

Кэтрин улыбнулась, вспомнив, как поражена была, увидев ее в первый раз. Комната была огромной, с двумя стеклянными окнами-стенами, за которыми открывалась панорама города. Две других стены и потолок были выкрашены в белый цвет. Ковер на полу, покрывающий всю гостиную, — белый с черным. Очень длинный диван и несколько стульев были обиты белой замшей, а журнальные столы были из черного дерева. Единственными

всплесками цвета были темно-красные шторы, которыми можно было полностью закрыть стеклянные стены, такого же тона разбросанные по дивану подушки и большое полотно на стене, изображающее закат в горах. Лампы и пепельницы были белые с черным.

Белый и черный — функциональный, деловой стиль. Таков и сам хозяин, подумала Кэтрин, с его редкими, но яркими вспышками эмоций.

Обед у Кэррол на следующий день был сам по себе праздником. А тут еще и эта оглушительная новость — Кэррол выходит замуж. Не успела Кэтрин войти, как подруга обняла ее и закружила по комнате. Сияя от счастья, она почти пропела:

— Я еле дождалась, пока ты приедешь! Не хотелось говорить об этом по телефону. Жена Пола все-таки согласилась на развод. Процесс уже начат, и хотя это может продлиться несколько месяцев, но все равно, Кэтрин, он наконец-то будет свободен, и мы сможем пожениться! Я так счастлива, что это просто меня пугает! — Смеясь и плача одновременно, она остановилась посередине комнаты, отпустила Кэтрин и пробормотала: — Садись. — Опустившись на диван, она закрыла лицо руками и несколько минут не стесняясь плакала.

Кэтрин молча обняла подругу, ожидая, пока буря пройдет. Она прекрасно знала, что это значит для Кэррол, и понимала, что той необходимо выплакаться после такого долгого ожидания.

Года три назад Кэррол сказала ей, что когда-нибудь расскажет о мужчине ее жизни. Через два месяца такой момент настал. Это был серый пасмурный день в середине декабря. Кэтрин поздно пришла с работы и собиралась наскоро приготовить ужин, когда в дверях вдруг появилась Кэррол. Она была странно подавлена, а на вопрос Кэтрин ответила, что у нее предпраздничная депрессия, так что Кэтрин не стала ее больше ни о чем расспрашивать. Они поужинали вместе и пили кофе, когда Кэррол начала говорить.

Она встретила Пола Коллинза несколько лет назад, у своего издателя. Они сразу понравились друг другу и в тот же вечер отправились поужинать в ресторан. Пол сказал ей, что он женат, но с женой давно не живет. Тогда это не казалось ей чем-то важным, но они продолжали встречаться, и вскоре в ее жизни уже не было ничего важнее. Впервые в жизни Кэррол была по-настоящему влюблена. Конечно, у нее и раньше бывали увлечения, рассказывала она Кэтрин, но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала по отношению к Полу.

Они встречались уже больше месяца, когда однажды вечером, собираясь уходить от нее, он сказал, что им лучше больше не видеться. Кэррол была настолько уверена в чувствах Пола, что была потрясена. Несколько секунд она смотрела на него, не в силах произнести ни слова, потом выдавила:

— Почему?

Он тихо ответил:

— Потому что я люблю тебя и не хочу, чтобы ты страдала. — Она попыталась возразить, но он перебил: — Кэррол, ты знаешь, что моей дочери скоро будет тринадцать? — Она растерянно кивнула. При чем тут его дочь? — Моя жена не даст мне развода, — продолжал он, — а если я начну процесс, она превратит его в смертельную битву. Кэррол, дорогая, я не могу позволить, чтобы моя дочь была в центре этой борьбы. Она только-только привыкла к тому, что мы не живем вместе. У нее такой сложный возраст, и скандальный развод будет для нее потрясением. Ты можешь меня понять?

Кэррол молча кивнула, все еще не вполне понимая, и прошептала:

— Но почему нам нельзя просто встречаться?

Тут самообладание, с которым он держался, дало трещину. Пол выругался, схватил Кэрол за плечи и сильно встряхнул:

— Как ты не понимаешь? Я не могу ничего планировать на будущее. Я не могу ничего предложить тебе. Я только что сказал, что люблю тебя и не хочу, чтобы ты страдала, а если мы будем встречаться, то ты будешь страдать.

— Но я не просила тебя что-то обещать мне! — с горячностью возразила Кэрол.

Это лишило Пола остатков самообладания. Он застонал и прижал ее к себе.

— Знаю, что не просила. Но неужели ты не видишь, что я хочу любить тебя, я хочу, черт возьми, спать с тобой, а ничего не могу предложить тебе взамен!

— Ты можешь предложить мне себя, — ответила Кэрол.

Он остался у нее в ту ночь и оставался с тех пор очень часто.

Рассказывая все это, Кэрол не поднимала глаз. Закончив, она взглянула на Кэтрин и спросила:

— Тебя это не шокирует?

— Шокирует? — удивилась Кэтрин. — Да что тут может шокировать? Для меня не новость, что мужчина и женщина могут спать друг с другом.

— Ну да, конечно, — попыталась улыбнуться Кэрол, — но ты такая правильная, сдержанная. Как будто проза жизни тебя не волнует.

Вот теперь Кэтрин была действительно шокирована. Неужели Кэрол именно так ее воспринимает? А другие, неужели они тоже так думают?

— Ты что, действительно считаешь меня холодной и бесчувственной? — спросила она огорченно.

— Нет, нет! Совсем не бесчувственной! — Кэрол замотала головой, в глазах ее было раскаяние. — Но... я не знаю, как сказать... ты как бы не замечаешь мужчин. Я знаю, что выразилась неудачно, и поверь, Кэтрин, я совершенно не хочу тебя обидеть! Забудь, что я вообще что-то говорила. Я сейчас в таком состоянии, что не могу связно выразить свои мысли.

Увидев, как Кэрол расстроена, Кэтрин снова переключилась на ее проблемы. Они проговорили всю ночь, и о Кэтрин больше не было сказано ни слова. И все же она потом часто вспоминала слова подруги...

А сейчас Кэрол вытерла слезы и широко улыбнулась.

— Я такая глупая! Знаешь, я ведь не плакала все последние пять лет! А теперь вот не могу привыкнуть к мысли, что невозможное наконец случилось. — Несмотря на насмешливый тон, глаза ее сияли.

— Ты меня поражаешь, — с теплотой в голосе сказала Кэтрин. — Не представляю, как ты могла все это пережить без того, чтобы не поплакать хоть изредка. Я бы уж точно не смогла!

Вернувшись домой, Кэтрин вспомнила те давние слова Кэрол. Неужели она могла так воспринимать Кэтрин — холодной и сдержанной?! Если бы только кто-нибудь знал, что творится в ее душе, как хочется ей понимания, тепла, любви!

В следующие дни Кэтрин часто виделась с Кэрол, ходила по магазинам с Мэри, спокойно оставляя малыша с Клайдом.

В четверг Кэтрин проснулась поздно и лежала в кровати, обдумывая планы на день. Ей нужно было еще пройтись по магазинам, потому что все еще не выбрала подарок для Тома.

Кэтрин зевнула, потянулась в кровати и вспомнила о Джеймсе. На следующий день после приезда он позвонил и пригласил ее пообедать с ним. Тогда она сослалась на дела. Потом Джеймс звонил еще дважды. И вот вчера она все-таки приняла приглашение. В первый момент она чувствовала некоторую неловкость, но скованность ее быстро развеялась под напором его доброжелательности и обаяния. Они прекрасно провели время, так что Кэтрин вернулась поздно и легла уже во втором часу.

Настроение у Кэтрин было прекрасным, лучше, чем когда-либо за последний месяц. Она давно не ощущала такого безмятежного спокойствия и легкости. За две недели, проведенные в городе, она избавилась от мучившего ее внутреннего напряжения. Единственное, что омрачало ее радость, это отсутствие вестей от Мэта.

Подумав о муже, Кэтрин вздохнула и, перевернувшись на живот, зарылась лицом в подушку. Волна желания затопила ее, так что Кэтрин почувствовала себя совершенно обессиленной. Неужели ему настолько наплевать на нее, что он даже не потрудился позвонить? Вопрос, терзавший ее в последнее время, опять встал перед ней. Почему он сделал ей предложение? Почему именно ей? Похоже, этот вопрос может испортить ей настроение в любое время суток. Кэтрин резко села в кровати и приказала себе не думать о Мэте хотя бы в течение дня. Но это имело обратный эффект.

В тот понедельник после Рождества и Нового года Кэрол сама позвонила ей на работу и пригласила на ленч в один уютный ресторанчик. Кэтрин немного опоздала, и Кэрол успела заказать ей коктейль. Едва Кэтрин успела сделать один глоток, как подруга спросила ее:

— Как ты собираешься встретить Новый год? — Потом засмеялась и добавила: — Надо бы положить эти слова на музыку, вдруг я заработаю целое состояние?

— Мне кажется, ты опоздала с этой идеей, — засмеялась Кэтрин. — Я никак не собираюсь встречать Новый год, просто буду дома. Увы, никаких интересных предложений нет. Том отправится к приятелю, а Дженис с Карлосом — к его родителям.

— Тогда я делаю тебе интересное предложение. Ричард и Энн просили передать тебе приглашение. Они будут рады, если ты приедешь. Они бы и раньше сами позвонили тебе, но почему-то решили, что вы с Томом поедете на праздники в Вашингтон. Я сегодня разговаривала с Ричардом, он спросил про тебя, и я обещала узнать о твоих планах. Он просил обязательно тебя уговорить.

— А гостей будет много? — спросила Кэтрин с интересом.

— Ну, не особенно. Они, слава Богу, не любят собирать большую толпу. Но и не так уж мало. В новогоднюю ночь — побольше, на следующий день — поменьше. Ты многих знаешь. А те, с кем ты незнакома, надеюсь, тебе тоже понравятся. Так как Новый год приходится на четверг, Ричард предложил, чтобы мы приехали вместе вечером в среду и остались до воскресенья. Что скажешь?

Кэтрин думала, что это просто замечательно. Ей совсем не улыбалось провести праздники в одиночестве. Дженис с Карлосом собирались полететь в Аргентину, чтобы провести праздники с его родителями, а Том уехал после Рождества в горы покататься на лыжах, а оттуда должен был ехать к сокурснику, чтобы вместе с друзьями встретить Новый год.

В последний момент в их планы были внесены некоторые изменения. Ричард решил, что Кэрол незачем ехать на своей машине, поскольку он собирался быть в городе на деловом обеде и мог после этого забрать их обеих. А в понедельник после праздников он поедет в

город рано утром и вполне может подбросить Кэтрин до работы, а Кэрол погостит у них еще немного.

Дом был торжественно украшен темно-зелеными ветками падубы с бантами из темно-красного бархата. Напротив центрального окна в гостиной стояла живая голубая ель, ее верхушка почти касалась потолка. Вся она сверкала серебристо-белыми блестками.

После радостных приветствий и объятий с Энн Кэтрин была представлена уже приехавшим друзьям Ричарда — супружеской паре, тоже приглашенной на все праздники. Доктор Чарльз, которого все звали Чак, и Коринна Керни приехали из Бостона. Они не виделись уже несколько лет, и в доме царил атмосфера радостного оживления и предвкушения праздника.

Следующие несколько часов прошли в приготовлениях к празднику и непринужденных разговорах. Кэтрин узнала, что Чак учился на медицинском факультете в том же колледже, где на юридическом учился и Ричард, и оба они входили в так называемое «ужасное трио». Третьим в нем был столь часто упоминаемый, но еще незнакомый ей Мэт. К сожалению, и на этот раз хозяевам не удалось заполучить старого друга — он всегда встречает Новый год у себя дома, принимая многочисленных гостей.

— Единственный ритуал, в который он позволяет Бет себя вовлечь! — со смехом заметила Кэрол.

Кэтрин решила тогда, что Бет, очевидно, его жена.

Праздник прошел очень весело, и хотя гостей было все-таки много — около сорока, большой дом свободно вместил их. Кэтрин переходила от одной группы к другой, смеясь и разговаривая с гостями, с удивлением отмечая, что почти все разговоры так или иначе касались таинственного Мэта.

Лежа на спине на той половине кровати, где всегда спал Мэт, Кэтрин смотрела в потолок, словно это был большой телеэкран. Не замечая, как течет время, не пытаясь больше сопротивляться потоку образов, проносящихся в ее мозгу, она погрузилась в воспоминания.

Наступило первое утро нового года. Они с Кэррол, Ричардом, Энн, Чаком и Коринной сидели вокруг стола. Кэтрин и сейчас словно слышала голоса и смех вокруг. Все были в прекрасном настроении и не столько ели, сколько смеялись, обсуждая вчерашний праздник.

Кэтрин кончила есть и пила вторую чашку кофе, когда Коринна вздохнула:

— Как бы я хотела, чтобы Мэт был здесь!

— Милая, мы все хотели бы! — ответил Чак, сжав ее руку.

— Еще бы! — ухмыльнулся Ричард. — Но вы же знаете Бет, когда она что-то задумала!

А в последние годы она так увлеклась этими своими новогодними приемами.

— Ну это просто смешно! — осуждающе заявила Кэррол. — Почти все его друзья были вчера здесь. Сомневаюсь, чтобы ему нравились те люди, с которыми ему приходится там сталкиваться. Кроме Джеймса, конечно. Меня поражает, как он мог так избаловать сестрицу. Она распоряжается всем в его доме.

Значит, Бет — его сестра? Никто не ответил на замечание Кэррол, лишь Ричард согласно кивнул и сказал:

— Ну, если не случится какой-нибудь катастрофы или, по меньшей мере, не возникнет проблем в делах, он сегодня приедет. И хотите верьте, хотите нет, но он уверял, что останется до воскресенья.

— Я поверю в это, когда увижу его своими глазами! — фыркнула Кэррол. — Не помню, чтобы у него когда-нибудь был отпуск. Он слишком много работает!

— Ему это нравится. И всегда нравилось, ты же знаешь, — поддержал ее Чак, затем, улыбнувшись Ричарду, произнес: — «Ужасное трио» опять соберется вместе!

Переводя взгляд с одного на другого, Кэтрин с любопытством спросила:

— Как вы умудрились получить такое прозвище? Я представляю себе, как прекрасен был бы мир, если бы его населяли подобные «ужасные» люди.

Оба улыбнулись, и Чак ответил:

— Определение «ужасные» относилось к нашим оценкам. Мы все имели высшие баллы, и очень многие наши товарищи считали, что мы подаем ужасный пример.

Ричард продолжил объяснение:

— Нас с самого начала потянуло друг к другу, и в свободное время мы всегда были вместе. Хотя для Мэта даже тогда свободное время было роскошью. Отсюда возникло «трио». — Он помолчал, потом задумчиво добавил: — Думаю, со стороны наш союз казался странным. Не мой и Чака, а нас двоих с Мэтом, хотя он и тогда был несомненным лидером.

Чак согласно закивал головой, тихо посмеиваясь.

Кэррол сочла необходимым пояснить:

— Ричард и Чак оба происходят из обеспеченных семей. Многим казалось странным, что они так уважают Мэта, так считаются с его мнением.

— А что, ваш Мэт был из других общественных слоев? — спросила Кэтрин.

— Вот именно, — подтвердил Чак. — Ему приходилось трудиться изо всех сил для того, чтобы продолжать учебу. Когда мы с Ричардом отправлялись в банк, чтобы получить деньги

по родительским чекам, Мэт носился по окрестностям в поисках какой угодно работы — от обслуживания столиков в самом большом в городе ресторане до работы продавцом в универмаге под Рождество. Летом было еще хуже. Я знаю наверняка, что три лета подряд он совмещал две полные смены на двух разных фабриках. На одной он работал в первую смену, на другой — в третью. Насколько я знаю, теперь он владеет одной из них. Ведь так, Ричард?

— Обеими, — отозвался Ричард. — Он купил и вторую несколько лет назад.

В это время в разговор вмешалась Коринна. Повернувшись к мужу, она спросила:

— А ты помнишь то Рождество, когда тебе удалось наконец затащить его к своим родителям? — Чак кивнул, а она сказала, обращаясь к Кэтрин: — Это был последний год их учебы, и родители Чака пригласили Ричарда и Мэта на рождественские каникулы. Увидев его в первый раз, я была поражена. Я не могла поверить, что этот небрежно одетый парень и есть тот, о котором Чак столько рассказывал с восхищением и ставил так высоко. Так вот, через очень короткое время я просто перестала замечать, как он одет. Когда я сравниваю, как он выглядел тогда и как он выглядел при нашей последней встрече, я просто не могу поверить, что это один и тот же человек. И при всем этом он остался точно таким же. Привлекательным, волнующим. Не знаю почему, но я сама всегда оживаю в присутствии Мэта, с ним всегда интересно, весело.

При этих словах Кэтрин оглянулась и увидела, что трое остальных кивают головами в полном согласии.

— Он словно озаряет жизнь своим присутствием, — заметил Ричард. Посмотрев на часы, он добавил: — Вы помните, леди, что через сорок пять минут появятся гости?

Как по команде, четыре женщины вскочили с мест и бросились в свои комнаты переодеваться.

Кэтрин одевалась больше часа. Почти все это время она предавалась сомнениям, надеть ли новый брючный костюм, купленный специально к этому дню. Бархатный, аметистово-сиреневого цвета, он был великолепен. Стразы и серебряное шитье украшали вырез у горловины и края широких свободных рукавов, перехваченных у запястий манжетами. Кэтрин не могла решить, не покажется ли этот наряд слишком роскошным, но потом вспомнила, что Кэрол собирается появиться в белом шелковом брючном костюме. Отбросив последние сомнения, она решительно достала костюм из шкафа.

В гостиной было уже полно народу. Несколько женщин сидели с Кэрол и Коринной напротив двери, на пороге которой на миг остановилась Кэтрин. Увидев ее, Кэрол помахала рукой и пододвинула еще один стул.

Кэтрин медленно направилась через комнату, обмениваясь по дороге приветствиями с гостями. Кэрол встретила ее радостной улыбкой.

— Мы уже думали, ты никогда не появишься! Мы как раз слушали интереснейшую сплетню и ждем, затаив дыхание, когда Хелен закончит свой рассказ.

Некоторые женщины были незнакомы с Кэтрин, так что последовали необходимые представления. Сев, она взяла предложенный ей Кэрол бокал, отказалась от печенья и фруктового пирога и откинулась на спинку стула.

— Говорю вам, он бросил ее. — Рассказчицей была Хелен, высокая крупная женщина лет пятидесяти, сидящая справа от Кэтрин. — Я вчера завтракала с ней и могу вас уверить, что не выдаю ничьих секретов, потому что с нами были Опал и Тина Франклин, и она рассказала это всем нам.

Это имя вызвало изумленные ахи и охи, а Кэрол пояснила Кэтрин, что Тина Франклин

— самая большая сплетница на всем Восточном побережье.

— Вот именно! — воскликнула Хелен. — Я пыталась дать Пегги какой-то знак, чтобы она попридержала язык, но она приканчивала третий двойной мартини и уже не могла остановиться.

Кэтрин сидела напротив Кэрол, так что могла заметить выражение недовольства на ее лице. Вздохнув, Кэрол сказала:

— Ты, безусловно, можешь рассказать нам все, потому что мы наверняка очень скоро услышим это от Тины.

— Ну, Пегги была очень расстроена, — продолжала Хелен. — Но после третьего мартини я бы тоже плохо соображала. Она сказала нам, что он был очень добр, очень заботлив, но тем не менее высказался вполне определенно. А я уж не знаю, кто может быть более определенным, чем Мэт.

Мэт? Опять? Кэтрин холодно подумала, что у этих людей, вероятно, просто нет других тем для разговоров. Это имя начинало уже надоедать ей.

Маленькая, худенькая женщина, имени которой Кэтрин не запомнила, задумчиво вздохнула:

— В этот раз я была почти уверена, что мы отпразднуем свадьбу Мэта. Этот роман длился дольше предыдущих.

— Боже мой, ей же только двадцать два! — воскликнула Кэрол. — Она на девятнадцать лет младше его.

Так, значит, ему сорок один. Как и Ричарду, подумала Кэтрин. Это удивило ее, хотя она и знала, что они учились вместе. Все эти разговоры о его успехах и то уважение, которое питали к нему его друзья, заставили думать, что этот Мэт значительно старше.

— Ну, теперь это уже не имеет значения, потому что все уже кончено, по крайней мере для него, — заявила Хелен. Овладев опять вниманием слушательниц, она продолжала: — Пегги была настолько раздавлена этим, что даже углубилась в некоторые детали.

К смущению Кэтрин, большинство женщин тут же подались вперед, стараясь не упустить ни слова. И опять она увидела, как Кэрол болезненно поморщилась.

— Ну, похоже, что он не только самый привлекательный мужчина, которого она встречала... — Хихикнув, Хелен продолжила: — Или каждая из нас встречала, но и самый потрясающий любовник.

— Хелен, — укоризненно нахмурилась Кэрол.

— Да боже мой, Кэрол! — возмущенно воскликнула Хелен. — Тут нет ничего такого, чего бы мы не слышали раньше, хотя бы от тех, кто был им также брошен и кто не счел необходимым молчать. Сколько их было с тех пор, когда он развелся с Шерри? Странно, но ему удается сохранить хорошее мнение о себе даже у брошенных им женщин. Я не знаю, сколько раз мне приходилось слышать от них, какой он чудесный, какой замечательный, какой великодушный, какой сексуальный!

Кэрол тихо сказала:

— Уже десять лет, как они развелись, Хелен, ты же знаешь. На самом деле у него было совсем не столько женщин, сколько ему приписывают. Но я очень хочу, чтобы он опять женился. Думаю, ему нужна жена. — Потом, улыбаясь, она повернулась к Кэтрин: — Как человек посторонний, что ты об этом думаешь?

— Я? — удивилась Кэтрин. Когда Кэрол кивнула, она потупила глаза, обдумывая ответ. Из-за этого она упустила радостный взгляд, которым ее подруга приветствовала вошедшего

гостя, и не заметила наступившей тишины. Она решила быть откровенной и тихо произнесла: — Я думаю, что ему нужна лишь хозяйка дома, и мне очень жалко ту женщину, которая выйдет за этого богатого донжуана.

— С Новым годом, Мэт! — Веселый голос Кэрол заставил ее подскочить. Приветствия не умолкали вокруг нее, а Кэтрин хотелось провалиться сквозь землю. Слышал ли он? Кэрол встала и протянула руки в приветствии, и Кэтрин поняла, что, конечно, новый гость все слышал, ведь он стоял сейчас прямо за ее стулом.

— С Новым годом, дикарка. — Глубокий, хрипловатый голос был удивительно мужественным. По легкому шороху она догадалась, что Мэт поцеловал Кэрол, и услышала ее голос:

— Это Кэтрин.

Она медленно поднялась, стараясь казаться спокойной. Когда Кэтрин обернулась, она являла собой олицетворение представления о ней Кэрол — холодная, сдержанная, неприступная.

Ее самообладание сразу подверглось испытанию, потому что, хотя Мэт совсем не был громоздким или тяжеловесным, он выглядел очень внушительно. По существу, он был даже довольно стройным, но сочетание широких плеч и высокого роста производило впечатление. И как будто этого было еще недостаточно, взглянув ему в лицо, Кэтрин встретила с самыми поразительными голубыми глазами, которые она когда-либо видела. И глаза эти светились легкой насмешкой.

— Ну наконец-то я могу вас познакомить! — оживленно проговорила Кэрол. — Кэтрин Экер, Мэт Мартин.

Мэт Мартин? Он явно кого-то напоминал, но кого? Но Кэтрин мгновенно забыла об этом, когда ответила на его приветствие и почувствовала, как ее рука тонет в его широкой ладони.

— Я видел некоторые из ваших работ. Они очень хороши. — В голосе Мэта слышалась насмешка, как будто он дразнил ее.

Кэтрин ощутила себя маленькой и уязвимой. Не успев хорошенько обдумать ответ, она выпалила:

— А я только что услышала о ваших достижениях. И они мне не нравятся.

Повернувшись на каблуках, она пошла через комнату к Ричарду, слыша за спиной удивленное аханье Кэрол и негромкий смех Мэта.

И что это вдруг на нее нашло? Так говорить с гостем в доме Ричарда было невыносимо и совсем на нее не похоже. Эти угрызания и неотвязная мысль, что он ей кого-то напоминает, преследовали ее весь вечер.

У Кэтрин было впечатление, что в гостиной становится все больше народу, ее бархатный костюм казался ей слишком тяжелым, а воздух — жарким. В какой-то момент она поняла, что ей нужно выйти глотнуть свежего воздуха, иначе она совсем расклеится. Незаметно Кэтрин прошла через холл и вышла из дома.

Дорожка, мощенная плитами, вывела ее к заднему крыльцу. Остановившись, Кэтрин любовалась видом конюшен и лугов. Холодный январский воздух словно встряхнул ее, но и принес облегчение, и, засунув руки в карманы своих узких брюк, она подняла глаза к небу. Сегодня утром солнце было желтым, как цветущий одуванчик, но за день ветер принес тучи, затянувшие голубое небо. И теперь, когда горизонт должны были бы освещать огненно-золотые лучи заката, небо напоминало рваное ватное одеяло.

Погруженная в созерцание, Кэтрин услышала шаги за своей спиной, лишь когда они раздались совсем близко. Каким-то образом она знала, кто это, и руки в ее карманах сжались в кулаки.

Некоторое время ни один звук не нарушал тишину, затем прозвучал глубокий низкий голос:

— Моя мать сказала бы, что небо цвета макрели и это предвещает снегопад.

Губы Кэтрин тронула улыбка, и она почувствовала, что напряжение понемногу оставляет ее.

— Моя мать говорила так же. Да и я использовала часто это выражение, когда мои дети подрастали. Моя дочь тоже называет серое зимнее небо макрельным. — Затем, повернувшись к нему, Кэтрин быстро сказала: — Мистер Мартин, я хотела бы извиниться за свою глупую фразу.

— Принято! — быстро ответил он. — Но зачем извиняться, если вы действительно так думаете?

— Но я не знаю, правда ли это, — пробормотала она. — И я не имела права говорить так с вами в доме Ричарда. — Кэтрин вытаскила руку из кармана и в каком-то порыве притронулась к его руке. И опять испытала странное ощущение, что все это когда-то уже происходило в ее жизни.

Как будто ее мысли были написаны на ее лице, Мэт тихонько засмеялся и спросил:

— Так вы еще не поняли, в чем дело?

— Что? — переспросила она, еще более смущенная.

Но он покачал головой и опять поднял глаза к небу.

— Боюсь, примета моей матери окажется верной. Скоро пойдет снег.

— Пожалуй, — согласилась Кэтрин, следуя за его взглядом.

Он резко повернулся к ней, пристально посмотрел ей в глаза и твердо сказал:

— Нам лучше вернуться в дом. Хотя я не сомневаюсь, что ваш хорошенький костюмчик достаточно теплый, но и он не защитит вас от такого холода. Пойдемте, пока вы не простудились.

Не удержавшись от улыбки, Кэтрин спросила:

— Вы всегда так командуете?

— Всегда! — Его тон был мягким, но решительным.

Следующие два дня прошли без особых приключений. Кэтрин почти не видела Мэта, Чака и Ричарда — они уезжали куда-то вместе. «Наверное, опять стали неразлучным «ужасным трио», — думала Кэтрин. Они с Кэррол пытались ходить на прогулки после обеда, но погода была такой сырой и холодной, что вскоре их начинало тянуть обратно в уют гостиной, где они весь вечер сидели у камина с Энн и Коринной. Такая погода расслабляла Кэтрин, и она рано ложилась спать. Проснувшись в воскресенье, она обнаружила, что мир за окном утопает в снегу, а в доме раздаются веселые голоса приехавших на каникулы дочерей Ричарда и Энн.

Девочки, Лиз и Гэйл, провели часть каникул у родителей Энн, а теперь, счастливые, что опять оказались дома, шумно выражали свой восторг.

Кэтрин слышала, как звонкие голоса наперебой рассказывают во всех деталях, что с ними случилось с момента отъезда из дому. Девочки прервали свой рассказ, когда Кэтрин спустилась вниз, чтобы поздороваться с гостьей, затем опять продолжали щебетать без умолку, пока в комнату не вошел Мэт. С воплями восторга они вскочили со своих мест и

повисли на нем.

— Боже мой! — произнес он своим хрипловатым голосом. — Неужели вы, молодежь, не можете пощадить человека, только что вставшего с постели? — И, обхватив девочек своими сильными руками, он приподнял их в крепком объятии.

Захлебываясь от смеха, тринадцатилетняя Гэйл спросила:

— Дядя Мэт, как долго вы у нас пробудете?

— Я уезжаю сразу после обеда.

— Пожалуйста, не уезжайте! Вы же еще совсем не побыли с нами! — взмолились девочки.

— Сразу после обеда. — Его тон был непреклонным, и хотя девочки и надули губки, но не осмелились больше просить. Он сел за стол и сказал с таинственным видом: — Теперь, если вы дадите мне позавтракать в относительной тишине, потому что последние полчаса это место напоминало сумасшедший дом, я вручу вам ваши рождественские подарки. Конечно, немного поздновато, но мне почему-то кажется, что вы не будете разочарованы.

В комнате наступила счастливая тишина, и Кэтрин закончила завтрак. Она уже пила кофе, когда зазвонил телефон и Лиз побежала снять трубку. Она тут же вернулась со словами:

— Это вас, миссис Экер.

— Спасибо, — тихо ответила Кэтрин, поспешно выходя из комнаты и с тревогой думая о Дженис и Карлосе, которые должны были сейчас лететь из Аргентины в Вашингтон.

— Привет, мам, с Новым годом! А я дома! — услышала она радостный голос сына.

Перед отъездом Кэтрин позвонила другу Тома, оставила свои координаты, но не сказала, сколько пробудет в гостях, потому что Том собирался возвращаться в колледж, не заезжая домой.

Со смешанным чувством радости и огорчения она воскликнула:

— Том, дорогой, я думала, что ты не станешь заезжать домой. Какая жалость, что я задержалась.

— Я и хотел ехать прямо в колледж, но вчера решил провести этот день с тобой и уехал от Курта рано утром.

— Ах, милый, а я уже договорилась, что меня отвезут в город завтра. Господи, как обидно!

— Ну ничего, мама, увидимся в следующие выходные.

— Нет, подожди, Томми, я кое-что выясню.

Кэтрин поспешила в столовую.

— Ричард, есть ли какой-нибудь автобус или поезд до города? Томми неожиданно приехал домой, и мне бы хотелось побыть с ним сегодня.

Прежде чем Ричард успел ответить, Мэт сказал:

— Я еду в город и мог бы захватить вас.

— Это вас никак не затруднит?

— Конечно, нет. Вы будете готовы сразу после обеда?

— Да, конечно. Огромное спасибо!

— Пустяки, мне будет приятно выручить вас.

Кэтрин, обрадованная, поспешила к телефону.

Негромкий стук в дверь разбудил ее. Растерянно моргая, она пыталась понять, почему она лежит на мужниной стороне кровати. Стук повторился, и голос Клайда произнес:

— Миссис Мартин, извините, что разбудил вас. Звонят из Вашингтона, по первой линии.

— Спасибо, Клайд, — ответила Кэтрин, спуская ноги с постели. Дотянувшись до телефона, она нажала мигающую кнопку и быстро сказала: — Алло, Дженис?

— Да, мама. — Было ясно, что Дженис улыбается. — У тебя такой сонный голос! Неужели ты еще спала? Уже больше двенадцати!

— Да, дорогая, я все еще спала. Я очень поздно вчера легла, а сегодня было проснулась, но опять задремала. А как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Я только что от доктора, и он дал мне «добро» на поездку в Филадельфию при условии, что я не буду перенапрягаться. Так что завтра увидимся. Не знаю, когда мы прилетим, потому что Карлос не хотел заказывать билеты, пока я не побываю у доктора. — Дженис засмеялась, и Кэтрин радостно присоединилась к ней.

— Очень предусмотрительно с его стороны. Надеюсь, ты сказала доктору, что я совершенно не собираюсь позволять тебе перенапрягаться? И еще, Дженис! Пожалуйста, позвони мне, когда будешь знать время прибытия — я подъеду встретить тебя.

— Да, хорошо, но не думаю, что это будет днем. Карлос сегодня занят, и я вряд ли увижу его до обеда.

— Как получится, дорогая. Если меня не будет, передай все Клайду.

— Договорились. Ну, до свидания, увидимся завтра. Я ужасно рада, что мы соберемся все вместе.

Положив трубку и надев халат, Кэтрин снова услышала стук в дверь и голос Клайда:

— Я приготовил вам кофе, миссис Мартин. Можно мне войти?

— Да, — ответила Кэтрин, завязывая пояс.

Клайд вошел с подносом, на котором, кроме кофе, был стакан сока и тарелка тостов, и поставил его на столик у окна. Садясь за столик, Кэтрин негромко сказала:

— Спасибо, Клайд. Похоже, ты хочешь совсем избаловать меня.

Его ответ очень удивил ее:

— Не думаю, что это возможно, хотя вас не мешало бы немного побаловать. — Не дожидаясь ответа, он добавил: — Не нужно ли вам чего-либо еще?

— Да, скажи Мэри, чтобы принесла сюда Джонни. И спасибо тебе еще раз.

Кратко кивнув, он вышел из комнаты с едва заметной улыбкой на губах.

Кэтрин успела выпить сок, когда в комнату вошла Мэри с Джонни на руках.

— Ну где же мой ангел? — замурлыкала Кэтрин, протягивая к сыну руки.

Мальш радостно завозился и потянулся к ней. Кэтрин взяла его и нежно прижала к себе, сказав Мэри со смехом:

— Хорошо, что он еще признает меня. В последние дни он так мало меня видел! Я уже боялась, что он меня забудет.

— Тебе нечего волноваться, Кэйт, — безмятежно отозвалась Мэри. — Это существо прекрасно знает, кто его мать. И, что действительно странно, знает, кто его отец. Не успеет его папа войти в дверь, как он уже прыгает от радости.

Как и его мать, подумала Кэтрин. Почему-то то, что Мэта назвали папой, вызвало в ней странную реакцию, и она поторопилась сменить тему.

Она разговаривала с Мэри и играла с Джонни, пока не пришло время укладывать его спать. Мэри унесла малыша, а Кэтрин отправилась в душ. Через несколько минут, в кружевном лифчике и крохотных трусиках, она стояла, опираясь рукой о комод, и надевала колготки. Неожиданно распахнулась дверь. Кэтрин почувствовала волну радости, когда Мэт вошел в комнату, сердце ее забилось быстрее, и она воскликнула:

— Мэт, господи, это ты?

Он стоял у двери, изысканный в своем песочном костюме и бежевой шелковой рубашке с коричневым галстуком. Мэт слегка поднял одну бровь и спросил насмешливо:

— А кого ты ждала?

Сбитая с толку этим вопросом, Кэтрин вспыхнула и резко сказала:

— Никого. Поэтому ты и испугал меня. Когда ты приехал?

Мэт не ответил, внимательно оглядывая всю ее хрупкую фигурку. Потом заговорил с краткостью, которая нервировала ее:

— Ты похудела, Кэтрин. Ты была у Марка на очередном осмотре?

— Да, конечно. Он сказал, что я здорова, как скаковая лошадь, — ответила она, защищаясь, чувствуя, как все больше краснеет.

Он хмыкнул, а потом ответил на ее вопрос:

— Я недавно прилетел. Нечего и говорить, что я был удивлен, увидев дома только Джека. Именно он проинформировал меня, что «миледи» сейчас не в доме, а в городской квартире. Почему ты не сказала мне, что собираешься в город? — Говоря это, он медленно приближался к Кэтрин, пока не остановился совсем близко, глядя на нее холодными, вопрошающими глазами.

Все еще готовая к обороне, Кэтрин шагнула к шкафу и протянула руку за костюмом, который собиралась надеть.

— Я пыталась сказать тебе, когда ты уезжал, — тихо проговорила она. — А ты ответил, что у тебя нет времени, что мы поговорим, когда ты приедешь. Я не могла ждать. — Тут она замерла, ощутив его губы на своей шее.

— Ты приятно пахнешь. — Его голос уже не был суровым, а легкая хрипотца заставила ее вздрогнуть. — Какие это духи?

— Я не... — Кэтрин не могла вспомнить, но это оказалось ни к чему. Не слушая, он просунул пальцы под лямки лифчика и стянул их, покрывая плечи поцелуями.

— Мэт, мне надо одеться. — Она задохнулась, когда Мэт обхватил ее за талию и притянул к себе. Прямо ей в ухо он прошептал:

— Это совершенно ни к чему. Ты, надеюсь, помнишь, что я не притрагивался к тебе уже больше месяца?

Что он хотел этим сказать, терялась она в догадках. Только лишь то, что у них не было близких отношений больше месяца или что все это время он вообще не испытывал желания быть с ней? Но уже через секунду все мысли вылетели у нее из головы, потому что он повернул ее и прижал к себе сильными руками. Наклонив голову, он впился в ее губы глубоким, сводящим с ума поцелуем. Повинуясь инстинкту, Кэтрин просунула руки под его пиджак и провела по шелку рубашки. Ее пальцы почувствовали дрожь, пробежавшую по его телу. Оторвавшись от нее, Мэт прохрипел то же, что и тогда, месяц назад:

— О Кэйт, как я хочу тебя!

Кэтрин затопила волна тепла, волна страстного влечения к этому мужчине. Нахлынувшее желание подавило ее волю и понесло в стремительном потоке к могучему водовороту, к бездне нежности, любви, страсти.

Во второй раз за этот день ее разбудил стук в дверь. Три вопроса одновременно возникли в ее голове: что она делает в постели? Сколько сейчас времени? Почему в комнате так темно? На первый вопрос она тотчас же получила ответ, когда голос Мэта рядом с ней прорычал:

— Что случилось?

— Извините, что беспокою вас, — прозвучал из-за двери ровный голос Клайда. — Миссис Мартин звонят из Нью-Джерси. По первой линии.

Он еще не договорил, когда Мэт потянулся к телефону. Поставив аппарат себе на грудь, он бросил:

— Спасибо, Клайд!

Затем, нажав кнопку, протянул трубку Кэтрин.

Окончательно проснувшись, Кэтрин была уже рада, что в комнате царит полумрак, потому что, беря трубку, она коснулась руки мужа и почувствовала, как жар опять охватил ее. Это просто смешно, смятенно подумала она, что женщина в ее возрасте вспыхивает при одном прикосновении к мужской руке. Прижав трубку к уху, она поспешно сказала:

— Алло, Том?

— Да, мама. Я не оторвал тебя от обеденного стола? — спросил Том извиняющимся тоном. Обеденного? Сколько же может быть времени? Том, не такой проницательный, как сестра, не услышал ничего особенного в голосе матери.

— Нет, дорогой. Но если бы и оторвал, ничего страшного. А что у тебя случилось? — спросила Кэтрин с тревогой.

— Ничего, мама, все в порядке. Я просто хотел сказать тебе, что вряд ли приеду раньше середины дня в субботу. Хорошо? — Не дожидаясь ответа, он спросил: — А Мэт еще не приехал?

— Да, он недавно приехал. — Ее щеки опять вспыхнули.

— Отлично! — Голос Тома очень громко прозвучал в трубке, и она чуть отодвинула ее от уха. — Значит, он тоже будет на моем дне рождения.

— Ну, я не знаю, Том... — уклонилась от ответа Кэтрин. — Ты же знаешь, как он занят. Он, конечно, будет, если сможет.

Едва она договорила, Мэт недовольно буркнул:

— Скажи ему, что я обязательно буду.

Кэтрин недоумевала: почему он вдруг рассердился? Может, ему показалось, что она поставила его в такое положение, когда нельзя отказаться? Или это из-за неуверенности, прозвучавшей в ее ответе?

— Том, Мэт только что сказал, что он обязательно будет.

«Вот так, — язвительно подумала она, — если он хочет на меня сердиться, то я дам ему повод».

Веселый смех Мэта разнесся по комнате, и Кэтрин стиснула зубы. Будь он проклят!

— Здорово! — воскликнул Том, и Кэтрин удивилась радости, прозвучавшей в его голосе. Она давно привыкла, что ее Том — юный скептик, редко достаивающий кого-то своим уважением. Теперь же, казалось, он полностью признал авторитет Мэта. Это

странным образом и радовало, и сердило ее. — Ну ладно, мама, до скорого! У меня завтра две головолomных контрольных. Привет Мэту и братишке. Увидимся в субботу. Ах, да! Надеюсь, ты припасла мне что-то действительно крутое в подарок? Ну, пока. Целую.

Улыбаясь, Кэтрин потянулась, чтобы положить трубку. И вдруг она со стоном кинула трубку на рычаг, сбросила одеяло и начала поспешно одеваться.

— Что такое, черт возьми? — воскликнул Мэт, ставя телефон на тумбочку. — Кэтрин, ты что, с ума сошла?

— Как я могла забыть обо всем на свете! Том ждет от меня какой-то особенный подарок к двадцатилетию, а ведь я еще ничего ему не выбрала! Понимаешь, Мэт, я забыла о подарке! — Тут ее голос стал жалобным. — Ох, Мэт, я как раз одевалась, чтобы пойти в магазин, когда ты вошел, а завтра у меня почти не будет времени, завтра прилетают Дженис и Карлос, и я должна их встретить. — Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Мэт быстро сел в кровати и поймал ее за талию, не давая выйти из комнаты.

— Успокойся. — В его голосе чувствовалась легкая насмешка, а дыхание щекотало ей ухо. — Я уже позаботился об этом.

— Ты? Но, Мэт, я должна подарить ему что-то от меня.

— Кэтрин, — серьезно сказал Мэт, — я сказал, что позаботился об этом. Подарок будет от нас обоих. «Тому от мамы и Мэта». Поверь мне, одного подарка будет вполне достаточно. А теперь, если ты наконец оденешься, я покажу его тебе.

Одеваясь, Кэтрин размышляла о словах Мэта. Она вспомнила, что то же самое было с оплатой обучения Тома. Мэт сам хотел оплатить его. В тот раз она победила, но ценой яростной ссоры, когда она резко сказала ему:

— Я продала свой дом, чтобы Том мог учиться! И я непременно сама заплачу за колледж.

Мэт был разгневан, его глаза блестели холодным яростным блеском. Не сказав ни слова, он повернулся и вышел. На этот раз он выиграл, но только потому, что Кэтрин никак не могла подобрать сыну подарок по вкусу.

Через полчаса Кэтрин стояла перед зеркалом в ванной, недовольно хмурясь. На ней были темно-бордовые замшевые брюки и бледно-розовый свитер с большим воротом. Эти цвета в сочетании с легкими сиреневыми тенями у глаз делали ее ослепительно сияющей. Но сама Кэтрин словно не замечала этого. Она еще больше нахмурилась, когда перевела взгляд на свои черные непокорные волосы, которые доходили ей до плеч. Кэтрин удивилась, какими длинными и неухоженными стали ее волосы. Зажав в руке расческу, она стала яростно приглаживать пряди, не желающие лежать ровно и все время спадающие ей на лицо.

— Ну и Бог с ними! — пробормотала она и вздрогнула, услышав тихий смех от двери.

В проеме двери стоял Мэт, чисто вымытый и выбритый, одетый в клетчатые брюки, водолазку и спортивный пиджак. Он выглядел отдохнувшим и был совершенно неотразим.

— Ну, и что тут смешного? — спросила обиженно Кэтрин. — Я сама не замечала, что мои волосы в таком беспорядке. Это просто ужас!

Все еще улыбаясь и покачивая головой, он медленно вошел и стал перед ней. Протянув руку, он убрал прядь волос с ее щеки, тихонько приговаривая:

— Не понимаю, чего ты так расстраиваешься! А мне так нравится! — Отступив на шаг, он еще посмотрел на нее и добавил: — Напоминает прическу Элизабет Тейлор.

Кэтрин изумленно уставилась на него, потом рассмеялась.

— Ну конечно, — проговорила она сквозь смех. — Но если мне полагается сказать в

ответ, что ты похож на Ричарда Бартона, то тебя ждет разочарование. Единственное сходство, которое я готова признать, это такой же потрясающе сексуальный низкий голос.

На его губах все еще играла улыбка, а серые глаза сияли, но ответил он вполне серьезно:

— Ах вот как! Но разве ты не знаешь, что с Бартоном давно покончено? Теперь на его месте парень из Виргинии. Красивый, черт. Тебе не кажется, что я больше напоминаю его? — Замолчав, он вопросительно поднял одну бровь.

Все еще смеясь, Кэтрин прошла мимо него и вышла из ванной, чувствуя себя просто счастливой. Никогда раньше они не обменивались такой милой чепухой, и Кэтрин это очень понравилось.

Мэт открыл перед ней дверь в спальню. Кэтрин повернулась к нему и сказала со смехом:

— На одной вечеринке я слышала, как о тебе говорили «богатый Клинт Иствуд гигантского размера». Должна сказать, я бы согласилась с такой оценкой, но с одним уточнением.

— Каким?

— Обычно ты выглядишь даже более безжалостным, чем он.

Мэт откинул голову и громко захохотал, совершенно сбив ее с толку. Она смотрела на него как зачарованная. Никогда еще она не слышала, чтобы он смеялся вот так — откровенно радостно.

Когда Мэт обрел наконец способность говорить, он погладил ее пальцем по щеке и нежно произнес:

— Можешь поверить мне, детка, лестью можно добиться всего, что только возможно. Каковы будут твои пожелания?

— Обед, — кратко ответила Кэтрин. — Я умираю с голоду.

— Будь по-твоему, хотя я бы предпочел сперва кое-что другое. — Улыбнувшись, он добавил: — Накинь пальто, мы пообедаем в ресторане.

— Но...

— Никаких но! — Мэт мягко подтолкнул ее к шкафу. — Надевай пальто, и пойдем.

Уже в лифте Кэтрин вдруг вспомнила: — Мэт, я не могу сегодня никуда идти! Дженис должна мне позвонить, когда они прилетят. — Она нажала кнопку, и кабина лифта остановилась, но, прежде чем ей удалось нажать на кнопку верхнего этажа, Мэт схватил ее за руку.

— Успокойся, я обо всем позаботился.

— Что ты имеешь в виду?

Кэтрин подождала, не пояснит ли он свои слова, затем безнадежно вздохнула. Вытягивать информацию из этого человека было все равно что вырывать зуб.

— Мэт! — Как она ни старалась, ей не удалось скрыть раздражение. — Объяснись, пожалуйста.

— Я поговорил с Дженис, пока ты была в душе, — лениво протянул он. — Все устроено.

— Может быть, ты все-таки соизволишь сказать мне, что вы решили? Я обещала Дженис, что встречу их в аэропорту.

Глаза Мэта сузились, но голос оставался таким же мягким:

— Я посылаю за ними самолет завтра в девять тридцать. Здесь их будет ждать Джек. Я не понимаю, почему ты сама этого не сделала?

Кэтрин устала на него в смущении.

— Не сделала чего? Не послала за ними самолет? Мэт, опомнись, ты же только что прилетел на нем!

— Все, что тебе надо было сделать, это поднять трубку и поговорить с моей секретаршей, — терпеливо объяснял ей Мэт. — Ты же знаешь, у меня еще три самолета.

— Но это ведь самолеты не для твоего личного обслуживания, — возразила она.

— Это мои самолеты! Кэтрин потрясли не столько его слова, сколько бесконечная самоуверенность его тона.

— Мне бы и в голову не пришло просить самолет. Я не считала, что имею на это право.

Медленно, четко выговаривая слова, он произнес:

— В тот день, когда я женился на тебе, я дал тебе это право. Думаю, Кэтрин, по каким-то причинам ты сама не хочешь им пользоваться.

Совсем растерянная, Кэтрин всматривалась в его глаза. В чем он упрекал ее? Она не понимала. Лицо его словно закрылось и стало чужим. Они спустились на этаж, где находились подземные гаражи.

Первое, что она увидела, выйдя из лифта, был подарок для Тома. Это был автомобиль: огненного цвета «Транс-М» словно излучал молодость и бесшабашность. Казалось, он притягивает ее как магнитом, и Кэтрин медленно подошла, улыбнувшись Джеку, стоящему рядом с машиной и не сводящему с нее глаз. Некоторое время она молча стояла, рассматривая раскинувшего крылья орла на капоте, потом перевела взгляд на огромный золотой бант на ветровом стекле, к которому была приколотая карточка с надписью: «От мамы и Мэта».

Не прислушиваясь к разговору Мэта и Джека, обсуждающих покупку, Кэтрин обошла вокруг машины и призналась себе, что это действительно великолепный подарок. Остановившись у передней дверцы, она открыла ее и наклонилась внутрь, чтобы потрогать черную кожаную обивку салона и сиденья. Мэт подошел к ней и спросил:

— Как ты думаешь, ему понравится?

— Понравится? — задыхнулась Кэтрин. — Да он с ума сойдет от восторга. Но, Мэт, я не думаю...

— Вот и прекрасно, не думай. Давай я буду думать за нас двоих, — резко оборвал он. — А теперь поедем обедать. — Взяв ее за локоть, он наполовину повел, наполовину потащил ее к «Линкольну».

— Но, Мэт, ты не понимаешь! — тихо сказала она, не желая устраивать сцену при Джеке.

— Я понимаю гораздо больше, чем ты думаешь, — прервал ее Мэт. Он рывком распахнул перед ней дверцу. — Кончай спорить, Кэтрин, и садись в машину.

Почти полчаса они ехали молча, пока Мэт со сдерживаемым раздражением в голосе не спросил ее:

— Ты долго еще собираешься дуться?

Его слова причинили ей боль, как соль, попавшая в рану. Спокойным голосом Кэтрин ответила:

— Я не дуюсь, просто я больше не хочу есть. Нам лучше вернуться домой.

— Прекрасно! — сказал он. — А я голоден, и мы пообедаем, причем вместе. И ты будешь есть, или я впихну в тебя еду насильно. Так что улыбнись самой лучшей твоей улыбкой и наслаждайся вечером.

Его голос был словно пропитан ядом, и Кэтрин посмотрела на него в изумлении. Она

знала многие стороны его характера, он мог быть и убийственно холодным и неотразимо обаятельным. Она знала, каким страстным любовником он умел быть. Но никогда прежде она не сталкивалась с намеренной жестокостью с его стороны. Легкая дрожь охватила ее, и Кэтрин подумала, что иметь Мэта своим врагом не очень-то приятно.

Под бдительным взглядом Мэта Кэтрин съела почти все, что заказал для нее Мэт. В любое другое время она бы наслаждалась рестораном, в который Мэт ее привез.

Оформленный в колониальном стиле, под старину, зал имел потолки с открытыми балками и полку с оловянной посудой, идущую вдоль всей стены. Их усадили за небольшой столик недалеко от камина. Над камином яркими красками был нарисован герб штата Пенсильвания — орел со щитом, на котором был изображен корабль, плуг и снопы пшеницы, рядом шла оливковая ветвь.

Оранжевые отсветы от огня в камине добавляли теплоты к неяркому освещению. Официанты и официантки были одеты в костюмы первых американских поселенцев, что также придавало особый колорит всей обстановке ресторана.

Кэтрин отказалась от десерта и сидела, уставившись на свой бокал с вином, не замечая, что ее пальцы машинально разглаживают край скатерти. Вино, выбранное Мэтом, было белым, сухим, легким и таким же приятным, как и еда, которую он заказал для нее. Кэтрин отдавала себе отчет в том, что Мэт не случайно выбрал этот ресторан, — здесь действительно было очень уютно, но сейчас она не получала удовольствия от этого. Внутри ее боролись два чувства, совершенно вытеснившие все остальные, — гнев и раскаяние. Теперь, когда Мэт высказал свое последнее замечание, гнев победил.

Во время еды он почти не разговаривал с ней, но те несколько реплик, которые он себе позволил, были пропитаны сарказмом. Когда она посмотрела на его сердитое лицо, она почувствовала, как гнев переходит в бешенство.

Мэт допил кофе и небрежно бросил салфетку на стол. Бесстрастные глаза взглянули на ее лицо, задержались на ее пальцах, сжимающих ножку бокала.

— Если ты закончила, то пойдем.

Ее салфетка полетела на стол. Напрягая все свое самообладание, Кэтрин едва удержалась, чтобы не швырнуть бокал ему в лицо. Его слова и тон словно говорили, что он терпеливо ждал, пока она закончит, хотя на самом деле именно он целых двадцать пять минут медленно пил кофе. Прикусив губу, чтобы не наговорить резкостей, она встала и медленно пошла к выходу, гордо выпрямившись.

Тишина наполняла салон машины, действуя на без того натянутые нервы Кэтрин. Чувство самосохранения заставило ее отгородиться от Мэта внешним спокойствием, как щитом.

Слова Мэта упали в тишину, будто камень.

— Ты сердисься не потому, что не смогла сама выбрать подарок Тому. Нет, тебя возмущает тот факт, что это я заплатил за проклятую машину. И то, что я распорядился привезти сюда Дженис и Карлоса. Ты раздражаешься каждый раз, когда я что-то делаю в отношении твоих драгоценных детей! Или я должен сказать, драгоценных детей Кевина?

Кэтрин обернулась к нему, побледнев от незаслуженных обвинений, готовая возражать.

— Это неправда! Я...

— Я еще не закончил! — яростно вскрикнул он. — И это правда! По сути дела, ты недовольна даже тогда, когда я делаю что-то для Джонатана! Ты всегда отталкиваешь меня, можно предположить, что ты хотела бы забыть о моем существовании.

Холодные, ледяные глаза на его безжалостном лице не отрывались от ее глаз, потому

что, хотя Мэт и завел мотор, машина все еще не трогалась с места.

— Что, правда ранит, Кэтрин?

— Это неправда! — Ее собственный сдавленный голос поразил Кэтрин.

— Нет, правда! Ты не хочешь никакой поддержки от меня, ни физической, ни моральной, ни финансовой. Ты принимаешь ее, только когда я настаиваю, и притом без всякой радости. Когда мы поженились, я был готов полностью взять на себя ответственность за Тома. Не перебивай! Ему необходимо было мужское влияние, отцовское влияние, если угодно. Можешь верить или нет, но мне доставляет удовольствие эта роль. Я очень привязался к Тому и думаю, что эта симпатия взаимна. Что бы ты ни думала, Кэтрин, я никогда не хотел занять твое место в его сердце. Да если бы и хотел, то не мог бы — ведь он обожает тебя. А теперь, боюсь, я рассержу тебя еще больше, сказав, что уже оплатил его праздничный обед в ресторане.

Все это время Кэтрин смотрела ему в глаза как зачарованная. Его последние слова словно встряхнули ее. Моргая от удивления глазами, она воскликнула:

— Но это невозможно! Я внесла задаток и просила их послать мне окончательный счет. Кроме того, ты же только что приехал. Я даже не говорила тебе, где мы собираемся праздновать. Как ты узнал?

— Кэтрин, — сказал он мягко, словно даже с сожалением, — я знаю практически все, что происходит вокруг меня. Как ты думаешь, я был бы сегодня здесь, если бы ничего не знал о твоих планах? А твой задаток тебе вернут.

— Я не хочу, чтобы мне его возвращали! — закричала она. — Я хочу...

— Кэтрин, прекрати. — Его резкий голос заставил ее замолчать. — Ну почему тебе так важно, кто оплачивает счета? — Не давая ей времени ответить, он продолжал: — Главное то, что у Тома будет праздник. И вот что я хотел бы знать: какого черта мне не сообщили, где будет ваш обед, в какой день и, кстати, что вы вообще планируете что-то подобное? — Его тон вроде бы смягчился, но голос звенел как натянутая струна. — Не то чтобы это удивляло меня, особенно если вспомнить, что ты даже не сказала мне, когда у тебя начались роды!

— Я не знала, где ты! — крикнула Кэтрин.

— Глупости! — оборвал он ее. — Моя секретарша знает, где я нахожусь практически каждую минуту. Или это было так трудно — просто поднять трубку?

Кэтрин сидела неподвижно, чувствуя себя совершенно раздавленной. Мэт вдруг умолк. Кэтрин повернулась к нему и увидела перед собой другого человека — в одно мгновение Мэт будто постарел на десять лет. Она отвернулась к окну и уставилась в стекло невидящими глазами.

Мэт яростно выругался и резко тронул машину с места. «Линкольн» рванулся вперед, набирая скорость. Кэтрин по-настоящему испугалась и, стараясь подавить панику, попросила:

— Мэт, пожалуйста, помедленнее. — Презрение, которое явственно слышалось в ее голосе, само по себе было словно пощечина. Она сама не понимала, как ей удалось сдержаться, чтобы не выдать своей паники. Какое бы напряжение ни сковывало ее изнутри, все, что увидел Мэт, сбросив скорость и взглянув на нее, — увидел перед собой холодную, полностью владеющую собой женщину.

— Ты просто невероятна, Кэтрин, ты это знаешь? Тебя хоть что-нибудь вообще трогает? Трогает? Боже, если бы он знал! Она медленно закрыла глаза, чтобы справиться со

слезами. Она не заплачет! Она не может допустить, чтобы этот человек видел ее плачущей. Кэтрин отвернулась от Мэта. Теперь, удержав слезы, она открыла глаза и стала смотреть на собственное расплывчатое отражение в боковом стекле.

Это не было правдой, она не отталкивала его. Но как сказать ему, не выдав при этом своих чувств? Она давно привыкла сама принимать решения, когда дело касалось ее детей. Она продолжала делать это и после своего неожиданного замужества даже в отношении маленького Джонатана просто потому, что Мэт так много работал, так часто уезжал, что Кэтрин считала себя не вправе отвлекать его.

Если бы в их союзе была хоть капля нежности, она с радостью поделила бы с ним ответственность за семью. Но в теперешних обстоятельствах это казалось невозможным.

Она чувствовала себя как в тюрьме. Да, она была его женой со всеми вытекающими отсюда правами и привилегиями, но чувствовала, что не может ими пользоваться. Нет сомнения, что многие женщины сочли бы ее ненормальной. Мэт был богатым человеком, готовым принять на себя все обязанности главы семьи, как финансовые, так и любые другие, а она не хотела ему этого позволить. Как она могла объяснить кому-нибудь, а особенно Мэту, что равновесие уже нарушено, его вклад и так намного больше? Если переложить на него все заботы о семье, то получится, что он дает все, а она ничего.

И опять встал мучающий ее вопрос: почему он захотел жениться на ней? Почему именно на ней? И, что более важно, почему она согласилась? Темный пейзаж проносился мимо ее невидящих глаз. В поисках ответов Кэтрин смотрела в себя, а не во внешний мир.

Машина, в которой она сейчас ехала, была такой же, как и та, на которой он вез ее в город после встречи Нового года у Ричарда и Энн.

«Вы будете готовы ехать после обеда?» — спросил он тогда. Кэтрин была готова намного раньше. Она сразу же пошла в свою комнату, сменила брюки на юбку, уложила вещи.

Звуки счастливого смеха заставили ее подойти к окну, выходящему на конюшни. Она стояла, глядя на Ричарда, Энн, Кэрл и Мэта, разговаривающих и смеющихся с Лиз и Гэйл, которые гладили двух молодых кобыл в загоне. Лошади, явно подарок Мэта, были на редкость красивы, и Кэтрин даже с такого расстояния видела, что девочки на седьмом небе от счастья. Она тихонько вздохнула, думая, каково это иметь возможность делать близким такие дорогие подарки. Накануне она уже видела, что Мэт подарил Кэрл. Вечером подруга вошла к ней, кружась в танце и с гордостью показывая свою руку. Кэтрин ахнула, увидев на тонком запястье Кэрл великолепный браслет, украшенный бриллиантами.

Теперь, глядя из окна, Кэтрин видела, как маленькие солнца вспыхивают на руке Кэрл при каждом движении. Она еще раз задумалась об отношениях Мэта и Кэрл. Кэрл уверяла, что они просто хорошие друзья, но Кэтрин сомневалась в этом, потому что с приездом Мэта Кэрл просто расцвела. Кроме того, они часто гуляли вдвоем. Но если это больше, чем дружба, то почему Кэрл так переживала из-за Пола всего месяц назад? В конце концов, Кэтрин запретила себе лезть в чужие дела и отвернулась от окна.

Как только обед был закончен, Мэт встал, сказал Кэтрин, что подгонит машину, и вышел. Кэтрин едва успела поблагодарить Ричарда и Энн за прекрасный праздник, попрощаться с Лиз и Гэйл и наскоро обнять Кэрл, когда он вошел в парадную дверь, попрощался со всеми и взял ее и свой чемоданы.

Машина, черная и сверкающая на солнце, показалась Кэтрин длиной в целый квартал, и на ум пришли слова «сделано по специальному заказу».

Некоторое время они ехали молча. Мысли Кэтрин были уже дома, с Томом, но голос Мэта вернул ее к реальности.

— Этот Том, который вас ждет, он ваш муж?

— Нет, мой сын. Мой муж умер.

— Простите.

Он бросил на нее вопросительный взгляд, и она объяснила:

— Мой муж погиб восемнадцать лет назад.

— А сколько лет вашему сыну?

Кэтрин поерзала на сиденье, зная, что сейчас последует.

— Восемнадцать.

Еще один вопросительный взгляд. Кэтрин закурила сигарету и сказала негромко:

— Мой муж погиб в автокатастрофе за месяц до его рождения.

Мэт тоже закурил, потом спросил довольно безразлично:

— И вы больше так и не вышли замуж?

— Нет, — тихо ответила она.

— Наверное, это было непросто — одной растить ребенка?

— Двоих детей. У меня еще дочь, на два года старше.

Брови Мэта поползли вверх.

— Муж хорошо вас обеспечил?

Кэтрин почувствовала легкое раздражение. Неужели он думает, что то, что он согласился ее подвезти, дает ему право на все эти вопросы?

— Я справилась, — коротко ответила она и отвернулась.

Они молчали до тех пор, пока он не остановил машину перед ее домом. Когда Кэтрин потянулась, чтобы открыть дверцу, он положил ей руку на локоть и тихо сказал:

— Простите, если я рассердил вас своими вопросами. Но это не праздное любопытство — мне было действительно интересно.

Кэтрин пристально взглянула на его руку, и он тотчас же убрал ее.

— Ничего, я думаю, что излишне болезненно это восприняла.

Она стояла у дома, ожидая, пока Мэт вынет из багажника ее чемодан, когда Том с грохотом сбежал по лестнице и выскочил на крыльцо, крича:

— Привет, мама! Я увидел тебя в окно.

Уже высокий и еще продолжающий расти, стройный как тростинка в своих выцветших голубых джинсах, он казался Кэтрин самым красивым существом на свете. Широкая улыбка открывала ровные зубы. Он крепко обнял ее, а она подняла руку, взъерошила его волнистые темные волосы и шутливо сказала:

— Вам не помешала бы стрижка, молодой человек!

— Ну, это придирки! — пробормотал он, улыбаясь еще шире, после чего повернулся к Мэту, который терпеливо ждал, стоя у машины.

Возможно, именно то, как он стоял, молча и без улыбки, смутило Кэтрин. Она повернулась к Тому и поспешно представила их друг другу.

— Том, это мистер Мартин, хороший друг Бенингтонов, который был так любезен, что подвез меня. Мистер Мартин, это мой сын Том. — Голос Кэтрин предательски задрожал.

подавая руку Тому, Мэт бросил на нее вопросительный взгляд. А в голове Кэтрин крутилась единственная мысль — чтобы он скорее уехал.

— Мы не должны задерживать мистера Мартина, Том, — вклинилась она, перебивая

что-то говорившего Тома. Удивляясь своей собственной грубости, Кэтрин поймала изумленный взгляд, брошенный на нее Томом. Едва переводя дыхание, она закончила, повернувшись к Мэту: — Я знаю, что у вас деловая встреча, и я не хочу, чтобы вы опоздали. Большое вам спасибо, что подвезли.

Еще не договорив, она протянула ему руку, и, когда он пожимал ее, его лицо было лишено всякого выражения.

— Всего доброго, рад был знакомству, — коротко бросил он, затем, кивнув Тому, обошел машину, сел за руль и уехал.

Том проводил машину оценивающим взглядом, потом с недоумением спросил мать:

— Что это на тебя нашло? Ты же его практически прогнала!

Кэтрин неуверенно засмеялась:

— Неужели тебе так показалось? Уверяю тебя, дорогой, я не собиралась никого прогонять. Но он и так потерял время, довезя меня до дома, и я не хотела его еще больше задерживать. Он деловой человек и очень занят.

Пока они поднимались по лестнице, Том молчал, но у двери вдруг обернулся к ней и спросил:

— Это что, тот самый Мэт?

— Да, это он, — тихо ответила Кэтрин. — Он тоже был в гостях у Бенингтонов, и вот что я скажу тебе. Я мало что о нем знаю и, честно говоря, не хочу знать, потому что я не представляю, чтобы у меня было что-то общее с таким человеком. Так что давай поговорим о чем-нибудь другом, ладно?

Том посмотрел на нее с любопытством, но спрашивать ни о чем не стал.

Несколько месяцев пролетели быстро. Кэтрин была так загружена работой, что не заметила, как кончилась зима. Она осознала это как-то ранним апрельским утром, спеша на работу. Ветер больше не кусал за лицо острыми маленькими зубками, наоборот, он нежно ласкал ее щеки, а в воздухе стоял тот неуловимый аромат, который бывает только в начале весны.

Синее небо, яркое солнце и запах весны вызвали у Кэтрин странное, почти болезненное чувство. Первое, что она сделала, придя в офис, это позвонила Кэрол и предложила встретиться после обеда, чтобы походить по магазинам. Кэрол пришла в восторг от этой идеи, и они договорились, когда и где встретиться.

Подруги ходили по магазинам до вечера, а потом, приятно усталые, шли по улице, обсуждая достоинства различных ресторанов, где можно было бы пообедать.

Вдруг лицо Кэрол осветилось.

— У меня идея! — воскликнула она, хитро улыбаясь, и потянула Кэтрин к маленькому кафе. — Пойдем, закажем кофе, а я пока позвоню. — Войдя в кафе, она добавила: — Ты садись и заказывай, а я сейчас. — И пошла к телефону в углу.

Как только официантка успела поставить чашки с кофе на столик, Кэрол с довольным видом уселась напротив Кэтрин. Закуривая сигарету, Кэтрин спросила с интересом:

— Что это ты замышляешь?

У Кэрол на лице было довольное выражение, как у сытого котенка.

— Теперь мы не только не должны таскать за собой эти пакеты, но нас еще и угостят обедом.

Брови Кэтрин поднялись еще выше.

— Мы, представь себе, идем обедать с обаятельным и красивым мужчиной.

— Ты несправима! — засмеялась Кэтрин. — А кто этот такой обаятельный и красивый спаситель усталых женщин?

— Увидишь! — таинственно пропела Кэрл.

Через десять минут Кэтрин действительно увидела его и похолодела. В дверь широким шагом входил Мэтью Мартин, выглядящий большим, уверенным и опасно интересным.

Вечер прошел замечательно. Кэтрин удалось с некоторыми усилиями скрыть ту неловкость, которую она испытывала в присутствии Мэта. Его эмоции сбивали ее с толку. Она никогда раньше не чувствовала себя неловко в компании какого-то мужчины. Мэт был просто слишком мужественным и привлекательным, слишком преуспевающим и богатым.

Кэрол, сама того не сознавая, действовала как буфер, что немного улучшало ситуацию. Однажды, когда Кэтрин обратилась к нему «мистер Мартин», она вскричала:

— Да ради Бога, неужели вы до сих пор не познакомились достаточно, чтобы звать друг друга по имени?

Мэт спокойно согласился, и Кэтрин ничего не оставалось, как принять предложение.

В следующий раз она увидела Мэта в конце мая. Они с Кэрол обедали вместе, обсуждая иллюстрации, когда Кэрол вдруг остановилась на полуслове и замерла, не сводя глаз с другого конца зала.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Кэтрин. Проследив за направлением взгляда Кэрол, она увидела поразительно красивую молодую женщину с рыжеватокаштановыми волосами, которая была заметно навеселе.

— Пегги Даррен, бывшая любовь Мэта, — тихо проговорила Кэрол. — Она совсем сошла с ума. Я слышала, она теперь здорово пьет. А это ее муж. Она вышла за него меньше чем через месяц после того, как Мэт разорвал их... дружбу. Не знаю, что я к ней испытываю — жалость или презрение.

— У меня бы она вызвала скорее сочувствие, — сказала Кэтрин. — Я уверена, что с ней обошлись плохо.

— Это невозможно! — резко заявила Кэрол. — Она с самого начала знала, что из этого выйдет. Они, кстати, все об этом знают. Насколько мне известно, Мэт всегда прямо говорит им об этом. Но я думаю, что у каждой теплится надежда все-таки завлечь его в ловушку. — И она с упреком добавила: — Нет, Кэтрин, она не может считать, что с ней плохо обошлись!

Кэтрин уже открыла рот, чтобы возразить, потому что сочла мнение подруги пристрастным, но тут Кэрол простионала:

— О нет!

Оглянувшись, чтобы выяснить причину этого восклицания, Кэтрин увидела, что человек, о котором они только что говорили, остановился как раз у столика Пегги. Слегка наклонившись, он тихо говорил несколько минут, затем, когда женщина что-то взволнованно ответила, склонился над ней, опираясь о стол, и заговорил еще тише.

Кэтрин зачарованно глядела, как на лице мужа Пегги появилось раздражение, когда ее рука легла на руку Мэта. Мэт сказал ей еще несколько слов, затем повернулся и заговорил с мужем, который кивнул, явно соглашаясь. Свет, которым озарилось лицо Пегги при появлении Мэта, погас, как только он убрал свою руку со столика и отошел. Она смотрела ему вслед с выражением такой боли, что Кэтрин испытала прилив сострадания.

Не в силах больше видеть это несчастное лицо, она перевела взгляд на Мэта и вздрогнула. Он отходил от столика с таким самоуверенным, таким безжалостным видом! Сделав несколько шагов, он вдруг встретился взглядом с Кэтрин. Мгновенно повернувшись, Мэт двинулся к их столику, все еще глядя в глаза Кэтрин.

Кэрол сидела все это время так же тихо, как и Кэтрин, но, когда Мэт остановился перед

ними, она улыбнулась ему.

— Привет, дорогая, как ты поживаешь? — Улыбка, адресованная Кэрол, вызвала странную реакцию у Кэтрин. Но улыбка не предназначалась ей, ибо, повернувшись к ней, он просто коротко кивнул и произнес — Кэтрин, привет!

Она ответила кивком, натянуто улыбаясь, затем уставилась в свой бокал, как будто там был скрыт главный секрет жизни.

Кэрол и Мэт обменивались любезностями, и Кэтрин почти не слушала их, пока Кэрол не спросила с искренней озабоченностью:

— Что там с Пег, все нормально?

— Будет нормально, ее муж позаботится об этом. Кажется, он неплохой парень. — Он остановился, затем продолжал еще тише: — Я сам виноват, Кэрол. Я с самого начала не должен был позволять вовлечь себя в это.

— Мэт, — начала Кэрол, — тебе не в чем себя винить. Она попыталась охмурить тебя, ты это прекрасно знаешь, и если при этом она упала и разбила коленки, это ее вина.

Кэтрин подняла глаза на подругу, удивленная страстностью ее тона, и ее поразило почти нежное выражение на лице Мэта.

— Возможно, — задумчиво ответил он, — но она страдает, и мне это не нравится. Самым трудным было убедить ее, что, не порви я с ней сейчас, потом было бы только хуже.

Ну что ж, возможно, он и не такой уж бесчеловечный, нехотя признала Кэтрин.

Мэт посмотрел на часы и сказал с сожалением:

— Я должен идти, у меня деловой обед. Береги себя, дикарка, до свидания, Кэтрин. Да, и не беспокойтесь насчет счета, я его оплачу.

Это было сказано без паузы, после чего он повернулся и направился к выходу. Кэрол тихо засмеялась, а Кэтрин с удивлением глядела ему вслед и думала, что он за странный человек.

Весна стремительно переходила в лето. Июнь был жарким и влажным, и к концу месяца Кэтрин чувствовала себя раздерганной и усталой. В понедельник, за неделю до четвертого июля, Дня независимости, она с трудом заставила себя пойти на работу. Она даже не помнила, чтобы когда-нибудь раньше была в таком упадке, нравственном и физическом. Она заставляла себя работать по девять-десять часов, кроме этого, приходилось заниматься и дома. Дженис и Карлос были на Багамах, а Том приехал в начале каникул всего на два дня, а потом отправился в Уайлдвуд в Нью-Джерси. Конечно, на Четвертое июля они приедут, но лишь на несколько дней, после чего Дженис и Карлос отправятся в Аргентину, а Том — в туристский поход в Канаду. Перспектива провести большую часть жаркого липкого лета в одиночестве никак не способствовала хорошему настроению.

Тот понедельник с самого начала был каким-то неудачным. Небо закрывали нависающие серые тучи, а после обеда оно совсем потемнело. К пяти вечера небо стало зеленовато-черным, а рассекающие его молнии были похожи на взмахи кривой сабли, прорезающей грязную ткань. Спустя несколько минут уже казалось, что все воды мира обрушились на город.

В шесть Кэтрин оставила бесплодную борьбу, отодвинулась от стола и прижала руку ко лбу. Кондиционер не справлялся с духотой, в офисе было нечем дышать. Она потянулась было к телефону, чтобы позвонить Кэрол, но вспомнила, что та гостит у Ричарда. Взяв зонт и сумочку, Кэтрин медленно вышла из офиса. Холл внизу был пуст, так как большинство

служащих ушли домой в пять. Кэтрин неожиданно почувствовала себя старой, одинокой, очень усталой и впервые в жизни побежденной. Постаравшись стряхнуть с себя это настроение, Кэтрин поспешно открыла стеклянную дверь на улицу. Дождь до сих пор лил стеной, и она остановилась под узким козырьком, наклонив голову и взяась с зонтиком, так что не заметила длинной черной машины на тротуаре у подъезда.

Раскрыв зонт, она подняла голову и увидела, как раскрылась дверца машины. Знакомый хриловатый голос окликнул ее:

— Кэтрин!

Она так и стояла, изумленно моргая, когда из машины вышел Мэт, подошел к ней, не обращая внимания на дождь, взял ее за руку и нетерпеливо сказал:

— Давайте садитесь скорее в машину, пока вы не промокли насквозь!

Не замечая, что сам промокает, он потащил ее за руку к машине и легонько втолкнул внутрь.

Машина плавно въехала в негустой транспортный поток, и Кэтрин удивленно произнесла:

— А что вы тут делаете?

— Везу вас обедать, — спокойно ответил он.

Откинувшись на спинку сиденья, Кэтрин пролепетала:

— Ой, Мэт, только не сегодня! Я так устала, что просто не могу куда-то идти. Я сейчас больше всего хочу домой, чтобы принять душ и тихо поужинать.

Очень спокойно он произнес:

— Хорошо, я согласен на такой вариант.

— Но я не имела в виду...

— Но ведь это было приглашение присоединиться к вам, разве не так? Не в душе, разумеется, а за ужином? — Его голос стал тише, и в нем появились просящие нотки.

Слишком усталая, чтобы спорить, Кэтрин сдалась, сказав с коротким смешком:

— Вы правы, Мэт, это действительно было приглашение.

Два часа спустя, в прохладной гостиной, Кэтрин сидела на своей кушетке, поджав ноги, и потягивала белое вино. До этого она успела принять душ, Мэт тем временем читал газету, затем он накрыл на стол, открыл и налил в бокалы вино, а она в это время готовила салат и омлет. За ужином они много говорили, и вечер получился каким-то домашним и уютным. Подняв глаза от бокала, она посмотрела на Мэта, стоящего у окна. Войдя в квартиру, он снял пиджак, и сейчас его рубашка белела в полумраке комнаты словно маяк. Кэтрин наблюдала за игрой его мускулов, когда он подносил бокал ко рту и отпивал. И опять странное чувство чего-то хорошо знакомого поразило ее. И тут же в ее памяти возникла картинка: высокий тощий мальчик, воплощение подростковой угловатости в школе и грации на спортивной площадке.

— Боже мой! — прошептала она.

Мэт обернулся, озабоченно хмурясь.

— Что-то не так?

— Боже мой, — повторила она тихо, будто про себя, — так вы тот самый Мэт Мартин?

Его лицо озарила широкая улыбка.

— Рассвет наконец-то настал!

— Вы знали, — обвиняюще сказала она. — Вы все время знали!

— Да, я знал, — подтвердил он вполне серьезно.

— Но почему же вы ничего не сказали мне? — спросила Кэтрин смущенно.

Он пожал плечами:

— Мне было интересно узнать, сколько времени вам понадобится, чтобы вспомнить.

— Да, но вы могли бы...

— Хватит об этом, Кэтрин! — перебил он ее. — Это не имеет никакого значения. Просто я рад, что вы наконец меня вспомнили. Я все знал про вас и Кевина, и мне не хотелось тревожить вас расспросами. Мне даже стало казаться, что вы специально не хотите меня узнавать, ну я и не стал навязываться. Но теперь...

Неожиданно Мэт повернулся, встретил ее взгляд и спросил:

— Кэтрин, ты выйдешь за меня замуж?

Пораженная, она смотрела на него какое-то время, пока наконец не пролепетала:

— Что ты сказал?

Он мягко повторил свой вопрос, добавив:

— Только не отказывай сразу. Позволь мне объяснить, а потом обдумай. Хорошо? Кэтрин молча кивнула, наблюдая, как он подошел к столу, взял бутылку и сел на другом конце кушетки.

— Мне нужна жена, — сказал он, наполняя сначала ее стакан, потом свой. Отсалютовав ей стаканом, он сделал большой глоток, прежде чем продолжить. — Мне нужен кто-то, чтобы ходить со мной в гости, нужна хозяйка для приема гостей.

— Но я так поняла, что твоя сестра... — начала Кэтрин.

— Да, — перебил он ее. — Бет играла роль хозяйки в моем доме и иногда ездила со мной, когда приглашение требовало этого. Но сестра — это не то, что жена. Ты будешь поражена, узнав, как много сделок сорвалось, потому что жены предпринимателей не нашли между собой общего языка. Кроме того, Бет еще молодая женщина, и у нее своя жизнь. Я не вправе ожидать, чтобы она посвятила ее мне.

— Но почему я? — прямо спросила Кэтрин. — Я думаю, что более молодая женщина была бы...

И опять он перебил:

— Нет, не была бы. Более молодая женщина предъявляла бы массу претензий. Претензий, которые я не имею ни малейшего намерения удовлетворять. — Он вызывающе поднял голову, пристально глядя ей в глаза. — Мне сорок один, я очень много работаю и не имею времени развлекать женщину. Большинство моих партнеров примерно такого же возраста, как и их жены. Все, что мне нужно, это женщина, которая вела бы мое хозяйство, принимала гостей, сопровождала меня в поездках и, конечно, делила бы со мной постель.

Брови Кэтрин удивленно поползли вверх.

— А как иначе? — отозвался он в ответ на ее вопросительный взгляд. — Я нормальный здоровый мужчина со всеми естественными потребностями. Я не дурак, а предлагать что-то вроде платонических отношений было бы глупо. Это бы не сработало. Я часто уезжаю по делам, иногда надолго. Твое свободное время будет принадлежать тебе, можешь делать все, что хочешь.

— Получается, что ты хочешь нанять жену.

Его голос стал напряженным.

— Ничего подобного. Я мог бы нанять экономку или компаньонку для поездок. Я могу платить женщине, чтобы она спала со мной в течение какого угодно времени. А тебе я предлагаю законный брак со всем, что из этого вытекает: это дом, полная обеспеченность, а

также все, что ты пожелаешь, в пределах разумного, конечно, до конца жизни.

А если он потом встретит кого-нибудь и влюбится? Она даже не стала заговаривать об этом. Судя по тому, что она знала об отношении Мэта к женщинам, да и по его теперешним словам, это казалось маловероятным.

— Мэт, мне не кажется... — мягко начала она, но он тут же прервал ее:

— Кэтрин, ты же согласилась подумать. Ты можешь думать сколь угодно долго или недолго, но я прошу тебя отложить решение хотя бы до завтра. — Говоря, он подошел к ее письменному столу, где рядом с телефоном лежал блокнот. Взяв карандаш, он стал писать что-то на листке, поясняя: — Это номер моего офиса. Когда решишь, позвони мне. В любом случае не надо никаких объяснений — просто да или нет. — Повернувшись, он взял со спинки стула свой пиджак и пошел к двери. — Я уйду. Ты устала, кроме того, тебе надо подумать. На твоём месте я бы обдумал все очень тщательно, Кэтрин. Не вставай, я сам найду дорогу.

Вот так он и ушел — ни «до свидания», ни «спокойной ночи». Просто ушел.

Кэтрин сидела, потрясенная, глядя на дверь. Самоуверенность этого человека ошеломляла. Да уж, есть о чем подумать! Тут и думать нечего. Ответ безусловно будет «нет». Единственное, в чем он был прав, это что она устала.

Кэтрин быстро убрала в комнате, переделалась, а потом легла на кровать, размышляя. Несколько часов спустя, чувствуя, что смятая постель словно душит ее, она пошла в гостиную и начала ходить взад-вперед, не зажигая света. Сигарета следовала за сигаретой. Она сварила кофе и пила его, продолжая ходить с чашкой в руке.

На рассвете Кэтрин стояла у окна, наблюдая, как в городе медленно просыпается жизнь. Ее мысли всю ночь крутились вокруг слов Мэта, и теперь наконец она готова была признать объективные факты.

Он сказал, что она устала, и это было правдой. Он еще не знал, как сильно она устала, и морально, и физически. И причина была совсем не в работе, как ему, должно быть, показалось. Она вдруг осознала, что дожила до своего сорокового года. Ее дети выросли и уже не нуждались в ней. Через несколько лет Том закончит колледж и уедет. Она будет совсем одна, если не считать их приездов время от времени. Такая перспектива ужаснула ее. Конечно, она уже давно живет самостоятельно, но, когда надо было растить детей, жизнь имела смысл. Теперь же будущее лежало перед Кэтрин во всей своей пустоте. Конечно, у нее остается работа, но разве сможет она работать все двадцать четыре часа в сутки или хотя бы шестнадцать?

У нее не было сомнений, что она способна удовлетворить все запросы Мэта, кроме одного. Впрочем, Кэтрин тут же выругала себя за сомнения. Она уже была женой. Она выполняла определенный акт, и ей это нравилось так же, как и Кевину. И пусть это было восемнадцать лет назад, неужели она не сможет или не захочет разделить с мужчиной постель?

Мысли Кэтрин все время возвращались к одному: лучше что угодно, чем жить остаток жизни в одиночестве.

В полдесятого она отошла от окна и подошла к письменному столу. Она вскинула голову, выпрямилась и, глядя на размашисто написанные цифры, набрала номер. Бодрый внимательный голос ответил на втором гудке.

— Доброе утро. «Мартин Корпорейшн». Чем могу помочь?

Глубоко вздохнув, Кэтрин спокойно сказала:

— Могу я поговорить с мистером Мартином?

— Прошу прощения, — сказал бодрый голос. — Мистер Мартин на совещании. Кто это говорит? Может, вы хотите что-то передать?

Борясь с желанием поблагодарить и повесить трубку, она ответила:

— Это Кэтрин Экер, и я ничего не хочу передать...

На том конце торопливо проговорили:

— О, миссис Экер, пожалуйста, минуточку!

Щелчок, пауза, затем опять щелчок, и хриловатый голос Мэта произнес:

— Да, Кэтрин?

Он сам говорил, что объяснений не надо, поэтому она лишь последовала его совету, сказав:

— Да, Мэт.

Тишина повисла в трубке, действуя на ее и так натянутые нервы. Уж не передумал ли он? Сомнения рассеялись с его первыми же словами:

— Прекрасно. Ты в офисе?

— Нет. — И как ей удастся говорить так спокойно и сдержанно? — Я не пошла сегодня на работу. Я дома.

— Хорошо. Я приеду, и мы с тобой где-нибудь пообедаем. В час, хорошо?

— Да, хорошо.

— Ну и отлично. Значит, в час. — И разговор закончился. Неужели этот человек никогда не говорит «до свидания»?

Последующие несколько дней всегда будут вспоминаться Кэтрин словно бы в тумане. Ровно в час большая машина, за рулем которой сидел сам Мэт, остановилась напротив ее дома. Кэтрин, ожидавшая в подъезде, быстро вышла, на ходу прокричав Мэту:

— Не выходи из машины!

Она скользнула на сиденье рядом с ним, и без единого слова приветствия он направил машину в поток транспорта. Так началась цепь событий, которые обрушились на нее лавиной, совершенно лишив покоя.

Сначала Мэт повез ее в отдел брачных лицензий, где они заполнили соответствующую форму. Оттуда — в частную клинику, где они по отдельности прошли осмотр и сдали необходимые анализы. Затем наконец Мэт отвез ее в маленький ресторан. Он находился в знакомом для нее месте, потому что она часто ездила мимо него к своим родителям.

Сидя за столиком, он взял ее руку в свои и снял с ее пальца обручальное золотое кольцо, которое она раньше никогда не снимала.

— Если ты обязательно хочешь носить его, я не возражаю, чтобы ты носила его на другой руке, — сказал он тихо. — А это пусть будет твоим новым обручальным кольцом. — Затем надел ей на палец платиновое кольцо с большим бриллиантом прекрасной огранки.

Какое-то время Кэтрин сидела, потрясенно глядя на бриллиант, не в силах вымолвить ни слова. Наконец она прошептала:

— Я не могу его носить! Я все время буду бояться его потерять.

— Ерунда! — заявил он. — Я выбрал его для тебя, и ты будешь его носить! Кроме того, он застрахован, так что можешь не волноваться.

Она была побеждена. Кольцо осталось на пальце. В пути, когда они уже выехали из города, Мэт осторожно расспрашивал ее о прошлом. Кэтрин поняла причину этого интереса, когда, доехав до Ланкастера, он припарковался перед той церковью, которую она посещала

еще девочкой, где она венчалась с Кевином и в которую до сих пор ходили ее родители.

Она вопросительно посмотрела на Мэта. Кажется, в его планы входит и венчание? Но стоит ли венчаться в их случае? Он понял ее вопрос и сказал:

— Мы сделаем все скромно и тихо, но мне не хочется обижать ни твоих, ни моих родителей. Я думаю, так будет лучше.

Сомнения остались, но все же Кэтрин поспешила согласиться. Они вышли из машины и направились в контору пастора. К ее удивлению, преподобный мистер Келлер ждал их. Он заговорил сначала с Кэтрин, потом обратился к Мэту. Через пятнадцать минут они уже шли обратно к машине. Кэтрин вдруг резко остановилась, в панике глядя на Мэта.

— Неужели в эту субботу, Мэт?

Он не отвечал, пока они не сели в машину. Явно понимая причины ее беспокойства, он объяснил:

— Я знаю, тебе это кажется поспешным. Не хотелось бы тебя торопить, но эта суббота кажется мне наиболее подходящей. Я умудрился освободиться от дел на эти дни, а это редко бывает. Просто сейчас праздник падает на конец недели, и уик-энд получается долгим. А к середине следующей недели я буду опять очень занят, у меня на все лето запланировано много работы. Ты можешь не ходить в офис несколько дней?

— Да, — едва слышно прошептала Кэтрин.

— Ну и прекрасно! — заключил он. — Мы покончим с этим в субботу.

«Мы покончим с этим». Те его давние слова все еще звучали у Кэтрин в ушах. Но вот Мэт въехал на спуск, ведущий в подземный гараж, машину встряхнуло, и это вывело ее из забытья.

Иронизируя над своей обременительной способностью погружаться в прошлое, Кэтрин бросила взгляд на Мэта. Увы, его крепко сжатые губы сказали ей, что он все еще сердится.

Выйдя из машины, Кэтрин быстро пошла к лифту, не глядя на новый «Транс-М». Мэт шел за ней. Лишь тогда, когда они поднялись в квартиру, он нарушил молчание. Твердо взяв ее за руку, он сказал:

— Нам надо поговорить.

— Ну пожалуйста, Мэт! — воскликнула Кэтрин. — Я устала и не хочу опять ссориться.

— Я сказал «поговорить», а не «ссориться»!

Кэтрин с тревогой взглянула на мужа, поняв по его голосу, что он на пределе.

С видимым усилием овладев собой, он продолжал уже спокойнее:

— Я хочу выпить, тебе что-нибудь принести?

Она собиралась уже отказаться, но под его тяжелым взглядом решила не проявлять строптивость.

— Да, martini, пожалуйста.

Резкие складки у его губ слегка разгладились, и он пошел через комнату к бару. Уже гораздо мягче, почти примирительным тоном он сказал:

— Наши споры не ведут ни к чему хорошему, но нам придется прийти к какому-то соглашению, иначе нашим детям предстоит довольно невеселые выходные.

Его слова заставили ее задуматься. Конечно, он был прав. Хотя ни Дженис, ни Том не представляли их истинных отношений, но, если напряжение между ними сохранится, дети очень скоро обо всем догадаются. Кэтрин отметила также, что он впервые назвал ее детей «нашими детьми».

— Ты, как всегда, прав, — согласилась она, беря стакан из его рук. — Что ты ожидаешь от меня услышать, Мэт?

— Я ничего вообще от тебя не жду, Кэтрин. Я надеялся, что ты, с твоим здравым смыслом, сможешь увидеть вещи такими, какие они есть на самом деле, — ответил Мэт ледяным тоном. — Машина, обед, отправка самолета за Дженис и Карлосом — это свершившиеся факты. Если ты будешь сердиться всю жизнь, они все равно останутся свершившимися фактами. Так что советую тебе перестать злиться и порадоваться за детей.

Он допил свое виски, поставил стакан и подошел к ней. Стоя совсем рядом, он приподнял пальцами ее подбородок, изучая напряженное, замкнутое выражение ее лица.

Вздыхнув, словно от бесконечной усталости, Мэт сказал мягко:

— Это наше соглашение оказалось совсем не таким плохим, и было бы еще лучше, если бы не эта твоя проклятая независимость.

Его слова, вроде бы осуждающие, были произнесены тоном, который отчасти успокоил ее. Кэтрин вздрогнула, когда его палец скользнул по ее щеке. Своим хрипловатым голосом Мэт прошептал:

— Теперь на нас работает самый важный в супружеских отношениях фактор, Кэйт. Нам с тобой очень хорошо в постели.

Она замерла под его руками.

— Самый важный фактор? — повторила она, не веря своим ушам. — В браке есть гораздо более важные вещи, Мэт!

— Назови хоть одну, — насмешливо сказал он.

— Это любовь, и уважение, и забота друг о друге, и желание прожить всю жизнь рядом именно с этим человеком! — выпалила Кэтрин, задетая его тоном.

— Я скажу тебе кое-что, дорогая. — Его слова вонзались в нее, словно клинки. — Я знаю людей, которые имели все эти высокие чувства, и что теперь? Их браки распались, а знаешь почему? Потому что они не ладили в постели, а если ничего не получается здесь, то не получится нигде. Конечно, в идеале хорошо бы иметь и одно, и другое, и третье, но такое бывает крайне редко.

Не желая опять начинать спор, она быстро отвернулась, но Мэт резко схватил ее за руку и развернул обратно, заключив в свои объятия. Нежно обнимая ее, он ласково заговорил:

— Я сказал сегодня, что ты все во мне отвергаешь. Но это не совсем так. Ну-ка попробуй сказать, что тебе не нравится, когда я обнимаю тебя — вот так, как сейчас! — Он сопровождал свои слова действиями, нежно глядя ее шею и плечи, спину и бедра. — Скажи, что тебе не нравится ощущать меня рядом с тобой по ночам! — Он еще крепче прижал ее к себе. Приблизив губы к ее лицу, он прошептал: — Скажи мне о том, что мои поцелуи делают с тобой! Признайся мне в том, что умираешь от желания, когда смотришь на меня, думая, что я не вижу, не чувствую этих взглядов! Кого ты обманываешь, Кэтрин, — себя или меня?!

Не ожидая ответа, Мэт коснулся ее губ поцелуем, рассчитанным возбудить ее. Цель была достигнута, и прежде, чем поцелуй прервался, она обвила его шею руками. Прилагая все усилия, чтобы удержать слова любви, рвущиеся с губ, Кэтрин прошептала:

— Ты борешься нечестными методами.

Тихо смеясь, он проговорил ей прямо в ухо:

— Я борюсь, чтобы победить. Будь разумной, Кэтрин, забудь сейчас обо всем, что разделяет нас. Успокойся и позволь детям использовать те преимущества, которые приносят мои деньги. Они честно заработаны и предлагаются от чистого сердца.

Едва слышно она произнесла с мольбой:

— Мэт, пожалуйста!

Он победил и знал это. Коснувшись губами ее губ, он прошептал:

— Что пожалуйста? О чем ты просишь меня? Я с удовольствием все для тебя сделаю.

Наклонившись, он взял ее на руки. Кэтрин крепко обхватила его за шею и уткнулась лицом в его опьяняюще пахнущую кожу. Неся ее легко, словно ребенка, Мэт медленно двинулся в спальню...

Кэтрин проснулась среди ночи, чувствуя, что предала себя. Он победил нечестно. Как и раньше, с тех пор, как он убедился в ее непреодолимом физическом влечении к нему, он использовал его, чтобы восторжествовать над ней. Но она поражалась тому, как просто Мэту удавалось подчинить ее себе. А ведь так было не всегда. Эта мысль опять увела ее в прошлое.

Побывав в церкви в тот вторник, они поехали к его родителям. Кэтрин была представлена высокой женщине, чей решительный голос вступал в противоречие с мягким выражением рта и глаз. Отец Мэта, худой и такой же высокий, как сам Мэт, имел такую же густую копну каштановых волос, уже посеребренных сединой, и пронизательный прямой взгляд. Он держался очень прямо, словно олицетворяя торжество над своей болезнью.

Кэтрин сразу же почувствовала себя уютно в этой атмосфере. Намерение Мэта жениться родители восприняли как должное, а в их глазах читалось восхищение сыном, доходящее до обожания. Кэтрин и Мэт поужинали у Мартинов и уехали, но сначала Кэтрин позвонила своим родителям и сообщила, что хочет кое-что сказать и заедет к ним вечером.

После традиционной для этих мест — Голландской Пенсильвании — вкусной еды, включавшей в себя пирог с цыпленком и салат из кислой капусты, Кэтрин поняла, что родители Мэта воплощают собой истинных первых переселенцев, осевших в этих местах. Сильные, волевые, под внешней сдержанностью они скрывали добрые любящие сердца. В их словаре не было выражения «опустить руки».

Взглянув из-под ресниц в лицо Мэта, Кэтрин с улыбкой вспомнила часто повторяемое определение отца Мэта:

— Все мы такие, толпа упрямцев, не знающих слова «сдаться».

Мэт был ярким примером, подтверждающим эту истину.

Родители Кэтрин восприняли новость внешне спокойно, как и Мартини. Пока ее мать осторожно задавала вопросы, отец пристально наблюдал за Мэтом. Мэт явно понравился родителям. Кэтрин видела: они оба радовались, что их единственная дочь наконец-то нашла того, кто будет о ней заботиться, но изо всех сил старались не показать этого будущему зятю.

Было уже поздно, когда они вернулись к ее дому. Мэт припарковал машину, проводил Кэтрин до двери, спросил:

— Ты идешь завтра на работу?

— Да, — поспешно кивнула она, внутренне напрягшись.

— Я сейчас не буду заходить, ты совсем измучена. Ты сможешь завтра выделить побольше времени для обеда?

Кэтрин снова кивнула.

— Вот и прекрасно! Я буду ждать тебя в двенадцать тридцать. — И озабоченно добавил: — Тебе лучше сейчас же лечь. Ты так выглядишь, как будто вот-вот упадешь.

— Я действительно ужасно устала, — согласилась она, умолчав о практически бессонной прошлой ночи.

На следующий день он ждал ее в машине, сидя среди разбросанных по сиденью бумаг. Его стоящий у машины шофер Джон распахнул перед ней дверцу. Уже в машине Кэтрин с удивлением воскликнула:

— Ты опять работаешь! Но ты же говорил, что освободил себе эти дни!

— Ну, что-то всегда появится, — последовал краткий ответ.

Через несколько минут машина въехала на дорожку перед огромным домом, ведущую в подземный гараж, и она вопросительно посмотрела на Мэта. Он закрыл портфель и поднял на нее глаза.

— Здесь я живу. Подумал, что ты захочешь посмотреть.

— Да, конечно, — пробормотала Кэтрин, волнуясь все больше и больше. Сегодня она хорошо выспалась и полагала, что готова к любым сюрпризам, которые мог преподнести ей Мэт. Теперь же она не была так уверена в этом. Но она ошиблась в своих предположениях.

Войдя в его квартиру, она еще больше напряглась, потому что в гостиной в низких креслах сидела элегантная женщина лет тридцати и мужчина немного старше ее. Кэтрин не сразу увидела их в огромной комнате, пораженная строгим бело-черным решением интерьера.

Движение женщины, барабанящей пальцами по подлокотнику кресла, и взгляд

мужчины заставили ее интуитивно почувствовать беспокойство и собраться.

Мэт взял ее за локоть и ввел в комнату. Женщина поднялась с кресла и взволнованно обратилась к Мэту:

— Мэт, почему ты нас вызвал так срочно? Мне пришлось отменить обед с друзьями!

Без капли сожаления Мэт ответил:

— Извини. Я пригласил вас сюда по поводу весьма серьезному — хочу познакомить с Кэтрин. Кэтрин Экер. Моя сестра Элизабет Фаррел и мой брат Джеймс.

На хорошеньком лице женщины появилось настороженное выражение, и на какой-то момент Кэтрин даже испугалась, что та не заметит протянутой ею руки. Но Бет прикоснулась к ее пальцам, и они кивнули друг другу.

Джеймс пересек комнату, и рука Кэтрин сразу же утонула в его большой теплой ладони. Голос его звучал с такой же теплотой:

— Рад познакомиться, Кэтрин Экер.

Он все еще держал руку Кэтрин, когда Мэт непринужденно сказал:

— Кэтрин только что согласилась стать моей женой.

Джеймс тут же еще раз сжал ее руку, говоря с очевидной радостью:

— Чудесно, тебе пора наконец остепениться, Мэт. — И добавил, улыбаясь: — Мои поздравления! Надо, наверно, пожелать вам счастья, что я с удовольствием и делаю.

Пробормотав едва слышно «спасибо», Кэтрин посмотрела на Бет и была изумлена ее потрясенным выражением. Конечно, она бы поняла ее удивление, но это! Бет выглядела так, словно ее ударили. Когда она заговорила, в ее голосе звучали истерические нотки. Она обращалась к Мэту так, как будто Кэтрин вообще не было в комнате.

— Твоей женой? Но, Мэт, мы же не знаем ее! Наши друзья ее не знают!

Глаза Мэта приобрели стальной оттенок, и он ответил довольно резко:

— Я знаю ее. Мои друзья знают ее.

Не сводя глаз с бриллианта на пальце Кэтрин, Бет проговорила нетвердым голосом:

— Но это займет столько времени, пока мы подготовим свадьбу. Нужно сначала отпраздновать помолвку и...

Подчеркнуто спокойно Мэт прервал ее:

— Мы все уже подготовили. Свадьба будет в эту субботу в Ланкастере.

— В эту субботу! — ахнула Бет.

Мэт не обратил внимания на ее реплику. Обращаясь к Джеймсу, он продолжал:

— Я хотел бы, чтобы ты был моим свидетелем.

— Буду польщен! — успел сказать Джеймс, прежде чем Бет выкрикнула:

— Ланкастер? С какой стати ты решил жениться именно там?

Едва сдерживаясь, Мэт обернулся к ней и бросил:

— Могу напомнить, если ты забыла, что там живут наши родители! Кстати, и родители Кэтрин тоже.

Последовала неловкая пауза, затем Джеймс примирительно сказал:

— А можно узнать, кто будет свидетелем невесты?

Мэт вопросительно взглянул на Кэтрин, которая очень обрадовалась, что ей хватило ума позвонить сегодня Кэрол.

— Кэрол Бенингтон, — тихо ответила она.

Прежде чем кто-нибудь успел что-то сказать, филиппинец-дворецкий своим хорошо поставленным голосом провозгласил:

— Обед готов, прошу вас к столу.

За обедом говорил в основном Мэт. Он посвящал брата и сестру, а также, по существу, и Кэтрин в свои ближайшие планы. Со все растущим удивлением Кэтрин узнала, что он, оказывается, позвонил ее братьям, приглашая их приехать с семьями в Ланкастер на все три дня уик-энда за его счет. Его секретарша обзванивала с этой же целью друзей. Мэт заказал также небольшой обед в отдельном зале самого большого мотеля в окрестностях Ланкастера.

Когда они собирались уезжать после обеда, Джеймс беззаботно спросил:

— А куда вы едете на медовый месяц?

— Не твое дело, малыш, — щелкнул его по носу Мэт.

На обратном пути Мэт неожиданно сказал:

— Насчет медового месяца. У нас сейчас нет времени на долгое путешествие, Кэтрин, потому что в следующий четверг я должен быть на работе. У меня есть домик в Поконосе, и я думал, не согласишься ли ты провести несколько дней в горах? Возможно, что осенью мы сможем поехать куда-нибудь уже на несколько недель, если ты захочешь.

Кэтрин даже не думала о свадебном путешествии и растерянно ответила, что поездка в горы как раз подойдет, потому что ей нужно будет потом вернуться на работу.

— Хорошо. Я свяжусь с людьми, которые присматривают за домиком, и предупрежу, чтобы ждали нас. — Он бросил на нее озабоченный взгляд и добавил: — И еще, Кэтрин. Нам лучше сразу обсудить, где мы будем жить.

Его слова поставили ее в тупик. Кэтрин вообще как-то не думала, что будет после свадьбы. Вдруг она осознала всю серьезность предпринимаемого шага. Она еще ничего не говорила Дженис и Тому, а они оба будут завтра дома. Эта мысль повергла ее в волнение.

Как будто читая ее мысли, Мэт спросил:

— Когда ты ждешь детей?

— Завтра. Дженис и Карлос заедут по пути в Вашингтон. Том, по-видимому, приедет вечером. — Кэтрин напрасно старалась, чтобы ее голос звучал естественно.

— Я приду к тебе после обеда. К тому времени ты, наверно, уже все расскажешь им.

Машина остановилась напротив ее офиса. Кэтрин наклонилась к Мэту и поцеловала его в щеку, сама удивляясь своей смелости. Он удержал ее за локоть, останавливая. Спокойно, неторопливо он сказал:

— Я думаю, что лучше было бы перевезти твои вещи ко мне. Тебе будет удобнее добираться до работы. Позже мы могли бы отослать часть твоих вещей в мой загородный дом, чтобы ты при желании могла приезжать туда на выходные. Том может выбрать любую комнату, или комнаты, которая ему понравится, в квартире и в доме. Там их более чем достаточно.

— А я? — робко прошептала она.

Понизив голос, он произнес:

— Ты будешь жить в моих комнатах. А как же иначе — ведь мы станем мужем и женой. Ты ведь это знала, Кэтрин.

— Да, — сдавленно ответила она. — Я должна идти, Мэт. — И она почти выбежала из машины.

И она стала женой Мэта. Стоя рядом с ним в старой церкви, она произносила клятву, слова которой не вызывали в ней никаких эмоций, кроме мимолетных уколов совести. Потом Кэтрин выдержала два часа поздравлений и праздничный обед, и улыбка, словно приклеенная, не сходила с ее лица.

Единственный очаг сопротивления Мэт встретил совсем не там, где ожидал. Это был ее юный Том. Дженис была в восторге от перспективы иметь такого влиятельного отчима. Карлос, как всегда любезный и доброжелательный, искренне порадовался за Кэтрин. Том же был неожиданно враждебен. Но Мэт не был бы Мэтом, если бы позволил кому бы то ни было нарушить свои планы, в том числе и Тому. Когда Кэтрин дрогнула под градом его возражений, Мэт твердо напомнил ей, что очень скоро Том вылетит из гнезда, что он и теперь бывает дома достаточно редко, а ей пора подумать о своем будущем. Это укрепило Кэтрин в ее решении, и Тому пришлось спрятать враждебность за маской холодной вежливости.

Наконец день их свадьбы миновал, и они выехали из города. Кэтрин со вздохом откинула голову на спинку. День был жарким, солнце палило нещадно, обжигая все, до чего дотрагивалось. Даже шины шуршали по-другому, как всегда в такую погоду, и этот звук странным образом успокаивал натянутые нервы Кэтрин.

— Что, хочешь поспать? — Голос Мэта звучал мягко, соответствуя настроению.

Она не смогла удержаться от известной шутки:

— Нет, я просто даю глазам отдохнуть.

Его негромкий смех усиливал чувство приятной расслабленности, разливающейся по ее телу.

— Я не успел тебе сказать, как чудесно ты выглядишь. Этот цвет так идет тебе, он подчеркивает цвет твоих глаз.

Этот комплимент, произнесенный нежным голосом, согрел сердце Кэтрин. Повернувшись к нему, она удивленно всматривалась в его лицо, в то же время радуясь, что успела накануне пройтись по магазинам с Кэрл. В конце концов она выбрала бледно-сиреневое облегающее платье из тяжелого шелка.

— Спасибо, — с чувством ответила она. — Ты тоже прекрасно выглядишь, Мэт.

«Прекрасно» было не то слово. Он выглядел просто умопомрачительно. Светло-серый костюм и рубашка из бледно-голубого шелка в сочетании с темно-синим галстуком очень гармонировали с его глубокими красивыми глазами.

Кэтрин подняла голову, чтобы еще раз взглянуть на Мэта. Бросив на нее быстрый взгляд, все еще улыбаясь, Мэт сказал:

— Расслабься, можешь подремать, если хочешь. У нас впереди долгая поездка. Я поехал кружным путем, чтобы забросить кое-какие бумаги на завод в Ридинге.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кэтрин не спала, но сидела тихо, не мешая ему сосредоточиться на дороге, забитой машинами. Она рассматривала сельскую местность, которую они проезжали, — ярко-зеленые поля, золотую пшеницу, пастбища со стадами, лениво жующими траву под послеполуденным солнцем. В этих местах, как она знала, располагались лучшие земли в Штатах и жили самые знаменитые и богатые фермеры. Большинство домиков на фермах были белыми с зеленым декором, а на некоторых амбарах были нарисованы защитные магические шестиугольники. Направо от нее, на узкой дороге, идущей параллельно шоссе, Кэтрин увидела лошадь, запряженную в черную коляску, и подумала, что этот образ может быть символом края. Как всегда, вид и аромат родных мест наполнили ее душу гордостью.

Вот и Ридинг. Они подъезжали к городу, и Кэтрин скользила глазами по рекламным щитам. Она улыбнулась, вспомнив вдруг, как однажды ездила сюда за покупками. Тогда на нее напал приступ мотовства, и она почти целый день провела в большом магазине, ходя из

зала в зал и разглядывая все товары, начиная от ювелирных украшений и кончая джинсами и купальниками. Она вышла оттуда измученная, но счастливая, и только мысль о потраченной тогда безумной сумме денег до сих пор заставляла ее морщиться.

Мэт заехал на завод, что заняло не больше десяти минут, и они продолжили путь в сторону Аллентауна.

Пока они подъезжали к окрестностям Куцтауна, движение становилось все более оживленным, и вскоре они поняли почему. Проезжая мимо красивых зданий колледжа, они увидели транспарант «Куцтаунский народный фестиваль».

На повороте вместо того, чтобы ехать по шоссе, Мэт свернул налево вслед за потоком машин. Оглянувшись, Кэтрин спросила:

— Куда мы едем?

— Купить тебе обед, — задорно сказал он.

Мэт припарковал машину среди сотен других, и они влились в шумную толпу. Мэт спросил:

— Бывала когда-нибудь на фестивале?

Она покачала головой.

— Нет, хотя столько слышала о них! Как-то все не могла собраться.

— Думаю, тебе понравится, — уверенно сказал Мэт.

И ей действительно очень понравилось, даже несмотря на скопление народа, жаркое солнце и клубы пыли в воздухе. Кэтрин с наслаждением изучала выставленные образцы ремесел, типичных для Голландской Пенсильвании.

Они медленно проходили от одного стенда к другому, с уважением наблюдая, как работают кузнецы, слесаря, швеи. Именно у стенда с шитьем Кэтрин простояла дольше всего, не в силах оторвать глаз от прекрасных одеял и покрывал ручной работы.

Увлечшись, она не заметила, что солнечные лучи переместились на запад. Не заметила она и того, как Мэт в какой-то момент отошел и через минуту снова был около нее и протягивал ей большой бумажный пакет.

— Что это? — удивленно спросила Кэтрин.

— Почему бы тебе не посмотреть? — ответил Мэт. Затем добавил: — Небольшой свадебный подарок.

— Но это было совсем не обязательно!

— Знаю. — И тихо добавил: — Хотя как сказать!

Кэтрин открыла пакет и заглянула внутрь. Ахнув от восторга, она достала искусно связанную крючком белую шаль.

— Спасибо, Мэт, — с нежностью проговорила она. — Это просто чудо!

Взглянув на него, она увидела, что он внимательно следит за ее реакцией. Видимо, удовлетворенный, Мэт довольно улыбнулся.

— Она может пригодиться, — сказал он. — В горах вечерами может быть прохладно. А теперь, думаю, пора поискать, где можно пообедать. Хорошо?

Она кивнула, бережно складывая шаль и убирая ее в пакет. Но, когда они подошли к павильонам для еды, ее рассеянность моментально прошла. Кэтрин вдруг осознала, что очень голодна, так как почти не ела во время свадебного обеда, а доносящиеся до них ароматы не могли не вызвать аппетит.

К счастью, когда они подошли к стойке, какая-то юная пара уходила, так что Мэт посадил ее и сам сел на освободившееся место. Одновременно они взглянули на меню, написанное мелом на черной доске.

Глаза Кэтрин скользили по белым строчкам: свинина с кислой капустой, стручковая фасоль с ветчиной, кукурузный пирог с цыпленком, тушеный цыпленок, свинина, запеченная с картофелем. Голос Мэта остановил ее на запеченной домашней ветчине.

— Ну, что будем заказывать?

— Минутку. — Ее глаза оторвались от меню и встретились с глазами улыбающейся молодой девушки, готовой принять заказ. — Я хочу картофельный суп, кукурузный пирог с цыпленком и стакан мятного чая со льдом.

— И какой-нибудь сэндвич? — вставил Мэт, вопросительно поднимая бровь.

— Обязательно! — сказала она, смеясь. Боже, как давно она не ела сэндвичей с кукурузой и свиной!

— Хорошо, — Мэт повернулся к официантке. — И мне то же самое.

— Какой-нибудь десерт? — спросила девушка.

— Сладкий пирог и кофе, что же еще? — широко улыбнулся он.

Официантка тоже улыбнулась в ответ и отошла.

Кэтрин смотрела на ее удалявшуюся стройную фигурку. Платье девушки, очень просто сшитое, было из хлопка. Русые волосы были зачесаны назад, под небольшой белый чепчик. Завязки чепчика спускались на спину. Переведя взгляд на других посетителей, она обратила внимание на босоногого совсем молодого человека. На нем была голубая хлопчатобумажная рубашка и слишком короткие черные брюки на подтяжках. На голове была надета черная круглая шляпа с широкими полями, которую, как казалось Кэтрин, начинал носить каждый представитель мужского пола, как только мог самостоятельно ходить.

— Меня всегда привлекали эти люди, — тихо прошептала она. — Они кажутся такими красивыми из-за своих чистых, свежих лиц. Кажется, они излучают здоровье и благополучие.

— Да, — ответил Мэт. — Они много работают и твердо придерживаются своих обычаев. Я, естественно, полностью за прогресс, но я восхищаюсь тем, как они отстаивают свои традиции и самобытность.

Еда была великолепна. Суп был горячим, с кусочками картошки, лука, сельдерея и ломтиками крутых яиц. Из пирога пошел пар, когда хрустящая корочка была разрезана, обнажив крупные кусочки куриного мяса среди сладкой кукурузы. Сандвич со свиной начинкой был именно таким, как любила Кэтрин. Свиная котлета по краям была хорошо зажарена, с коричневой корочкой, а внутри нежная и светлая. Она уже не была уверена, что хочет десерт, но, увидев рассыпчатый пирог с патокой внутри, умудрилась съесть его до последней крошки. Отходя от стойки, Кэтрин удовлетворенно вздохнула и услышала раздражающий голос Мэта:

— Понравился обед?

— Очень, — искренне ответила она. — Совсем как дома.

Мэт кивнул, и по его выражению было видно, что он согласен с ней.

Когда они вернулись к машине, солнце уже садилось. Кэтрин почти сразу же задремала и проснулась только тогда, когда Мэт сказал ей:

— Вот мы и приехали.

Было уже совсем темно, и Кэтрин мало что видела, кроме темной дороги. Они свернули на узкую боковую дорожку, и вдруг перед ней возник дом, со светящимися окнами и ярким фонарем над въездом в гараж. Это был не крошечный дачный домик, а большой трехэтажный дом со множеством окон и террасой, окружавшей его с двух сторон.

Когда Мэт поставил машину в гараж и вынул из багажника чемоданы, они прошли через заднюю дверь к небольшой лестнице. На верхнюю площадку выходили две двери, и Кэтрин догадалась, что правая ведет в комнаты над гаражом. Мэт распахнул перед ней вторую дверь и провел ее в ярко освещенную современную кухню. В ее дальней, обеденной половине у большого окна, казавшегося сейчас черным, стоял стол. Слева была дверь, выходящая на террасу. Напротив была арка, через которую они прошли в гостиную.

Мэт поставил чемоданы на пол и ждал, пока она осматривалась. Массивные деревянные балки проходили вдоль всего потолка. Стены тоже были отделаны деревянными панелями, между которыми белела штукатурка. По левой стене, которая являлась фасадом дома, были расположены два французских стеклянных окна, выходящих на террасу. Сбоку между двумя окнами был огромный камин. У задней стены был устроен бар, рядом стояли четыре высоких стула в виде бочек с кожаными сиденьями. Справа Кэтрин заметила винтовую лестницу, ведущую вверх. Казалось, ступени просто парят в воздухе. Кэтрин стояла, не веря своим глазам и пытаясь понять, на что они опираются, когда Мэт рассмеялся и ответил на ее невысказанный вопрос:

— Не скажу! Тебе нравится?

— Потрясающе! — вымолвила она с восхищением. По правде говоря, потрясающей казалась ей вся гостиная. Она не увидела никаких ламп или светильников, тем не менее комната сияла мягким ровным светом. Мебель состояла из нескольких больших кожаных кресел, которые, судя по всему, были рассчитаны на габариты самого хозяина. Между ними были такие же кожаные пуфики, а напротив камина стоял диван. На полированном полу из твердого дерева были разложены оранжевые коврики, перекликающиеся по цвету с грубооткаными шторами и подушками, разбросанными по дивану и креслам. Кое-где стояли столики ручной работы из орехового дерева.

— Я просто в восторге! — проговорила наконец восхищенная Кэтрин.

— Очень рад, что тебе понравилось, — отозвался Мэт. Затем, снова подхватив чемоданы и направляясь к лестнице, сказал: — Думаю, ты захочешь принять душ. Идем, я покажу, где это.

На просторной площадке он остановился перед дверью, ведущей в единственную комнату на этом этаже. Мэт открыл дверь, зажег свет и отступил, пропуская ее вперед.

Спальня хозяина! Помимо нее, на этом этаже была только ванная. Спальня была почти такая же большая, как гостиная, потолок с такими же открытыми балками, мягкое освещение. Стены были обшиты светлым деревом. Небольшой камин располагался точно над камином в гостиной. Пол покрывал рыжевато-коричневый ковер из искусственного меха. Покрывало на большой кровати было из грубой шерсти ручной работы цвета темного золота, как и обивка единственного кресла. Большой шкаф и высокий комод были из орехового дерева. Стена, являющаяся фасадом дома, была закрыта ореховыми дверями с жалюзи, за которыми, когда Мэт открыл их, оказались такие же стеклянные двери, как и в гостиной. Кэтрин вышла на террасу, но мало что увидела из-за темноты. Она вернулась в спальню и прошла за Мэтом к противоположной стене, которая казалась сплошной. Лишь подойдя ближе, Кэтрин рассмотрела зазоры в ней. Мэт отодвинул в сторону панель и сказал:

— Можешь повесить сюда свои вещи.

Стенной шкаф оказался глубоким, он шел вдоль всей стены. Несколько раздвижных панелей позволяли открыть любую его часть. Последняя панель открывала вход в ванную, отделанную в белых и коричневых тонах, только ковер, как и в спальне, был рыжеватый.

Обернувшись, Кэтрин увидела, что Мэт уже начал распаковывать чемодан. Посмотрев на нее, он улыбнулся и пошел к двери.

— Я приму душ внизу, а потом приготовлю что-нибудь выпить. Что бы ты хотела?

— Белого вина, если можно.

— Конечно. Я поставлю его охладиться. Не торопись. Слушай, если будешь вешать в шкаф свои вещи, повесь и мои заодно?

Кэтрин кивнула, и он вышел, тихо прикрыв дверь. Она несколько секунд глядела ему вслед, чувствуя облегчение оттого, что он оставил ее одну. Потом Кэтрин повесила вещи в шкаф, приготовила чистое белье, красно-белую пижаму и белые босоножки.

Через полчаса, свежая после душа, без косметики на лице, лишь едва тронув губы бесцветной помадой, она спустилась вниз. Увидев ее, Мэт вышел из-за стойки бара, держа в руках бокал вина для нее и стакан с виски. Он был неотразим в темных брюках и белом пуловере.

— Ну иди сюда, — сказал он только, протягивая ей бокал. — Я покажу тебе остальные помещения.

Дом был больше, чем ей показалось сначала. Мэт провел ее в холл, из которого можно

было попасть в три спальни и две маленькие ванные комнаты. Затем они спустились на первый этаж, где были расположены холл для отдыха, хозяйственные помещения, помещения для кондиционера и отопления, небольшая сауна и даже маленький бассейн. Из холла они вышли в мощный плитамы внутренний дворик, откуда можно было попасть и в гостиную.

— Какой красивый дом, Мэт! Не представляю, как ты можешь так надолго уезжать отсюда, — сказала Кэтрин, не глядя на Мэта. Отпивая вино, она мечтала, чтобы теплая атмосфера этого вечера как-то растопила ее все растущее напряжение.

— Спасибо. Я сам проектировал его. А уезжаю я отсюда редко, по той простой причине, что вообще редко здесь бываю. Хотя я и не охотник, но несколько раз привозил сюда друзей и деловых знакомых, чтобы поохотиться, или просто приезжал на выходные в летнюю жару. — Кэтрин взглянула на него, а он насмешливо поднял брови. — Да, я устраиваю иногда такие уик-энды для деловых партнеров, соединяя приятное с полезным.

Он посмотрел на свой пустой стакан и повернулся в сторону гостиной.

— Принести тебе еще?

— Нет, спасибо, у меня еще есть. — В доказательство она подняла свой недопитый бокал.

Мэт вернулся быстро со стаканом, налитым на три четверти. Кэтрин была уверена, что это чистое виски с кубиком льда. Одним глотком она допила вино. Она волновалась все больше и больше. Не хватало еще, чтобы в первую же ночь Мэт напился. В ледяных пальцах она вертела ножку бокала.

— Я хотела бы лечь, Мэт, — промямлила она наконец.

Глядя ей в лицо, Мэт отпил из стакана и тихо проговорил:

— Хорошо, ты поднимайся. Я приду, как только закончу это. — Он поднял стакан, как бы салютуя ей, затем опять поднес его к губам.

Кэтрин пошла на кухню, сполоснула и поставила в сушилку бокал, потом поднялась в спальню. Быстро раздевшись, она надела тонкую батистовую ночную рубашку, умылась, почистила зубы и юркнула в постель. Она дрожала, руки покрылись гусиной кожей. Натягивая до подбородка одеяло, она не знала, мерзнет ли она из-за того, что в комнате холодно, или от собственного страха.

«Не будь наивной, — с упреком сказала она себе. — Ты же взрослая женщина, у тебя был муж, а это, должно быть, со всеми одинаково». Но это было так давно, почти двадцать лет назад, и Кэтрин никак не удавалось справиться со страхом. И это был не просто страх, это была настоящая паника.

Когда Мэт наконец вошел в спальню, она лежала неподвижно, судорожно сжав под одеялом руки. Мэт не стал зажигать свет, уверенно пройдя в ванную. В комнате было темно, только свет луны пробивался сквозь жалюзи. Глаза Кэтрин привыкли к темноте, так что она различала очертания фигуры Мэта, когда он вышел из ванной и стал раздеваться. С бьющимся сердцем она наблюдала, как он снимает одежду и бросает ее на стул.

Не в силах отвести от него глаза, Кэтрин пыталась сглотнуть ком, вставший в горле. Что она здесь делает? Почему она согласилась? Она совсем не знала этого человека и даже боялась его. Ее тело напряглось еще больше, когда Мэт забрался под одеяло. Он повернулся к ней и наклонился к ее лицу. И тут, не успев подумать, Кэтрин резко отодвинулась от него. Его дыхание задержалось, и на какое-то мгновение Мэт замер.

Едва дыша, Кэтрин ждала его реакции. То, что случилось после, повергло ее в шок. Он

стремительно овладел ею. Без поцелуев, без ласк, он взял ее холодно, бесстрастно, как робот, и отодвинулся на свою половину сразу же, как дело было сделано.

Она лежала, глядя в потолок широко открытыми невидящими глазами, не способная связно мыслить, дрожа мелкой дрожью.

Видимо, ей все-таки удалось заснуть, потому что, когда она открыла глаза, комнату заливало солнце, пробивающееся сквозь жалюзи.

Она облегченно вздохнула, увидев, что Мэт уже встал, и со стоном поднялась с кровати. Казалось, каждый ее мускул болит от вчерашнего напряжения. Кэтрин чувствовала себя разбитой.

Сонная, она пошла в душ и стояла неподвижно, давая горячей воде смыть напряжение. Не позволяя себе думать о вчерашнем, Кэтрин надела белые джинсы и розовый пуловер, усмехнувшись при виде его такого неуместного яркого радостного цвета. Даже не взглянув на косметичку на туалетном столике, она провела щеткой по густым волосам.

Кэтрин медленно подошла к дверцам-жалюзи и распахнула их. Открыв стеклянные окна двери, она вышла на террасу. В воздухе еще чувствовалась утренняя свежесть, хотя солнце было жарким. Кэтрин стояла, закрыв глаза, глубоко вдыхая воздух, пропитанный сосновым ароматом, мечтая, чтобы теплые лучи растопили комок льда, образовавшийся внутри ее.

От вида, открывавшегося с террасы, захватывало дух. Горы, близкие и далекие, громоздились одна над другой. Утренний свет, падающий на кустарники и деревья, играл всеми оттенками зеленого, услаждая взгляд. Какое-то воспоминание шевельнулось в мозгу Кэтрин, и вдруг она поняла, что именно этот вид изображен на картине, висящей в квартире Мэта.

Кэтрин не слышала, как он подошел, и вздрогнула, когда Мэт положил руку ей на плечо. Голос Мэта был ровным, без выражения, только казался еще более низким.

— Миссис Дарси приготовила нам завтрак, Кэтрин. Ты готова? Я хотел вас познакомиться.

Кивнув, она начала:

— Мэт, я...

— Позже, Кэтрин, если хочешь, мы поговорим за завтраком. — Его тон не предполагал возражений. Повернувшись, он пошел к лестнице и спустился в кухню, где их ждали миссис и мистер Дарси.

Им обоим было за пятьдесят, оба были небольшого роста, сухощавые, с приветливыми, милыми лицами. Мэт представил их Кэтрин, и после приличествующих случаю поздравлений мистер Дарси ушел. Миссис Дарси накрыла завтрак на террасе, на столе со стеклянной столешницей. Поставив на стол накрытые крышками блюда с едой, она удовлетворенно посмотрела на Кэтрин и Мэта, пожелала приятного аппетита и ушла вслед за мужем.

— Они кажутся очень славными, — сказала Кэтрин.

— Да. Они работают у меня с тех пор, когда дом был построен. Они живут здесь круглый год в комнатах над гаражом.

Судя по его тону, он не собирался задерживаться на этой теме. Кэтрин, нервничая, отпила кофе и обожгла язык. Держа чашку ледяными пальцами, она наконец решилась выговорить:

— Мэт, боюсь, наше соглашение не будет работать.

Он долго молчал, глядя вдаль сужившимися глазами. Потом повернулся к ней. Глядя на

нее своими стальными глазами, он медленно и четко произнес:

— Оно будет работать. Ты согласилась, и теперь ты не смеешь отказаться. — Еще более уверенно он продолжал: — Ты уже не юная робкая девица, ты знала, чего ожидать. Если то, что случилось, тебе неприятно, а я знаю, что это может быть так, то могу тебя утешить — я буду делать это только тогда, когда мне это действительно будет необходимо.

Мэт развлекал ее все время, показывая местные достопримечательности. Отдыхающим здесь предлагались катание на лодках, рыбная ловля, гольф и многое другое, в том числе и широкий выбор ночных развлечений.

Они побывали на нескольких фермах, посмотрели Винонский водопад, совершенно очаровавший Кэтрин. В заключение они съездили на знаменитый лыжный курорт Кэмелбэк, где летом работали водные горки и захватывающий дух ледяной спуск.

Мэт был верен своему обещанию, и пережитое Кэтрин унижение постепенно изгладилось из ее памяти. Но ничто не могло вытеснить ощущение холодной пустоты в ее душе. Кэтрин восхищалась окружающей ее природой, но ее единственным желанием было наслаждаться ею в одиночку.

Кэтрин поежилась и слегка вздрогнула, медленно возвращаясь мыслями в настоящее.

— Что, не можешь заснуть?

— Нет, — прошептала она.

— Куда ты уходишь, Кэтрин? О чем ты думаешь, когда вот так уходишь в себя на несколько часов?

Она закрыла глаза, чувствуя, как сжимается горло. Сказать ему? Попытаться объяснить, что она все чаще погружается в прошлое, чтобы отыскать хоть какое-то будущее для них? Поймет ли он? Попытается хотя бы понять? А нужно ли это ему? По всей вероятности, он просто скажет ей холодно и кратко, что ясно высказал свои требования с самого начала, и она на них согласилась. Он бизнесмен и совершил сделку, четко и ясно оговорив все условия.

— Ни о чем важном, — ответила она наконец, поворачиваясь на подушке, чтобы посмотреть на него.

По его лицу было видно, что ответ не удовлетворил его. Мэт хмурился.

— Во сколько наш мальчик обычно просыпается?

Его вопрос удивил Кэтрин. Наш мальчик! Он не мог знать, какое действие произвели на Кэтрин эти слова. Она пробормотала растерянно:

— Около семи.

— А Дженис и Карлос будут здесь не раньше половины восьмого. Сейчас нет и пяти. Почему бы тебе не поспать немного?

Сердце Кэтрин сжалось от его ласковых слов, и она собрала все силы, чтобы подавить непреодолимое желание разрыдаться.

— Тебе холодно? — озабоченно спросил Мэт. Обняв Кэтрин, он прижал ее к своему сильному теплему телу и прошептал: — Спи, Кэйт.

Несмотря на то, что Кэтрин не выпалась, следующий день оказался для нее вполне удачным. Приехали Дженис и Карлос, первая светилась радостью приближающегося материнства, второй сиял от гордости. Мэт весь день был дома и вел себя очень подружески, так что Кэтрин чувствовала, как напряжение ночи понемногу оставляет ее. Несколько забавный вид Мэта, разгуливающего по квартире с Джонни на руках и всячески забавляющего его, дал ей такое чувство удовлетворения, какого она уже давно не испытывала. Обед прошел очень весело, а после него они все вместе несколько часов провели в гостиной за непринужденной беседой. Договорились, что Карлос позвонит Кэтрин, как только у Дженис начнутся роды. Ко всеобщему удивлению, Мэт предложил, чтобы Кэтрин с Мэри и Джонатаном полетели в Вашингтон сразу после этого звонка и провели там неделю или две, чтобы познакомиться с новорожденным.

— Я оставлю вам свой самолет, тогда вы можете быть там уже через час. Если я буду здесь, я полечу с вами. Если нет, приеду как только смогу. Договорились? — Мэт явно был доволен своим предложением.

— Да, спасибо, дорогой. — Кэтрин была настолько поражена его заботой, что не нашла сразу других, более теплых слов.

Правда, в этом не было необходимости, так как Дженис почти одновременно воскликнула:

— Ой, Мэт, как здорово! Я мечтала о том, чтобы мама приехала ко мне! — После паузы она добавила: — Думаю, какой бы независимой и самостоятельной в жизни ни считала себя юная леди, но при рождении первого ребенка она обязательно захочет, чтобы мать была рядом.

— Конечно, — отозвался Мэт, и по его тону было ясно, что он полностью согласен.

В ту ночь Кэтрин спала хорошо, без путешествий в прошлое.

И вот наконец наступила суббота, яркая и солнечная. Том приехал в середине дня. Он со смехом выдержал все объятия и поцелуи Кэтрин и Дженис, с радостной улыбкой выслушал поздравления Мэта и Карлоса, а потом спросил:

— Для меня найдется хотя бы сандвич? Я ужасно голоден!

В гостиной накрыли стол. Том ел, держа на коленях Джонни, и болтал почти не переставая. Перейдя к кофе, он посмотрел на Мэта со смущенной улыбкой и сказал:

— Я приехал бы раньше, но проклятый мотор барахлит, и я не хотел испытывать судьбу. Я даже боялся останавливаться, чтобы поесть, а то вдруг бы он не завелся! Нельзя ли устроить, чтобы Джек посмотрел, в чем там дело, пока я здесь? — Почему же нет? Если кто-то может помочь, то это как раз Джек. — Мэт говорил совершенно спокойно, а остальные отводили глаза — Дженис, Карлос и Мэри уже видели подарок сегодня утром. После этого Мэт добавил: — Кстати, твоя мать приготовила для тебя небольшую прогулку с сюрпризом. Я поговорю с Джеком, когда мы спустимся к машинам.

Глаза Тома, загоревшиеся от удовольствия, обратились на Кэтрин.

— Прогулку? На день рождения? Что это будет, ма?

— Если я скажу, это уже не будет сюрпризом, — смеясь, ответила счастливая Кэтрин.

Как только Том закончил есть, все направились к лифту, разместившись так, чтобы Том оказался у двери. На нижнем этаже двери раскрылись, Том сделал шаг и остолбенел. Затем с деланным стоном воскликнул:

— Спасите, я погиб!

Одним прыжком он оказался у огненного «Транс-М», оглядел его снаружи и внутри, любовно поглаживая. Пока остальные молча стояли, улыбаясь, Кэтрин подошла поближе, а за ней Мэт с Джонни на руках. Как по команде, все громко крикнули:

— С днем рождения, Том!

Том взглянул на мать, и ее сердце сжалось: впервые за много лет у ее сына были слезы на глазах, а когда он заговорил, его голос дрожал:

— Спасибо, ма. — Повлажневшие глаза обратились к Мэту. — Я не заслуживаю этого, вы знаете.

Мэт тряхнул головой и тихо сказал:

— То, что ты так говоришь, убеждает меня в обратном.

Том широко улыбнулся, провел ладонью по глазам и взволнованно спросил:

— Можно я ее опробую?

— Разве ключ не в зажигании? — ответил вопросом на вопрос Мэт.

Том опять сверкнул улыбкой и повернулся к машине со словами:

— Пойдем, Джек, прокатимся!

Джек заколебался и бросил взгляд на Мэта. Мэт едва заметно кивнул, Джек поспешно сел рядом с Томом, и они уехали.

Мэт, улыбаясь, покачал головой, взглянул на часы, передал Джонни Мэри и сказал, обращаясь к Кэтрин:

— У меня встреча. Если я не вернусь, когда вы уже будете готовы, идите без меня. Я подъеду прямо в ресторан.

— Но...

— Я приду, Кэтрин, — нетерпеливо перебил он, идя к «Линкольну».

Мэт не приехал, и они отправились без него. Джонни оставили в надежных руках Клайда. В ресторане их встретили Джеймс и трое друзей Тома, которых пригласила Кэтрин. Здесь же была и подружка Тома, с которой он встречался в последнее время, хорошенькая блондинка по имени Тэффи, был Майк, лучший друг Тома, а также девушка Майка — Тина, довольно решительная молодая особа.

Их усадили за большой круглый стол и подали напитки. Случайно Кэтрин услышала, как Майк шепчет Тому:

— Я думал, твой отчим тоже будет.

— Он обязательно придет, — так же шепотом ответил Том.

— Надеюсь, — тихо сказал Майк. — Я рассчитывал наконец встретить старика! Я так много слышал о нем от отца, что уже начал думать, что великий Мэтью Мартин — всего лишь миф, придуманный им мне в пример.

Кэтрин опустила глаза, силясь скрыть улыбку. Старик! Слышал бы Мэт! Смеющийся голос Тома заставил ее поднять голову.

— Ну, похоже, ты сейчас увидишь свой миф!

Проследив за его взглядом, Кэтрин увидела Мэта. Он только что вошел и разговаривал с метрдотелем. Потом он посмотрел в их сторону, кивнул и направился к ним. Головы, как мужские, так и женские, поворачивались ему вслед. Кэтрин хорошо понимала их. Мэт всегда производил впечатление, теперь же, при полном параде, это было нечто особое. Его темно-синий костюм от Кардена прекрасно сидел на мощной фигуре, а бледно-голубая рубашка делала глаза небесно-синими.

Когда он подошел к столу и направился к своему месту между ней и Томом, Кэтрин внимательно смотрела на друзей Тома, изучая выражение их лиц. На лице Майка любопытство сменилось восхищением. Лицо Тэффи выражало радостное ожидание. А вот выражение лица Тины заставило ее тихо вздохнуть. На ее хорошеньком личике читался холодный расчет. Ну что же, успокоила себя Кэтрин, Тина, уж конечно, не первая женщина, которая оценивает Мэта, чтобы потом просчитать свои шансы, и вряд ли она будет последней.

Мэт остановился за стулом Кэтрин, нежно дотронулся до ее плеча и прошептал:

— Прости, я опоздал. — Затем, повернувшись к Тому, сказал: — Мне просто не верится, что я вижу наконец твоих друзей.

Когда мужчины были представлены друг другу, Мэт поднял бровь, услышав мурлыкающий голос Тины. Он кивнул остальным, поздоровался с Джеймсом и обернулся, чтобы взять бокал у подошедшего официанта. Подняв бокал, он оглядел присутствующих, затем повернулся к Тому:

— Предлагаю вам тост в честь дня рождения. За нашего Тома, пусть твой следующий год будет таким же счастливым, таким же прекрасным и наполненным, как та радость, которую ты приносишь своей семье.

Обед прошел прекрасно, еда была великолепной, разговор — интересным и остроумным, так как молодежь не скупилась на шутки и веселые рассказы.

Им подали кофе и ликеры, когда Тина вдруг проворковала:

— Почему бы нам не пойти отсюда на дискотеку?

Майк, Тэффи и Том хором поддержали ее.

Кэтрин, отпивая ликер, опустила глаза и твердо сказала:

— Мне кажется, это ни к чему, Том. Уже поздно, и... — Она остановилась, потому что

Том перевел просящий взгляд с нее на Мэта.

Уголок рта Мэта дрогнул, он вынул из кармана бумажник, вытащил из него три двадцатидолларовых бумажки и протянул их Тому со словами:

— Это от меня, теперь делай ставки.

Том радостно улыбнулся:

— Спасибо, Мэт! Отрываемся, ребята, пока мама его не переубедила!

«Да уж, его переубедишь!» — подумала Кэтрин, сердито глядя на Мэта. Но в то же время она впервые окончательно поверила, что Мэт искренне расположен к Тому и эта симпатия взаимна.

— А какие ставки? — спросила она Мэта в недоумении.

— Это жаргон, — со смехом ответил он. — Значит «двигайся живее».

Две недели спустя Кэтрин полетела в Вашингтон, чтобы присутствовать при появлении своего первого внука. Мэта не было в городе, но он оставил им самолет, как и обещал, так что поездка прошла быстро и без проблем. Кэтрин провела в больнице все двенадцать часов, пока продолжались роды, то ходя из угла в угол, то сидя рядом с Карлосом. Потом стояла, плача без стеснения, и глядела на свою внучку. Она зашла в палату, чтобы поздравить измученную, но счастливую Дженис, и вышла, посмотрев с нежной улыбкой на Карлоса, который сидел там, глядя на жену с обожанием, и прижимал к губам ее руку.

Кэтрин поехала к дочери и зятю домой, заглянула в комнату к мирно спящему Джонни и без сил упала на постель, приготовленную для нее Дженис. Она чувствовала себя измотанной, но это была приятная усталость. Кэтрин улыбнулась, вспомнив дочурку Дженис, которая, только родившись, уже обещала быть красоткой.

Мысли о ребенке заставили ее вспомнить о рождении ее сына Джонни, а это неизбежно увело ее опять в прошлое.

В то время Кэтрин казалось, что почти всю беременность она провела в постели. На самом деле это было не так.

Мэт действительно имел в виду то, что говорил в то первое утро. Больше он ни разу не был близок с ней за те несколько дней, что они провели в Поконосе и две недели после возвращения в город.

Как он и говорил, он был очень занят, и Кэтрин использовала свободное время, перевозя вещи из своей квартиры к Мэту и работая в офисе. Джек каждое утро отвозил ее туда на машине, привозил на обед домой, отвозил опять на работу, потом забирал.

В последние недели лета основными спутниками Кэтрин стали Клайд, холодное чувство пустоты, с которым она проснулась в первое утро после свадьбы, и — поскольку Том надолго уехал в Канаду, а Дженис была в Новой Англии — растущее одиночество.

Хотя Мэт пользовался своими супружескими правами нечасто, примерно раз в две недели, все было точно так же, как и в первый раз. Никаких слов, ни малейшего намека на ласку. Это обладание, холодное и механическое, оставляло Кэтрин униженной и раздавленной.

Когда у нее впервые не наступил месячный цикл, она не обратила внимания, решив, что

это результат постоянного нервного напряжения. Но и на следующий месяц все осталось по-прежнему, и все сомнения исчезли. Она родила двоих детей и теперь точно знала, что беременна.

Ее первой реакцией был ужас, потому что, судя по подсчетам, она забеременела именно в первую ночь. Несколько дней она пылала ненавистью к Мэту, пока накал ее эмоций не заставил ее задуматься. И Кэтрин осознала, что ее вины тут не меньше, чем его, если не больше. Она была напугана, считая, что в этом возрасте уже поздно заводить новую семью. У нее возникла мысль об аборте, но Кэтрин сразу же отвергла ее. Она просто не смогла бы пойти на это.

Кэтрин металась по комнатам, как попавшее в клетку животное. Ей нужно показаться врачу, но кому именно? Ее прежний врач давно уже не практиковал. Но затем в ее памяти всплыло одно имя. Марк Хантер, доктор гинекологии и акушерства.

Во время свадьбы Кэтрин была приятно удивлена, узнав среди гостей Марка и его жену, Маршу Дрейк. Марша рассмеялась удивлению Кэтрин и сказала:

— Ты, наверно, не помнишь, но я однажды говорила тебе, что собираюсь выйти за Марка. Но должна признаться, что удивлена не меньше, чем ты. Марк и Мэт остались хорошими друзьями, но мы и не знали, что он решил жениться. И, честно говоря, твое имя никогда даже не упоминалось. Пойми меня правильно, Кэтрин, мы на самом деле очень рады. Мэту давно было пора жениться, а мне кажется, что ты ему идеально подходишь. Странно, но мне так казалось еще в школе.

Эти слова изумили Кэтрин, и она бы с удовольствием расспросила Маршу поподробнее, но тогда случая не представилось.

Кэтрин пошла на прием к Марку, и он сообщил ей после осмотра, что она в прекрасном состоянии и определенно беременна. Но, добавил он, она слишком напряжена. Когда она рассказала ему о своих страхах, он посмеялся и заметил:

— Кэтрин, ты наслушалась всяких сказок. Уверяю тебя, все будет в порядке. Ты бы удивилась, если бы знала, сколько женщин твоего возраста в наши дни рожают замечательных здоровеньких и красивых детей. А теперь, — добавил он, переходя на деловой тон, — я хочу, чтобы ты выполняла мои указания до мелочей. Перед уходом моя медсестра возьмет у тебя анализ крови. Она также даст тебе диету, которой ты должна придерживаться, и список витаминов, которые нужно принимать. И мне хотелось бы, чтобы ты бросила курить. Если это уж никак не получится, надо хотя бы курить как можно меньше. Я осмотрю тебя через четыре недели. И потом, Кэтрин, расслабься! Кстати, Мэт знает?

— Нет, я хотела знать наверняка, прежде чем сказать ему, — солгала Кэтрин.

— Вполне понятно. — Марк кивнул. — Ну что же, теперь иди домой и сделай его очень счастливым человеком.

Но будет ли он счастлив от этого известия? Кэтрин совсем не была в этом уверена.

Это как раз был тот редкий день, когда Мэт не был в деловой поездке, и она ждала его, судорожно теребя кольцо на пальце и расхаживая взад-вперед по гостиной.

Она остановилась как вкопанная, когда он вошел в комнату со словами:

— Добрый вечер, Кэтрин, как прошел твой день?

— Я сегодня не была на работе, — ответила она.

Он вопросительно поднял брови.

— Что-то случилось? — спросил он удивленно.

— Да. — Кэтрин умолкла, потом решила. — Я ходила к Марку Хантеру.

Его лицо стало настороженным, и он взволнованно спросил:

— Ты что, больна?

— Не совсем. — Она опять заколебалась, чувствуя противную сухость в горле. — Я беременна, Мэт.

В комнате наступила мертвая тишина, и Кэтрин почувствовала, как по спине пробежал холодок. Лицо Мэта побледнело, уголок рта подергивался. Кэтрин не могла понять его чувств. Был ли это шок, гнев? Во всяком случае, это не была та счастливая реакция, которую предсказывал Марк. Холодок внутри разрастался, и Кэтрин сжала руки в кулаки, чтобы унять дрожь. Тишина все длилась, и ей казалось, что если Мэт так ничего и не скажет, то она закричит.

— А Марк уверен? Это уже точно? — спросил он наконец.

— Да, — еле выдавила она.

— А когда?

— В начале апреля.

Кэтрин могла видеть, как он подсчитывает сроки про себя. Затем, прищурившись, Мэт спросил:

— Ты сказала, что не совсем больна. Ты что, плохо себя чувствуешь? Марк думает, что возможны осложнения?

— Да нет же! Он сказал, что все прекрасно. Он не сомневается, что родится крепкий, здоровый ребенок. Это просто такое выражение! — Она едва сумела выговорить это. Нет, этот человек никак не выглядел счастливым от перспективы стать отцом.

— Такое выражение! — пробормотал он словно про себя. И вдруг возмущенно спросил: — Ты что, считаешь беременность формой болезни? Или дело в том, что ты носишь именно моего ребенка? Я подозреваю, что при первых двух беременностях ты не стала бы так говорить.

Она напряглась от обиды. Дав ему договорить, холодно заявила:

— Когда я ждала Дженис и Тома, я была почти девочкой. Ты должен признать, что теперь я уже перестала ею быть. — Она двинулась к двери, желая спрятаться от его обвиняющего голоса.

Мэт быстрым движением встал перед ней.

— Ты боишься?

— Да, — ответила она.

— Но ведь сейчас многие женщины благополучно рожают в твоём возрасте и даже старше, разве не так?

Неужели он хотел ее успокоить? Или хотел, чтобы его самого успокоили? Кэтрин не знала, но в этот момент ее внутреннее напряжение достигло предела, и ей было наплевать.

Прямо посмотрев в его непроницаемые серо-голубые глаза, она четко проговорила ледяным тоном:

— Так сказал Марк. Но ведь не ему предстоит пройти через это. И не тебе. Это произойдет со мной. — Оттолкнув его, она побежала в спальню.

Как ни странно, последующие недели были самыми спокойными и мирными за весь период их брака. Деловые поездки Мэта резко сократились, и он проводил вечера дома, лежа на диване, разложив бумаги на журнальном столике перед собой.

Кэтрин тоже стала приносить работу домой и удобно устраивалась с ней на ковре на полу, прикалывая свои рисунки к большой чертежной доске, прислоненной к тому же

журнальному столику, но с другой стороны.

Их разговор сводился к редким замечаниям типа: «Тебе удобно?» или «Не хочешь ли чего-нибудь выпить?» После первой недели напряжение спало, а потом и вовсе прошло. Они не стали ближе, но атмосфера вежливой враждебности исчезла.

В пятницу в середине ноября Мэт неожиданно вошел домой, когда она обедала, и коротко спросил:

— Тебе обязательно возвращаться в свой офис сегодня?

— Нет, а что?

— Утром мне звонил Ричард. Вчера к ним приехали Чак и Коринна, и я пригласил всех четверых в мой домик в горах. Мне хотелось бы собраться и поехать как можно скорее.

Они ехали в разных машинах, потому что Ричард и Энн собирались в понедельник утром отвезти Чака и Коринну в Бостон и приехали в дом вечером. Предупрежденная заранее, миссис Дарси приготовила прекрасный ужин.

Кэтрин от души наслаждалась отдыхом. Мужчины уходили на весь световой день, Ричард и Чак охотились, а Мэт ходил за компанию, чтобы, по его словам, поднимать дичь. Поскольку они охотились за несколько миль от дома, то обед брали с собой.

Трое женщин проводили время в разговорах о детях, иногда гуляли, вдыхая прохладный осенний воздух, и пытались поближе узнать друг друга.

Рано утром в понедельник Кэтрин и Мэт проводили гостей и сами собрались и приготовились к отъезду. Вдруг Мэт спросил:

— Не сходить ли нам прогуляться напоследок?

Кэтрин радостно согласилась, потому что день был солнечным и ясным.

Они прошли около половины мили, и по дороге Мэт показывал ей травы и деревья. Внезапно, когда он остановился, чтобы указать ей на какое-то дерево вдаль, послышался резкий щелчок, и Мэт, застонав, упал как подкошенный.

Обернувшись, Кэтрин вскрикнула и замолчала, зажав рукой рот, с ужасом наблюдая, как по его левому бедру растекается красное пятно.

— Бог мой! — хрипло прошептала она. — Тебя ранили!

На посеревшем лице Мэта были боль и изумление.

— Если я найду того идиота, который охотится так близко от дома, я убью его! — прорычал он.

Кэтрин опустилась на колени рядом с ним и воскликнула:

— Мэт, мы должны остановить кровь! У тебя есть платок?

Он протянул ей платок, который она прижала к ране, и сказал спокойно, хоть и напряженно:

— Пуля прошла навывлет и, судя по кровотечению, не задела артерию. Болит просто ужасно, возможно, задета кость. Мне лучше не пытаться сейчас идти самому. Кэтрин, тебе придется пойти и подогнать сюда джип.

— Подняться сюда на джипе? Но как?

Не дав ей договорить, он уже показывал на две белые березы, стоящие слева поодаль.

— Отсюда до тех деревьев есть неширокая, но хорошо протоптанная тропа, а там уже идет дорога. Будь осторожна.

Она уже вскочила и бежала, когда вслед ей донеслось резкое:

— Кэтрин, не беги!

С трудом заставляя себя перейти на быстрый шаг, Кэтрин раздраженно подумала:

«Конечно, теперь, когда он примирился с мыслью стать отцом, он не может допустить, чтобы я подвергала опасности его наследника, даже если это будет стоить ему жизни!»

Его жизнь! Эта мысль чуть не заставила ее остановиться, и все внутри ее запротестовало. Он не может умереть! Я люблю его! Я не позволю ему умереть! Не пытайтесь разобраться в своем неожиданном открытии, Кэтрин опять побежала. Один раз она упала, но тут же вскочила, задыхаясь, и остановилась только у гаража.

Казалось, что прошло очень много времени, но она наконец одолела камни, корни деревьев и рытвины узкой тропы и остановилась около Мэта. Когда он с ее помощью уселся в машину, они оба были мокрыми от пота, а когда он прижал платок к ране, которая снова начала кровоточить, его лицо приняло землистый оттенок.

Медленно, осторожно вела она джип обратно, а очутившись наконец на твердой дороге, сразу нажала на газ.

— Осторожно, — с усилием пробормотал Мэт, — в восьми милях отсюда есть доктор, поезжай пока по дороге, я скажу, когда свернуть.

Доктор был молодой человек среднего роста, но крепко сложенный. Вдвоем они помогли Мэту выбраться из джипа, пройти в кабинет и лечь на стол. Там он мгновенно потерял сознание.

Кэтрин мерила шагами маленькую прихожую перед кабинетом доктора. Жена доктора предложила ей кофе, но она отказалась. Она курила одну сигарету за другой. Остановил ее послышавшийся из-за двери раскатистый смех Мэта.

Кэтрин опустилась на ближайший стул, вмиг ослабевшая от облегчения. Дверь открылась, и голос доктора, странно далекий, произнес:

— Теперь вы можете войти, миссис Мартин. С вашим мужем все в порядке.

Она встала и нетвердой походкой вошла в кабинет, удивляясь, почему он так слабо освещен. Голос Мэта, встревоженный, но странно далекий, спросил:

— Что это с ней?

С ней? Что он имеет в виду? И почему стол для осмотров кажется намного дальше, чем был раньше?

— Кэтрин!

Голос Мэта доносился уже совсем издалека. Кабинет был окутан полумраком — неужели солнце заходит? Она словно плыла, затем сильные руки обхватили ее сзади, опуская ниже и ниже. Где-то вдали прозвучал голос доктора:

— Не смейте вставать! Вы что, хотите, чтобы рана опять открылась?

— Но что с ней? — Неужели эта мучительная тревога и впрямь звучала в голосе Мэта? — Боже! Она бледна, как мертвец, даже губы белые!

В этот раз в команде доктора прозвучала сталь:

— Я же сказал, чтобы вы не вставали! Ваша жена упала в обморок, вот и все. Она через минуту придет в себя. Ложитесь сейчас же!

Теперь в кабинете было светлее, а голоса звучали ближе.

— Доктор, ей нельзя волноваться! Моя жена беременна!

— Беременные женщины часто падают в обморок при сильном волнении. Вот так, а если опять встанете, я стукну вас по голове чем-нибудь тяжелым!

Кэтрин подумала, что ей нравится решительный молодой человек. Потом она поняла, что он стоит на коленях, склонившись к ней. Комната была ярко освещена, и Кэтрин даже заморгала от неожиданного света. Мужчины яростно глядели друг на друга и не заметили, что она открыла глаза. Господи! Она лежит прямо на полу! Голос доктора опять прозвучал ясно и четко:

— Вы не падали в последние дни?

Не успев подумать, Кэтрин сразу же сказала «да».

— Что? — хором вскричали оба.

И Кэтрин, заикаясь, проговорила:

— Я... я упала, когда бежала за джипом.

— Кэтрин... — начал было Мэт, но доктор перебил:

— Как вы себя чувствуете, миссис Мартин?

— Не знаю, просто я очень устала.

Сильные руки доктора подняли ее и прижали к себе, одновременно он крикнул:

— Черт возьми, Мартин, лежите! Я отнесу вашу жену наверх и осмотрю. Я не думаю, что случилось что-то серьезное, но после осмотра попрошу свою жену уложить ее в постель, в целях предосторожности.

Очень быстро Кэтрин была раздета и осмотрена врачом, который дал ей слабое успокоительное, заверяя, что оно вполне безопасно. Потом его жена уложила ее в постель.

Она провалилась в глубокий сон без сновидений и проснулась, почувствовав, что ее кладут на носилки, а потом поднимают сильные руки.

— Спокойно, спокойно, миссис Мартин, вы скоро будете дома.

Мягкий негромкий голос принадлежал Джеку, но как это было возможно? Ведь Джек из Филадельфии!

Хотя Кэтрин не в состоянии была поднять тяжелые веки, она чувствовала, как ее несли вниз по лестнице, вынесли на улицу и поместили в еще одну пару рук, более сильных, чем предыдущие. Она никогда еще не была в кольце этих рук, но знала, кому они принадлежат. Мускулы, твердые, как сталь, казалось, судорожно дернулись, заключая ее в объятия, и с легким вздохом Кэтрин снова отключилась.

Она проснулась от звука тихих голосов и в этот раз смогла открыть глаза, поняв, к своему удивлению, что они находятся в машине. Она удивилась, почему машина не двигается, но в этот момент дверца открылась и чьи-то руки взяли ее из объятий Мэта. Кэтрин хотела протестовать, но смогла только что-то пролепетать слабым голосом.

Ее куда-то понесли, потом подняли и поместили в какое-то кресло с откинутой спинкой. Турбины заработали, приводя ее в чувство, и Кэтрин поняла, что сидит в самолете рядом с Мэтом. Она беспокойно заворочалась, и Мэт тихо сказал:

— Можешь еще поспать, мы скоро будем дома.

— Твоя нога... — прошептала она.

— С ней все в порядке. Ты не замерзла?

— Нет... — Она опять отключилась.

Ее разбудил резкий толчок, когда самолет приземлился. Когда отстегнули ремни и подняли ее на руки, Кэтрин уже вполне пришла в себя и поняла, что сиденье Мэта пусто. В следующую минуту она очутилась в руках Джона.

— Добрый вечер, миссис Мартин. Как вы, получше?

— Да, спасибо, Джон. А сколько сейчас времени?

— Только что было пять, — ответил он, приближаясь к «Кадиллаку», который Мэт предоставил в ее распоряжение.

Мэт уже сидел внутри.

Ее посадили рядом с Мэтом, и они отъехали от аэропорта.

— Мы едем в кабинет Марка, он нас ждет, — твердо сказал Мэт, и Кэтрин поняла по его тону, что всякие споры бесполезны.

После тщательного осмотра Марк повторил мнение своего коллеги:

— Не думаю, чтобы были какие-то повреждения, но Кэтрин должна на всякий случай оставаться в постели недельку-другую.

На следующее же утро Мэт перевез жену в свой загородный дом и велел ей лежать. Переезд стал окончательным. Если раньше они изредка приезжали сюда на выходные, то теперь они так же редко ездили в город.

Первая неделя в доме прошла прекрасно. Бет вела себя если не дружелюбно, то хотя бы сдержанно, а поскольку Кэтрин не вставала с постели, то видела она сестру Мэта очень нечасто. Для нее это время еще и потому было спокойным, что именно в тот период она с удовольствием подчинялась Мэту. А он спал пока в маленькой спальне, прилегающей к ванной, чтобы не беспокоить Кэтрин. Да и рана беспокоила его. Он согласился оставаться

эту неделю дома, чтобы дать ране зажить, но количество работы, которую успевал переделать Мэт, поражало ее.

Проснувшись в первое утро, Кэтрин обнаружила Мэта рядом с собой в их большой кровати. Он сидел, удобно вытянув ноги, со своим кейсом под рукой. Когда она пошевелилась, Мэт оторвался от бумаг, которые читал.

— С добрым утром! Надеюсь, я не разбудил тебя? — Она покачала головой, а он пояснил: — Я собираюсь провести здесь почти все время. Ты не возражаешь? — Он задорно улыбнулся, и Кэтрин опять покачала головой, хотя, она это знала, ее несогласие вряд ли что-нибудь изменило бы.

— Ну и прекрасно! Спать я буду в другой комнате, но работать хотелось бы здесь, поближе к телефону. Кроме того, здесь я смогу получше за тобой присматривать.

На этот раз брови Кэтрин удивленно поднялись. Он тихо рассмеялся, сказал, что на него это не подействует, и повернулся к звонившему телефону.

Так же проходили и следующие дни. Мэт был здесь, когда она просыпалась, и оставался тогда, когда она засыпала, как бы поздно это ни было.

Они очень мало разговаривали, потому что он работал без передышки, и все равно Кэтрин была довольна. Иногда она читала, иногда делала вид, что читает, и тайком изучала его, размышляя о своей недавно обнаруженной любви к нему. Она спала, ела и чувствовала, что начинает набирать вес.

Наблюдая за мужем сквозь смеженные ресницы, Кэтрин спрашивала себя, когда же это все с ней случилось. Почему это случилось? Кроме беглого поцелуя в день свадьбы, он ни разу больше не поцеловал ее. По существу, он вообще не проявлял к ней интереса, если не считать тех немногих ночей, когда она была нужна ему. А это Кэтрин не могла брать в расчет. Итак, как же это началось, когда она успела полюбить его?

Кэтрин даже себе самой не могла ответить на эти вопросы. Единственное, что она точно знала, это то, что в ней росло огромное уважение к нему. Казалось, что, с какой бы проблемой ни сталкивался этот человек, все решалось с обманчивой легкостью.

Перед тем как Кэтрин уже собиралась наконец появиться на работе, Мэт отдал приказ: — Ты больше не будешь ходить в офис. Ездить туда-обратно будет слишком утомительно. Если ты хочешь еще поработать, то будешь делать это дома.

Кэтрин не спорила по той простой причине, что и сама пришла к такому же решению. Ей не слишком понравилось, что Мэт высказал свое пожелание в такой категоричной форме, но она не стала заострять на этом внимания.

Она целиком ушла в домашнюю жизнь. Бет не оставила ей никаких иллюзий насчет того, кто является и собирается остаться хозяйкой дома. Кэтрин целый день ждала вечера, когда с ворохом срочных бумаг приезжал Мэт. У него хватало дел и на вечер, и он как-то предложил Кэтрин присоединиться к нему, если у нее найдется дело. Кэтрин позаботилась о том, чтобы работа нашлась, сгребла свои рисунки и эскизы и отправилась в кабинет к Мэту.

Эти совместные вечера прекратились за неделю до Рождества, потому что Кэтрин опять упала. В понедельник она поехала с Мэтом в город, чтобы провести неделю в их квартире, сделать покупки к празднику и вернуться домой в пятницу вместе с ним. Ей повезло, она сделала удачные покупки — как раз то, что хотела, и к четвергу в ее списке осталось только два пункта.

Джек утром повез ее по магазинам в последний раз перед возвращением в загородный дом. Погода испортилась, пошел холодный нудный дождь. Кэтрин задержалась в одном

небольшом магазинчике, где ей понравились многие забавные мелочи к празднику. Заплатив за покупки и подхватив пакеты, Кэтрин поспешила к машине. Вот тут она и поскользнулась на мокром и скользком асфальте и тяжело упала, выпустив из рук пакеты. Испуганный Джек бросился ей на помощь и помог сесть в машину.

В машине она откинула голову на спинку сиденья, поглощенная одной мыслью: Мэт будет взбешен.

Он и был взбешен, когда она сказала ему о своем падении. Он сжал губы и был весь день замкнутый и молчаливый.

На следующее утро Мэт повез ее к Хантеру. Марк внимательно осмотрел ее и повторил то же, что и в первый раз. Когда они вернулись домой и она была уже в кровати, Мэт тоном, не терпящим возражений, заявил:

— Я хочу, чтобы ты сидела дома, пока ребенок не родится. И я не желаю никаких споров по этому поводу.

Кэтрин вся сжалась от его жестких слов, но голос его содержал в себе явную угрозу. Никогда прежде он не говорил с ней так рассерженно и отчужденно, и она сочла за благо не возражать ему.

Рождество было для нее безрадостным. Том приехал на каникулы, но, хотя он и заходил к ней по многу раз в день, это было уже не то, что раньше. Впервые за многие годы она не поехала навестить родителей, а они тоже не могли приехать, потому что у них гостили ее братья — Дэйв и Дэн со своими семьями. Кэтрин очень не хватало веселья и смеха, наполнявшего родительский дом, когда все они собирались вместе на Рождество. Она даже скучала без поддразниваний своих братьев.

Единственное, что она пропустила без малейшего сожаления, это новогоднее празднество, устроенное Бет. Она ждала его с ужасом, потому что не знала никого из приглашенных, предчувствовала любопытные взгляды, вызванные ее беременностью. Кэтрин не могла невольно не сравнивать этот прием с прошлогодним праздником у Ричарда и Энн. Праздник у Мэта был настоящим светским приемом высшего класса. Но прошлогодний праздник у Ричарда был таким чудесным и сердечным! Она и сейчас не чувствовала себя совсем одинокой, потому что Мэт и Джеймс заходили к ней и даже выпили вместе с ней шампанского за счастливый Новый год.

После праздника недели потянулись медленно, а Кэтрин, прикованная к дому, изводилась от безделья, не зная, чем бы себя занять. В январе Мэт уехал на четыре дня, был очень нежен, прощаясь с ней, и сказал, чтобы она была осторожной. Кэтрин подумала, что ей смертельно надоело быть осторожной, она ужасно скучала по Мэту, несмотря на то, что мало его видела даже тогда, когда он был дома. Он ни разу не притронулся к ней со времени ее падения, даже не спал с ней в одной комнате, а она так хотела, чтобы он был рядом с ней, но у нее не хватало духу признаться в этом мужу.

Февраль подходил к концу, Мэт снова отправлялся в деловую поездку. На следующее после его отъезда утро Кэтрин проснулась, почувствовав легкую судорогу, которая быстро прошла. Спустя тридцать пять минут все повторилось снова. К середине дня схватки стали уже сильнее и повторялись каждые двадцать минут. Все еще неуверенная, что начинаются роды, Кэтрин сочла за благо позвонить Марку. Марк согласился с Кэтрин, что возможны ложные схватки, потому что до предполагаемых родов оставалось еще пять-шесть недель. Но он настоял на том, чтобы Кэтрин легла в больницу, где он мог бы держать ее под наблюдением. Ее возражения ни к чему не привели, и она в конце концов согласилась.

Бет не было дома — она уехала в гости. Кэтрин, приняв решение, позвонила в гараж и попросила Джека через некоторое время подогнать машину.

— Захотели подышать свежим воздухом, миссис Мартин? — улыбаясь, спросил Джек спустя полчаса, помогая ей сесть в машину. Но его улыбка исчезла, когда она велела ему ехать в больницу.

— А кто же поедет в аэропорт встретить хозяина? Мой отец?

Кэтрин, не понимая, уставилась на него.

— Наверно, — неуверенно ответила она. — Это ведь входит в его обязанности?

— Да, в обычных случаях — конечно, — озабоченно отозвался Джек. — Но разве босс не распорядился определенно, когда вы ему звонили?

— Звонила ему? — повторила Кэтрин. Затем, поняв, она засмеялась. — Нет-нет, Джек, я не звонила Мэту. Зачем его дергать! Насколько я знаю, у него сейчас важное совещание, а у меня, я уверена, просто ложная тревога.

Джек глядел на нее, не веря собственным ушам. Прежде чем он успел что-либо сказать, Кэтрин успокоила его.

— Не волнуйся, Джек. Тебе не надо провожать меня, доктор Хантер меня ждет. Возвращайся домой, будь недалеко от телефона, и я скорее всего перезвоню тебе. Может быть, тебе даже придется забрать меня домой через несколько часов.

Она была права только в одном — Марк действительно ждал ее в больнице. Не успела она дойти до кровати, как схватки начались снова. Интервалы между ними все сокращались. К вечеру уже стало ясно, что начались роды, и Кэтрин очень испугалась. Несмотря на уверения Марка, что все будет нормально, в ее мозгу крутились две мысли: что это преждевременные роды и что она может потерять ребенка Мэта.

Сиделка вытирала ей пот со лба после очередных мучительных схваток, когда Кэтрин со страхом, но и с облегчением, услышала за дверью голос мужа. Он разговаривал с Марком, и через несколько минут оба вошли. Она успела заметить жесткие складки у губ Мэта, и тут же новый приступ боли заставил ее застонать. Она сжала зубы, но стон перешел в крик.

— Они очень участились, доктор, — сказала сиделка.

Марк уже стоял у кровати, одной рукой держа ее запястье, другую положив на ее вздыбившийся живот.

— А сейчас уходи, Мэт, — спокойно сказал Марк. — Походи взад-вперед или посиди. Ты станешь отцом уже очень скоро.

— Марк? — Неужели в голосе Мэта могла звучать такая неуверенность? Боль немного отступила, и Кэтрин посмотрела на него. Лицо Мэта было бледным, а когда он повернулся, чтобы выйти, она заметила, как подергивается мускул в углу судорожно сжатого рта.

Через полчаса Кэтрин родила сына, и вскоре ее перевезли в отделение для матерей. Тут же к ней вошел Мэт, сопровождаемый Марком.

Его слова, произнесенные так мягко, так нежно, поразили ее.

— Спасибо, Кэтрин! Он прекрасен.

Она смотрела на него, моргая сквозь слезы, пока не смогла наконец вымолвить:

— Да.

Его длинные сильные пальцы погладили ее по руке, но, быстро отняв руку, он сказал:

— Ты устала, так что я пойду. Отдохни, ты это заслужила.

Он ушел, и Кэтрин больше не старалась удержать слезы, льющиеся по щекам. А чего она ожидала? Что он обнимет ее и прижмет к себе, говоря «спасибо»? Нет, она не ждала этого.

Но, как ни глупо, именно этого она хотела больше всего.

Как часто Кэтрин благодарила судьбу, пославшую ей Мэри! Без Мэри она много раз готова была взять Джонни на руки и бежать из дома куда глаза глядят. Это лето Том провел с ними, но и это не принесло облегчения Кэтрин, потому что именно тогда они с Мэтом были не в самых лучших отношениях — ожесточенные, уставшие от противостояния, они снова и снова словно мерились силами, не желая уступать друг другу ни в чем. И даже полное взаимопонимание, к которому Том и Мэт пришли к концу лета, не улучшило ее настроения.

Живя с постоянно натянутыми нервами, Кэтрин стала заметно худеть. Мэт проявлял по отношению к ней вежливую заботу. «Как к матери его ребенка», — думала она с раздражением. Джонни исполнилось двенадцать недель, когда Мэт заявил свои супружеские права. Он не прикасался к ней с ноября, с ее первого падения, и если это было унижительно для нее и раньше, то теперь все стало намного хуже.

Она не могла сдержать дрожь неприязни, и Мэт с раздражением отодвинулся от нее. Всю ночь она лежала без сна, беззвучно плача. Раньше она могла терпеть его бесстрастное обладание, но теперь, когда она знала, что любит его, это было невыносимо.

Лето проходило, и Кэтрин оградилась от окружающего стеной внешней сдержанности. Только с Томом и Мэри она могла расслабиться. Бет, хотя и казалась искренне расположенной к Джонни, дала ясно понять, что на Кэтрин ее симпатия не распространяется. Изменившееся отношение Джеймса тоже начинало тревожить Кэтрин. И еще ее пугали мысли о Мэте. Она никак не могла понять, почему ее любовь к нему начинает поглощать ее все сильнее.

Кэтрин рассматривала так похожего на Мэта сына со слезами счастья на глазах. Она была вдвойне благодарна за него судьбе, потому что не могла открыто проявлять любовь к его отцу. Мэт с самого начала предупредил ее, что ему не до подобных чувств, и она знала, что не выдержит его насмешливых взглядов, если он вдруг узнает о ее любви.

Она даже радовалась очевидному нежеланию Мэта оставаться с ней наедине. Она чувствовала, что, если он еще раз попытается предъявить свои претензии, она оттолкнет его, его, которого так жаждет любить!

К тому времени, когда лето кончилось, Кэтрин пыталась справиться с единственным желанием — бежать отсюда. Она чувствовала, что больше не может оставаться с Мэтом, хотя в то же время знала, что жизнь без него теперь и до конца ее дней будет для нее пыткой. С измотанными нервами, с разбродом в чувствах она колебалась, не зная, на что решиться. В середине сентября она приняла решение. Она должна уйти.

Что-то щекотало щеку Кэтрин. Она попыталась смахнуть это, сонно что-то бормоча. Но ощущение опять повторилось, и, окончательно проснувшись, она услышала над ухом легкий смех. Мэт! Даже произнося про себя его имя, Кэтрин таяла.

Она открыла глаза и посмотрела в серо-голубые глаза мужа. Полностью одетый, он сидел на краю кровати, склонившись к ее лицу. Его дыхание опять коснулось ее щеки, и он сказал с легкой насмешкой в голосе:

— Неужели твое превращение в бабушку отняло у тебя столько сил, что нужно спать до обеда?

Ее путешествие в прошлое этой ночью было ментально забыто, и она отозвалась без своей обычной сдержанности.

— О, Мэт, ты бы видел ее! Она само совершенство!

Он опять рассмеялся и снисходительно заметил:

— Вот она, гордая бабушка! Но ты права, я видел ее, и она замечательна.

— Ты ее видел? — недоверчиво воскликнула она. — Но когда?

— Сразу же, как прилетел сюда утром. Собственно, я поехал в больницу прямо из аэропорта.

— Но посещения разрешены только с часу! Как...

Она умолкла, видя, как его улыбка делается все шире. Она должна бы знать, упрекнула Кэтрин себя. Неужели она никогда не научится? Этот человек шел туда, куда захочет и когда захочет, и всегда брал все, что захочет.

— А ты видел Дженис? — спросила она, пытаясь не обращать внимания на насмешливый блеск его глаз.

— Ну разумеется, видел! — ответил он. — Неужели бы я побывал там и не зашел к ней? У нее все прекрасно, и она просто светится от счастья. Честно говоря, Карлос тоже сияет — он горд и счастлив не менее Дженис.

— Так ты видел и Карлоса? — спросила Кэтрин, но, поняв, что говорит глупости, рассмеялась. Что ни говори, а в данную минуту они находились именно в доме Карлоса.

— Ну да, и Карлоса. И представь себе, я видел и Джонни, и Мэри. Ты, должно быть, еще не проснулась, когда я сказал тебе, что уже время обеда. Карлос сказал, что они решили дать тебе выспаться, потому что ты вчера допоздна пробыла в больнице вместе с ним.

Кэтрин прикусила губу, чувствуя, что он раздражен. Видя, что она не отвечает, Мэт вздохнул и стал подниматься. Порывистым движением она положила руку ему на плечо, удерживая, и умоляюще сказала:

— Не сердись на меня, Мэт, пожалуйста!

— Я не сержусь, Кэтрин. — Его глаза странно блеснули, когда она взяла его за плечо, и, пристально глядя ей в глаза, он сухо добавил: — Мне не за что на тебя сердиться.

Он прижал к себе ее руку и, склонившись над ее лицом, шептал ее имя и, припав к губам, заставил забыть обо всем.

Она оставалась у Дженис и Карлоса еще две недели, в полной мере наслаждаясь своей новой ролью бабушки. К ее удивлению, Мэт тоже задержался, объяснив, что у него есть дела в Вашингтоне. Две недели пролетели слишком быстро, озаренные любовью, которая словно

бы окутывала всех в этом доме. Кэтрин с радостью замечала, как повзрослела Дженис, превратившись в очаровательную молодую женщину, и не сомневалась, что именно мягкое, но настойчивое руководство Карлоса помогло ей расцвести так зрело.

Мэт прекрасно справлялся с ролью отца и деда. Многие друзья и знакомые заходили поздравить Дженис и Карлоса. Все восхищались атмосферой любви и тепла, царившей в доме. Вряд ли кто-нибудь мог бы догадаться о той напряженности, которая так изнуряла Кэтрин в отношениях с Мэтом.

Она возвращалась в загородный дом неохотно, но дала Мэту понять, что ей просто не хочется расставаться с дочерью и внучкой. На самом же деле ей была ненавистна даже мысль об их доме. Как по команде Мэт сменил роль счастливого мужа на роль вечно занятого бизнесмена.

Если не считать их ссоры из-за покупки машины для Тома, шесть недель, которые Кэтрин провела вдали от дома, сотворили с ней чудо. Она хорошо себя чувствовала и прекрасно выглядела. Но, как всегда, все тепло и нежность их отношений последних недель словно выветрились за время дороги к дому. Напряжение опять овладевало ею, и она поспешила возвести защитную стену невозмутимости вокруг себя.

Бет с самого начала относилась к Кэтрин с холодной вежливостью, и ее подруга Диди тоже усвоила эту манеру. Мэт, казалось бы, не замечал этого. На самом деле он ничего не замечал, кроме Диди.

Скрыв свои чувства за маской бесстрастности, Кэтрин наблюдала, как Мэт осыпал гостью знаками внимания. Он был то очаровательным и остроумным, то жестоко поддразнивал ее по поводу бывших ее любовников, то бросался удовлетворять любые ее капризы. Диди поглощала его внимание как голодная кошка, урча от удовольствия.

Ослепленная ревностью, ненавидя себя за это, Кэтрин не знала, что ей делать. Она была не в состоянии судить здраво: она видела перед собой очень красивую женщину, флиртующую с очень привлекательным мужчиной. Кэтрин была уверена, что эти заигрывания находят отклик в мужчине. Тот факт, что этим мужчиной был ее муж, делал ее глухой к доводам разума.

К ее огромному облегчению, в середине ноября Мэт уехал на какую-то конференцию, и Кэтрин старалась как можно меньше видеть Бет и Диди.

Как будто не было этих чудесных шести недель, Кэтрин опять не спала ночами, задаваясь все теми же вопросами, страдая от ощущения своего двусмысленного положения в доме.

Измученная собственными мыслями, бесконечно крутившимися в ее мозгу, она старалась побольше времени проводить с Мэри. Через несколько дней после отъезда Мэта Мэри вошла в комнату и увидела Кэтрин, стоящую у окна и дрожащую от бешенства.

— Понятно, ты только что обедала с подружками, — сухо заметила Мэри.

Бледная от гнева, Кэтрин повернулась к ней и кивнула, не в силах говорить. Последний час она провела в столовой, служа мишенью для отравленных стрел, направленных в нее Бет и Диди. В перерывах между этими уколами две женщины весело строили планы на то время, когда вернется Мэт, полностью исключая из них Кэтрин, как будто ее тут не было. «Я, должно быть, сошла с ума, — думала она яростно. — Как долго еще я буду это терпеть? Любовь, видно, повредила мой ум, сделала меня тряпкой».

— Ты не очень хорошо выглядишь, Кэйт, ты это знаешь? — тихо спросила ее Мэри.

— Как я могу не знать? Даже я иногда подхожу к зеркалу! Хотя и сама не знаю зачем. На меня же, кроме тебя, никто не смотрит.

Взгляд Мэри стал еще более тревожным. Такой обреченный тон был совсем не в характере Кэтрин.

— Кэтрин, скажи мне, тебя ничто не беспокоит? Ты здорова? — Мэри не сомневалась в ответе, но в ней сейчас заговорила опытная медсестра.

— Нет. Нет, Мэри. Я не больна. Хотя бывают моменты, когда я могу вот-вот вылететь с трассы, как говорит Том.

Она выдавила из себя смешок, и Мэри не выдержала.

— Кэйт! Что, черт возьми, эти две драконши с тобой делают? И почему ты им это позволяешь? — Не давая Кэтрин ответить, она продолжала: — Да никакой мужчина, даже твой несравненный Мэт, не стоит тех душевных терзаний, которые ты испытываешь! Ты сама хоть видишь, какой у тебя измученный вид? До чего ты себя довела?! В конце концов, подумай о ребенке. Ты еще нужна и Джонни, и Тому, и Дженне. Ты выглядишь неважно, вот что я тебе скажу!

Кэтрин резко отвернулась к окну, не в силах сдержать слезы.

— Я знаю, знаю, — шептала она прерывающимся голосом.

Мэри обняла Кэтрин и успокаивающе похлопала ее по плечу.

— Ничего, родная, не плачь, мы справимся, все будет хорошо.

А Кэтрин, согласно кивая головой, уже думала о своем.

Сентябрь. Одно это слово будто перенесло Кэтрин в недавнее прошлое.

К концу лета нервы Кэтрин натянулись до предела, и уж в чем она совершенно не нуждалась, так это в приезде одной из бывших подружек Мэта. Но, так или иначе, именно это и произошло — у них в доме появилась тридцатипятилетняя черноволосая красавица, которую Бет в числе других своих приятельниц пригласила на бридж.

Кэтрин собиралась пообедать с ними, но, когда все перешли в комнату с карточными столами, она извинилась и направилась в сад.

Сад украшали все цветы позднего лета, и Кэтрин с удовольствием вдыхала густой запах роз. Она не слышала, как черноволосая женщина, представленная ей как Розали Марелла, подошла к ней, и заметила ее только тогда, когда та заговорила.

— Сад так красив! Мэт должен быть доволен.

«Только Мэт?» — удивилась про себя Кэтрин, а потом скептически подумала, что вряд ли Мэт вообще замечает подобные вещи. Вслух она просто сказала «да» и повернулась к женщине. Розали была настоящей красавицей, с темными бровями, небольшим прямым носиком и прекрасной формы губами. Матовую бледность ее кожи оживлял румянец и большие черные глаза.

В те мгновения, когда Кэтрин изучала эту женщину, она ощутила смутное беспокойство, и следующие же слова Розали показали, что интуиция не подвела ее.

— Я хотела увидеть вас, как только узнала, что Мэт наконец женился. Любопытно посмотреть на женщину, которой удалось-таки заарканить его. — Голос Розали, ровный и вроде бы дружелюбный, заставил Кэтрин напрячься.

Они шли по дорожке меж розовых кустов, и на лице у Кэтрин была привычная маска вежливой сдержанности. Повернувшись к Розали, она спросила:

— И что же во мне такого любопытного?

Розали, выдержав ее взгляд, ответила неожиданно:

— Вы не знаете, кто я?

— А что, я должна знать? — отозвалась Кэтрин.

— Ну, вы могли бы. Сами знаете, Бет есть Бет. — Слегка пожав плечами, она грустно добавила: — Очень похоже на Бет — пригласить меня тогда, когда Мэта нет дома! — Сверкнув глазами на Кэтрин, она пошла напролом. — Я — одна из бывших любовниц Мэта. Единственная, думаю, на ком он мог бы жениться. Но я не пошла на то, чтобы забеременеть. Считала, что это слишком старый трюк, чтобы сработало. И, кажется, перехитрила сама себя.

Слова Розали потрясли Кэтрин. До нее доходили слухи на этот счет, когда она родила Джонни через неполных восемь месяцев после свадьбы, но она не обращала внимания на эти сплетни. Значит, есть и такое объяснение их браку с Мэтом. Кэтрин до боли закусил губу.

— Мы были вместе два с половиной года, — продолжала Розали, — и я думаю, что знаю его лучше всех, включая и его бывшую жену. Мэт не способен испытывать любовь. Я имею в виду глубокую, романтическую любовь. Нет, я не сомневаюсь, что он любит своего сына — это же продолжение его самого. И женщин он любит. Боже мой, как же он их любит! Но только в физическом, животном смысле, не допуская, чтобы его что-то привязывало к ним всерьез и глубоко.

Кэтрин стояла, молча глядя на нее, не зная, что хуже — сами слова или спокойный убежденный тон, которыми они были сказаны. Потому что Розали, это было очевидно, любила Мэта.

И как ей относиться к подобным заявлениям, думала пораженная Кэтрин. Эта женщина говорила о Мэте так, как будто он был их общий хороший знакомый, впрочем, обе они делили его постель. «Пусть и так, но я не позволю ей вываливать все это передо мной».

Она с каменным лицом кивнула Розали и ледяным тоном произнесла:

— Я должна вас покинуть! — И направилась к дому, заставляя себя идти медленно. В голове ее билась одна мысль: «Я должна бежать отсюда!»

Она остановилась на секунду, чтобы бросить Мэри:

— Не задавай вопросов, просто собери все необходимое для Джонни и свои вещи как можно быстрее. Я хочу, чтобы через десять минут нас здесь не было.

Сборы заняли пятнадцать минут, после чего они тихо вышли из дома и направились к гаражу. Кэтрин думала, что, если Джек попробует ее остановить, она просто оттолкнет его в сторону. Ее никто не остановит. Вместо черного «Кадиллака», который был в ее распоряжении после свадьбы, Мэт в честь рождения Джонни подарил ей серебристо-серый. Она знала, что машина оформлена на ее имя, и уверенно потребовала ключи у Джека.

— Но, миссис Мартин, мне даны вполне определенные указания! — смущенно, но твердо возражал Джек. — Я готов сам отвезти вас туда, куда вы скажете.

— Но ведь это моя машина, так? — резко спросила она.

— Да, мэм, но... — начал Джек, растерянный необычно резким тоном своей хозяйки.

— Тогда давай сейчас же ключи, или я заявлю в полицию, что мою машину украли.

Он посмотрел на нее с упреком, но все же полез в карман за ключами. Положив их в ее протянутую руку, он сделал еще одну попытку:

— Босс ужасно рассердится, когда узнает, миссис Мартин.

С приторно-сладкой улыбкой и самым едким тоном Кэтрин ответила:

— А мне наплевать на твоего босса!

Выезжая из гаража, Кэтрин чувствовала угрызения совести из-за того положения, в

какое поставила Джека, но постаралась отогнать эти мысли. У нее достаточно и своих проблем! Она уверенно вела машину по проселочной дороге, затем свернула на шоссе.

— Ты имеешь хоть какое-нибудь представление, куда мы едем? — негромко спросила Мэри, держащая на руках задремавшего Джонни.

— Ну разумеется, — рассмеялась Кэтрин. Затем, уже серьезно, добавила: — Мы едем в домик в Поконосе. Мне нужно несколько дней, чтобы придумать, как быть дальше, а я просто не знаю другого места, где бы отсидеться.

— А как насчет Мэта? — спросила Мэри.

— А что насчет Мэта? — Голос Кэтрин зазвенел. Горестно покачав головой, она сказала уже спокойнее: — Мэри, я знаю, что должна сказать ему, где нахожусь. Но сначала мне нужно несколько дней побыть одной. Действительно нужно, Мэри!

Но ей не дали этих нескольких дней. Они пообедали в пути и приехали в домик в начале шестого. Через несколько минут в комнату влетели миссис и мистер Дарси в страшном смятении из-за того, что их не предупредили о приезде Кэтрин. Кэтрин постаралась успокоить их, уверяя, что дом в безукоризненном состоянии, а это действительно было так. Она не без труда убедила их, что их услуги не понадобятся до утра.

Два часа спустя, когда Кэтрин и Мэри, устав от разговоров, сидели, глядя на огонь в камине и потягивая кофе, в комнату стремительным шагом вошел Мэт, а за ним — взволнованный Джон.

Кэтрин изумленно смотрела на них, чувствуя, как страх поднимается в ней холодной волной. Лицо Мэта, суровое и жесткое, дышало гневом, а взгляд поверг Кэтрин в дрожь. Ей хотелось вскочить и бежать, но эти горящие яростью глаза словно пригвоздили ее к месту. Она считала его глаза неотразимыми, теперь же поняла, что они могут быть ужасающими.

Она облизала губы, но, прежде чем она успела открыть рот, он резко спросил:

— Где Джонатан?

— В своей кровати, он спит. — Кэтрин ненавидела себя за дрожь в голосе, но не могла ничего сделать.

Не отводя от жены взгляда, он рявкнул:

— Мэри, соберите вещи свои и Джонни. Джон отвезет вас домой.

— Как? Прямо сейчас, ночью? — воскликнула Кэтрин.

— Сейчас. Ночью. Сию минуту, Мэри. — Его слова были адресованы Мэри, хотя глаза не отрывались от Кэтрин.

Мэри вскочила с кресла и стремительно выбежала из комнаты. Никому бы не пришло в голову спорить с Мэтом, когда он отдавал приказания таким тоном.

Его глаза наконец оторвались от Кэтрин, он повернулся и пошел в кухню. Она слышала, как он наливает кофе для себя и Джона.

Даже позже, размышляя о происшедшем, Кэтрин не могла сказать, сколько просидела вот так, застыв, в своем кресле. Потому что, когда она поднялась с кресла, было уже поздно. Она ринулась вверх по ступенькам, злясь на себя за то, что после душа надела ночную рубашку и халат. Рванув дверь в спальню, она промчалась к шкафу с одной мыслью в голове: успеть одеться и уехать с Джонни и Мэри.

Она рылась в шкафу, когда услышала негромкий щелчок закрывающейся двери. Выронив платье из непослушных пальцев, Кэтрин обернулась к вошедшему мужу, тихо спрашивая:

— А Мэри и Джонни?

Мэт прислонился спиной к двери, загоразивая ей путь. Он снял куртку и пиджак, и белая рубашка, красиво облегавшая его плечи, ярко выделялась на темном фоне. Прищурившись, он ответил:

— Уезжают. — Чуть-чуть склонив голову набок, словно прислушиваясь, он продолжал: — Вот как раз машина отъехала. Кстати, я велел Джону взять «Кадиллак». Я очень надеюсь, что ты не позвонишь в полицию и не заявишь, что его угнали.

Лицо Кэтрин вспыхнуло от его ядовитых слов. С возмущением она воскликнула:

— Это был единственный способ заставить Джека отдать ключи!

Мэт покачал головой, медленно развязывая галстук. Расстегнув две верхние пуговицы рубашки, он шагнул в комнату, стянув по дороге галстук и швырнув его на туалетный столик. Остановившись в середине комнаты, он тихо спросил:

— Что все это значит, Кэтрин?

Кэтрин вздрогнула, этот тихий голос почему-то показался ей еще более угрожающим. Прилагая все усилия, чтобы казаться спокойной, она произнесла:

— Я ухожу от тебя, Мэт. — И добавила, пожав плечами: — Я думала, что уже ушла.

— Почему? — Его голос стал громче. — Чего ты добиваешься, Кэтрин? Уж конечно, не денег — совершенно очевидно, что тебя они не волнуют. Так чего же тогда?

— Я хочу развода, Мэт.

— Нет. — Его резкий, окончательный ответ должен был стать для нее предупреждением, но она, охваченная волнением, не услышала его.

— Почему нет? — Не в состоянии больше стоять спокойно, она быстро заходила по комнате, нервно теребя пояс халата.

— Развода не будет, Кэтрин.

На этот раз предостерегающая нота достигла ее сознания, и, резко повернувшись к нему, она, овладев собой, сказала как можно спокойнее:

— Хорошо, пусть не будет. Но ты спрашивал, чего я хочу. Я хочу взять сына и уйти. Жить в моей собственной квартире, приходить и уходить когда захочу. Я не жду, чтобы ты меня содержал, собственно, я и не хотела бы этого. Я ничего от тебя не хочу.

— Кроме моего сына. — Эти три слова были произнесены четко и медленно.

— Да, твоего сына! — взорвалась Кэтрин. — Которому уже почти семь месяцев, а ты едва вообще посмотрел на него!

— Посмотрел, не волнуйся, — протянул он.

Приходя в отчаяние, Кэтрин попыталась обратиться к доводам разума.

— Мэт, у меня нет желания отнять у тебя сына! Я знаю, что не могла бы, даже если б хотела. Но я и не хочу. Ты можешь видеться с Джонни столько, сколько хочешь. Все, чего я прошу, — позволь нам уехать!

Меньше двух футов разделяло их, и глаза Кэтрин впились в него, стараясь прочесть его мысли. Невозможно — его лицо скрывало то, что происходило внутри.

Секунды тянулись медленно, пока наконец он не произнес:

— Ну что ж, Кэтрин, раз ты так хочешь — ладно.

Она выдохнула, только сейчас обнаружив, что все это время задерживала дыхание, и пробормотала:

— Спасибо.

Она пошла к двери, но его вопрос остановил ее.

— Ты не возражаешь, если я уеду отсюда завтра?

Его голос опять изменил свой обычный тембр. И опять, уже во второй раз за вечер, она пропустила сигнал опасности.

— Нет, ведь это же твой дом, Мэт! Я бы никогда не решилась запретить тебе оставаться здесь.

— Вот именно, это мой дом! — Его голос был подчеркнуто любезным, и Кэтрин ощутила первый укол тревоги. — И это моя постель. А ты — моя жена. И сегодня ты будешь спать в моем доме, в моей постели и со мной.

Расширившимися от страха глазами Кэтрин смотрела на него. Она должна была знать, что он не отпустит ее так просто. Решительно мотнув головой, она хрипло прошептала:

— Нет, Мэт! — Если бы она и попыталась, то не могла бы представить себе худшее наказание, чем быть опять подвергнутой этому унижению. Она открыла дверь, еще раз повторяя: — Нет, Мэт!

Его руки больно схватили ее за плечи, разворачивая лицом к нему. Крепко держа ее, он твердо сказал:

— Да, Кэтрин, и теперь это будет по-моему!

По-моему? Что он имеет в виду? Она застыла в его руках, парализованная страхом. Она читала и слышала о мужьях, которые жестоко обращались с женами, но никак не ожидала этого от Мэта. Ее страх рос, сдавливая горло, заставляя сердце биться в сумасшедшем ритме.

С потемневшими глазами он протянул руки к ее поясу и рывком развязал его.

— Молчи! — прорычал он, просовывая руки под полы ее халата. Он начал снимать с нее халат, рванул тоненькие бретельки ее ночной рубашки. Протянув руку, он щелкнул выключателем, и комната погрузилась во тьму. В следующее мгновение Мэт поднял Кэтрин на руки и швырнул на кровать. Вцепившись пальцами в одеяло, она сжалась, замерев от страха.

Серебряные полоски лунного света, пробивавшиеся через жалюзи, зыбким светом освещали комнату, и Кэтрин, когда ее глаза привыкли к темноте, могла видеть, как Мэт раздевается. Когда же он лег рядом с ней, она напряглась еще больше.

Ее тело ожило, когда он провел рукой по ее животу и бедру. В отчаянном порыве Кэтрин спустила ноги с кровати, но Мэт мгновенно протянул руку, обхватил ее за бедра и притянул к себе. Затем, медленно и нежно, его рука скользнула вниз по всей длине ее ноги, а затем обратно вверх до бедра, до талии и остановилась, накрыв ее грудь.

— У тебя красивые длинные ноги, ты ведь знаешь это, Кэтрин? Даже в детстве ты была длинноногой девочкой. — Его голос ласкающе звучал у ее уха, и дрожь, охватившая Кэтрин при его прикосновении, усилилась. Он приподнялся на локте, заглядывая в ее лицо, и, когда он склонил к ней голову, она поспешно отвернулась, как делала всегда. В ту же секунду он взял ее за подбородок и с силой повернул обратно. — Только не в этот раз, Кэтрин, — тихо проговорил он, впиваясь в ее губы страстным поцелуем. Мгновение спустя он оторвался от нее и сердито потребовал: — Черт возьми, да открой же рот! — Он сжал ее подбородок и дернул вниз.

— Мэт, — ее протест потонул в его поцелуе. Сначала он целовал ее грубо, причиняя боль, потом все более чувственно. Дрожь, сотрясавшая ее тело, сменилась легким возбуждением, судорожно сведенные пальцы разжались. Его руки, касаясь ее, словно бы вызвали жжение под кожей. Она почувствовала пустоту, когда он перестал целовать ее, но его губы тут же скользнули по ее щеке и шее, даря новые ощущения. Он слегка прикусил ей мочку уха, и она замерла от боли, смешанной с наслаждением.

— Ну давай, Кэйт! — прошептал он, и она ощутила на шее его теплое дыхание. — Прикоснись ко мне. Позволь мне любить тебя. И люби меня сама.

Его слова окончательно пробрили ее слабеющую защиту. Ее тело горело, и она хотела беспрерывно касаться его так сильно, как никогда ничего не хотела. Испустив слабый стон, она обняла его руками за талию и двинулась выше, по спине. Кэтрин почувствовала легкую дрожь, пробежавшую по его телу, затем его рот впился в ее губы поцелуем столь требовательным, столь властным, что она задохнулась. Его пальцы впились в ее плечи, царапая кожу, и она всем телом прижалась к нему, сдаваясь.

Когда чернота в их спальне стала рассеиваться и за окном забрезжил рассвет, он нежно накрыл ее одеялом. Крепко прижимая ее к себе, он сказал, щекоча своим дыханием ее ухо:

— Я не хочу ничего больше слышать о раздельном проживании. Ты едешь домой со мной. А теперь спи, спи, моя девочка, моя маленькая Кэтрин.

«Господи, неужели он сказал это?» — подумала Кэтрин и закрыла глаза.

— Кэйт, с тобой все в порядке?

Придя в себя, Кэтрин отвернулась от окна, почувствовав беспокойство в голосе Мэри. Слабо улыбнувшись, она ответила:

— Все нормально.

— Но ты такая бледная, и столько стоишь там, и так неподвижно. Дорогая, я и вправду начинаю волноваться за тебя.

— Ну не говори как медсестра, Мэри. Уверяю тебя, со мной все в порядке!

— Ты же умная женщина! — взволнованно заявила Мэри. — Честно говоря, ты одна из самых неглупых женщин, которых я встречала. А я много чего перевидала за свою жизнь. И ты, Кэйт, дошла до такого состояния из-за мужчины! Исключительного мужчины, я готова это признать, но какой мужчина стоит таких страданий?

Кэтрин с беспомощным видом пожала плечами.

— Что я могу сделать? Он не позволит мне уйти, ты же знаешь. Я прокручиваю все это в голове по многу раз, пытаюсь найти выход, принять какое-то решение. — Чуть поколебавшись, она тихо добавила: — Ты знаешь, Мэри, я последнее время часто обращаюсь к прошлому. Все время вспоминаю день за днем нашу жизнь. Моя реальная жизнь отходит на второй план. В последнее время это случается все чаще и чаще.

Она остановилась, облизывая вдруг пересохшие губы, а Мэри медленно покачала головой и твердо сказала:

— Ты искала ответ? Почему тебе нужно все время ворошить прошлое?

— Искала, — вздохнула Кэтрин. — Но пока не нашла и не знаю, что дальше делать.

— Кое-что ты можешь сделать.

— Что?

— Сдаться, — решительно произнесла Мэри. — Перестань с ним бороться, Кэйт. Ты его жена, мать его сына. До сих пор ты отказывалась пользоваться преимуществами своего положения. А ты прими эту роль. Хотя ты и не говоришь ничего об этом, но у меня сложилось впечатление, что он тоже этого хочет. Я права?

Кэтрин едва кивнула.

— Ну и хорошо, тогда начни играть эту роль, и пусть всем будет ясно, что ты это делаешь. А начать нужно с этого дома. Ради себя самой, Кэйт, подчинись, пока ты не довела себя до полного изнеможения.

— Не могу, — прошептала Кэтрин.

— Но почему?

— Он не любит меня! — Кэтрин никогда раньше не говорила этих слов, и, произнесенные вслух, они потрясли ее. Это был крик настоящей боли. Она повторила: — Мэри, он меня не любит.

— И все дело в этом! — заключила Мэри. — Я даже не знаю, Кэйт, что тебе посоветовать. Я очень любила своего мужа, но никогда, даже когда он умер, не испытывала таких адских мук, какие написаны были сейчас на твоём лице. И вряд ли я пожалею, что не испытала такой безумной, мучительной любви.

— Ох, Мэри, временами я кажусь себе такой глупой! То, что я чувствую к Мэту, сила этого чувства меня пугает! Я всегда думала, что такая всепоглощающая любовь бывает

только в книгах и в кино. А теперь я, в моем-то возрасте, сама влюбилась по уши!

— Неудивительно, это может пугать, — понимающе улыбнулась Мэри. — Но при чем здесь возраст? Ах, знаю, знаю! — быстро сказала она, видя, что Кэтрин собирается возразить. — Мы выросли с сознанием того, что страстная, романтическая любовь — удел молодых. А потом якобы достигаем возраста, когда возможны лишь теплые, ровные дружеские отношения. Это такая ерунда, просто слушать тошно! Я и не верила никогда. Представь, как будто у нас в мозгу находится выключатель, который автоматически отключает наши чувства после определенного возраста. Я считаю, что мы влюбляемся сначала умом, а за этим следуют все остальные чудесные ощущения. Так что, по моему мнению, если человек продолжает развиваться интеллектуально, возможность страстной любви с возрастом становится только больше. — Она посмеялась, добавив: — На сегодня урок закончен. К сожалению, он не поможет тебе решить твои проблемы. Мне очень жаль, дорогая, но я не могу помочь тебе. И никто не может. Только ты сама.

Кэтрин смотрела на нее, не сознавая, что в ее глазах отражается охватившее ее смятение.

— Да, я знаю.

Пришел День Благодарения, и Мэт опять поразил Кэтрин своим умением мгновенно брать на себя роль мужа и отца. Когда мать позвонила ей, чтобы пригласить в гости, Кэтрин сомневалась, говорить ли о приглашении Мэту. Она не знала, какие планы на этот день у Бет, но чувствовала, что, если придется выбирать, Мэт выберет общество сестры. Когда он был дома, любой знак внимания, любое слово, даже самое незначительное, с которым он обращался к Диди, вонзались в сердце Кэтрин как острый нож. Если бы не присутствие Джеймса, она бы, наверно, не выдержала.

Ее решение созрело — она не проведет праздник в обществе этой женщины. Она поедет к родителям, с Мэтом или без него. Она приняла приглашение матери и ждала момента, чтобы сказать об этом Мэту наедине. Такой случай представился за четыре дня до праздника. Мэт, как всегда, уехал по делам, но должен был вернуться в тот день. Кэтрин переделалась к обеду и пыталась привести в какой-то порядок волосы, доходившие уже до плеч, избегая при этом смотреть на себя в зеркало. Ей не нравилось то, что она могла там увидеть. Бледное лицо с почти прозрачной кожей, морщинки в углах глаз. Она надела закрытое платье с высоким воротником, чтобы скрыть выступающие ключицы, но это не помогло. Мягкая шерстяная ткань облегла худенькую фигурку, подчеркивая ее хрупкость.

Кэтрин со вздохом провела щеткой по волосам и увидела в зеркале Мэта. Ее рука замерла в воздухе. Встретив в зеркале ее взгляд, он остановился у самой двери и стоял так, ничего не говоря.

Кэтрин опустила щетку на столик. Это ее движение нарушило затянувшуюся тишину. Мэт, сняв на ходу пиджак, прошел в комнату, говоря:

— Здравствуй, Кэтрин. У тебя усталый вид. Что ты делала, пока меня не было?

Опуская глаза под его внимательным взглядом, она тихо сказала:

— Ничего я не делала. Дома все в порядке.

Почему он всегда вызывает в ней это желание — защищаться?

Насмешливо подняв бровь, Мэт спросил:

— Что, скучно тебе?

Скучно? Он что, смеется? Она медленно сходит с ума от невозможности хоть чем-то

себя занять, а он спрашивает, скучно ли ей! Раздраженная, она отбросила все сомнения насчет праздника.

— Моя мать звонила, чтобы пригласить нас на обед в День Благодарения. Если у тебя нет других планов, я хотела бы поехать. Она уже давно не видела Джонни.

— Как и мои родители, — сухо ответил он.

Сжав руки, Кэтрин посмотрела ему в глаза.

— Это не моя вина!

Прищурившись, он сказал еще суше:

— Кажется, я и не говорил, что твоя. — Он помолчал минуту и добавил: — Я ни в чем тебя не обвиняю, Кэтрин. Почему же ты все время так странно реагируешь на мои слова?

Кэтрин лишь пожалала плечами. О чем это он? Они говорили о совершенно разных вещах. Смущенная, настороженная этим его неожиданным вниманием, она резко сказала:

— Так как, принимать мне приглашение матери или нет? — Она не стала говорить, что для себя она уже все решила.

Мэт отвернулся и стал развязывать галстук, словно внезапно потерял всякий интерес к разговору.

— Ну конечно, прими. И, если не трудно, позвони моим родителям и скажи, что мы заедем и к ним.

Визит состоялся, и обе пары были очарованы внуком. Кэтрин очень не хотелось уезжать из теплого и уютного родительского дома. Мэт играл свою роль великолепно, был естественным и непринужденным с ее родителями, заинтересованным и внимательным с Томом. Они обсуждали приближающееся Рождество, строя различные планы, и Мэт очень удивил Кэтрин, предложив всем приехать в Ланкастер на Рождество, чтобы родители Кэтрин и его могли от души побаловать внука.

Это тепло, которое согревало Кэтрин в родном доме, быстро испарилось в скрыто недоброжелательной атмосфере дома Мэта. Кэтрин еще глубже ушла в себя и была молчалива и грустна. Мэт, хотя и оставался несколько недель дома, даже не делал попытки до нее дотронуться. Кэтрин не сомневалась, что у него есть любовница. Ее воображение рисовало соответствующие картины, и это причиняло ей постоянную боль.

Непроходящая боль рождала гнев и возмущение. Пусть она приговорена всю жизнь жить с Мэтом, но будь она проклята, если проведет все дни своей жизни в этом доме, где она чувствовала себя бесплотной тенью. В таком настроении она как-то направилась в кабинет Мэта. Это было через две недели после Дня Благодарения. Не став стучать, Кэтрин вошла в ту минуту, когда Мэт поднимал телефонную трубку. С удивлением посмотрев на нее, он неторопливо положил трубку на рычаг и спокойно спросил:

— Что-то не так, Кэтрин?

Что-то не так? Да, все было не так, и кому, черт возьми, собирался он звонить? Своей подруге? Кэтрин прикусила губу, чтобы не крикнуть это ему в лицо. Чувство отвращения к самой себе охватило ее. И что с ней происходит? Во что она превратилась?

— Кэйт? — тихо спросил Мэт.

Кэтрин подняла глаза, сообразив, что застыла в дверях, тупо глядя на ковер. Он смотрел на нее, прищурился, как он часто делал в последнее время, и она твердо встретила его взгляд.

— Я хотела бы поехать в город на несколько дней, если ты не возражаешь. Повидать Кэрл, сделать покупки к Рождеству.

— Ты спрашиваешь моего разрешения?

Кэтрин не могла решить, было ли в его голосе недоверие или сарказм. Чувствуя, как сжалось горло, она лишь коротко кивнула.

— Я подумала, что лучше спросить, чтобы ты не сердился, как тогда, в сентябре, помнишь?

— Я никогда не требовал, чтобы ты спрашивала моего разрешения на что-либо. Но не думаешь ли ты, что я, как твой муж, имею право знать о твоих планах?

— Но я тогда пыталась... — начала она.

— Знаю, — перебил Мэт, его голос прозвучал неожиданно устало. — И незачем опять выяснять все сначала. Когда ты собираешься ехать?

— Завтра утром.

— Ну ладно. Я подожду вас, и поедем вместе.

К обеду следующего дня они уже устроились в квартире. Мэт обедал вместе с ними, шутил с Мэри, возился с Джонни и сохранял холодный тон с Кэтрин. Потом он отправился в офис, предупредив Клайда, что вернется к шести.

Следующую неделю Кэтрин целиком посвятила магазинам. Иногда ее сопровождала Мэри, пару раз Кэрол составила ей компанию. Кэтрин доставляло странное удовольствие покупать чрезмерно дорогие подарки за счет Мэта. Кэрол почти всегда обедала с ними, потому что Пол уехал по делам, а у нее, по ее словам, была обычная предпраздничная депрессия.

Закончив покупки за неделю до Рождества, Кэтрин сама начала чувствовать депрессию, когда думала о необходимости возвращаться в загородный дом. Вечером ей позвонила Кэрол.

— Кэтрин, вы не можете сейчас уехать! — кричала Кэрол, сама не своя от радости. — Вы с Мэтом должны задержаться в городе во что бы то ни стало. — Кэрол, — засмеялась Кэтрин, — ты можешь успокоиться и рассказать, в чем дело?

— Конечно, — сказала Кэрол, успокоившись. — Пол только что приехал домой и узнал, что его искал адвокат. Он позвонил ему, и тот сказал, что слушания по делу о разводе назначены на конец этой недели. Кэтрин, ты понимаешь, что это значит? Пол наконец-то будет разведен, и мы сможем пожениться! — Она остановилась, чтобы перевести дыхание, затем радостно продолжала: — Так вот, Пол сказал, чтобы я вам позвонила. Он хочет завтра это отметить и хотел бы, чтобы вы с Мэтом к нам присоединились. Ты ведь придешь, правда?

Впервые за целую неделю Кэтрин слышала прежний оптимизм в голосе подруги, и часть его каким-то образом передалась ей. Оживившись, она ответила:

— Я ни за что не пропущу такое событие и уверена, что Мэт скажет то же самое. Я поговорю с ним, как только он будет дома, и перезвоню тебе.

Положив трубку, она услышала за спиной мягкий голос Мэта:

— Интересно, о чем же ты хочешь поговорить с Мэтом, как только он будет дома?

Вздрыгнув от неожиданности, она повернулась, говоря:

— Ах, Мэт... — но остановилась, увидев рядом с ним Джеймса. Джеймс улыбнулся ей, как всегда, широко и тепло. Она не успела ответить, как Мэт опять спросил:

— И насчет чего я скажу то же самое?

— Это звонила Кэрол. Развод Пола будет вот-вот оформлен, и они хотят пригласить нас куда-нибудь завтра вечером, чтобы отпраздновать. Мы же пойдем, правда, Мэт? — Кэтрин

говорила возбужденно, но голос ее снижал, потому что Мэт нахмурился.

— Мне очень жаль, Кэтрин, — сказал он. — Завтра рано утром я улетаю на конференцию текстильщиков. Завтра буду уже в Шотландии.

— В Шотландии! — воскликнула она и впервые задала вопрос, касающийся его бизнеса: — Но разве ты обязательно должен ехать сам? Я уверена, что можно на этот раз послать кого-то другого. Мэт, ведь это ради Кэрол, она обожает тебя и хочет, чтобы мы вдвоем разделили их радость.

— А я не могу полететь вместо тебя? — вступил в разговор Джеймс.

Лицо Мэта стало еще более суровым. Он покачал головой, даже не дослушав Джеймса:

— Нет, только не в этот раз. Если бы речь шла только о конференции, то конечно. Но я уже давно пытался купить одну фабрику в Шотландии. Ею с самого основания владела одна семья, и хотя они не в состоянии содержать ее дольше, они ни за что не хотят выпустить ее из рук. — Он хитро улыбнулся и добавил: — Кучка упрямцев! Ну так вот, похоже, что они увидели наконец письмо на стене и готовы обсудить со мной цену, но только со мной лично.

Он опять довольно улыбнулся, в этот раз из-за изумленного выражения на лице у Джеймса. Было ясно, что младший брат ничего не знал о планируемой сделке.

— Мне жаль, Кэтрин, — еще раз повторил Мэт. — Ты, конечно, иди. Я рад за Кэрол.

— Что, одна? — Кэтрин почувствовала гораздо большее разочарование, чем того заслуживал отказ Мэта, но она понимала, что дело не только в конкретном вечере, а в том, что она в первый раз попросила Мэта о чем-то для себя, а он отказал ей.

— Я был бы счастлив сопровождать тебя, — любезно сказал Джеймс, затем добавил язвительно: — Я, может быть, недостаточно компетентен, чтобы совершить столь важную сделку, как покупка маленькой шотландской фабрики, но надеюсь, что смогу подать даме стул или заказать ей коктейль.

— Не будь ослом! — рявкнул Мэт. — Черт возьми, Джеймс, я никому не обязан ничего объяснять, даже тебе, но вот что я скажу. Единственная причина, почему я не говорил об этом, потому что я до последнего момента считал, что они найдут способ удержаться. Так что кончай дуться. А что до сопровождения Кэтрин, то это как она сама захочет.

Первым желанием Кэтрин было отказаться, но, когда Мэт так напал на своего брата, она возмутилась. Не думая о последствиях, она сказала:

— Спасибо, Джеймс. Я с удовольствием проведу вечер в твоём обществе.

Обед был испытанием для Кэтрин. Джеймс обедал с ними. Мужчины все время говорили о делах. Хотя Мэт не заговаривал о завтрашнем вечере, Кэтрин была уверена, что он сердится на нее за решение пойти с Джеймсом.

Допив кофе, она сразу же пошла к себе. Обида на Мэта не проходила — ей так хотелось быть завтра с ним вместе. Через полчаса вошел Мэт, сухо заметив:

— Джеймс просил пожелать тебе спокойной ночи. Он позвонит тебе завтра, чтобы узнать, когда за тобой заехать.

Кэтрин уже раскаивалась, что согласилась идти с Джеймсом, но, задетая тоном Мэта, решила не отступать. Небрежно она сказала мужу:

— Хочешь, чтобы я собрала тебе вещи?

— Ты сердишься.

Это прозвучало как утверждение, а не вопрос и почему-то рассердило ее еще больше.

— Нет, какой смысл сердиться? Уверена, что вот Кэрол будет действительно разочарована, но она тебя хорошо знает и вряд ли удивится, что дела у тебя на первом месте. — Кэтрин заметила, как дернулся Мэт от ее слов, и, не в силах остановиться, решила уязвить его еще больше. — Не будет ли слишком большой навязчивостью с моей стороны спросить, планируешь ли ты вернуться вовремя, чтобы быть вместе с сыном в момент его первого в жизни Рождества?

— Конечно, я приеду к этому времени.

Только по его прищуренным глазам можно было догадаться, что Мэт злится. Несколькими шагами он пересек комнату. Кэтрин повернулась, чтобы отступить, но его рука быстро обхватила ее за талию.

— Кэтрин, — прошептал он, — конференция кончается двадцать третьего после обеда, я вернусь не позже чем в середине дня двадцать четвертого. Не волнуйся, ничто не нарушит наши планы на праздники. — Его руки нежно погладили ее спину. Его губы скользнули по ее щеке и запечатлели обжигающий поцелуй в уголке рта.

Кэтрин почувствовала, как возмущение и обида потихоньку тают в ней, и уже собиралась обнять Мэта, когда его следующие слова заставили ее опять напрячься:

— А на твой первый вопрос я могу ответить, что не надо собирать мои вещи. Мои требования к тебе гораздо более просты. — Его губы коснулись ее лица, но, почувствовав ее сопротивление, он остановился. — Кэтрин, — прошептал он, — я же сказал, что жалею, что не смогу завтра пойти. И вообще ты должна признать, что празднование несколько преждевременно. Когда будешь говорить с Кэрол, почему бы тебе не предложить, чтобы мы подождали и отпраздновали тогда, когда суд вынесет решение? А всю организацию я беру на себя.

Кэтрин была полна возмущения. Из всех наглцов... она даже мысленно не могла подобрать подходящие слова для характеристики Мэта. Ему опять почти удалось. Он почти околдовал ее своими ласками! Но такое бесчувственное отношение к счастью Кэрол — это было уже слишком. Она посмотрела ему прямо в глаза и сказала ледяным тоном:

— Я передам твое предложение Кэрол и Полу, когда увижу их завтра. А теперь, если ты не возражаешь, я должна позвонить ей, как обещала. Она, должно быть, уже беспокоится, куда это я пропала.

— Так, значит, ты все-таки собираешься пойти с ними завтра? — Мэт все еще обнимал ее, хотя голос был таким же холодным, как и у нее.

— Да, естественно. Если помнишь, ты мне сам это предложил.

Он резко опустил руки, как если бы она стала ему противна, и сказал сквозь стиснутые зубы:

— Делай что хочешь, черт возьми! Мне наплевать, даже если ты каждый вечер будешь ходить по ресторанам. Только сделай одолжение, будь дома двадцать четвертого.

Кэрол была разочарована, что Мэт не смог прийти, но уверяла Джеймса, что он прекрасно заменяет брата. Первый вечер прошел так весело, что они решили встретиться и на следующий день, и на третий. Кэтрин уверяла себя, что всего лишь ловит Мэта на слове и наслаждается жизнью. Тем не менее ей все-таки не удалось убедить себя, и когда Кэрол и Пол предложили собраться в четвертый раз, она обнаружила, что смело лжет, чтобы отказаться.

— Очень жаль, но я уже должна возвращаться. Мне столько надо сделать перед

Рождеством, просто не знаю, как все успею. — На самом деле ей нечем было там заняться, и она со страхом думала о возвращении.

Джеймс, как всегда, проводил ее домой, но, когда она предложила, чтобы Клайд сварил кофе, Джеймс отказался.

— Спасибо, я не хочу кофе. Если ты не возражаешь, я бы сделал себе коктейль.

— Конечно, — улыбнулась она и пошла сказать Клайду, что им ничего больше не нужно.

К ее удивлению, он с грустью улыбнулся и коротко произнес:

— Как вам угодно, миссис Мартин. Спокойной ночи.

Размышляя о его странном выражении лица, она пошла в гостиную и стала рядом с Джеймсом у стеклянной стены. Молча она наслаждалась панорамой города, расстилавшейся перед ней. Огни, многочисленные из-за приближающихся праздников, придавали всему городу сказочный вид. Когда Джеймс тихо произнес ее имя, Кэтрин не без усилия вернулась к реальности. Но его следующие слова приковали все ее внимание.

— Как долго ты собираешься терпеть такую жизнь, прежде чем решишься что-то изменить?

Смущенная и обескураженная, она спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что люблю тебя. Разведись с Мэтом и выходи за меня. Позволь мне заботиться о тебе. — Говоря это, он поставил стакан на столик, заключил Кэтрин в свои объятия и поцеловал. Она ничего не почувствовала. Джеймс был красивым, обаятельным, с ним было приятно общаться, но его поцелуй оставил ее совершенно холодной. Она высвободилась из его рук, стараясь сделать это как можно мягче, и так же мягко сказала:

— Я старше тебя на шесть лет.

Он снова обнял ее, теперь уже крепче, и заговорил:

— При чем здесь твой возраст? Кэтрин, оставь его, пока он не вернулся из Шотландии. Уедем со мной куда-нибудь, куда угодно. Я обещаю, что не позволю ему обидеть тебя.

Потрясенная, Кэтрин воскликнула:

— Джеймс, ведь Мэт — твой брат!

Его объятия слегка ослабли, но он все еще не отпускал ее, говоря с болью в голосе:

— Я знаю. — Затем с еще большим чувством продолжал: — Боже мой, могу ли я забыть об этом? Я люблю его, Кэтрин, очень люблю. Он всегда был моим идеалом и остается даже сейчас. Я не встречал другого человека, который вызывал бы к себе такое уважение. В моем понимании он вообще никогда не бывает не прав. Мэт всегда был строгим, но всегда — справедливым. Но это со мной. А с тобой, Кэтрин? Пойми, я просто не могу видеть, как он уничтожает тебя. А он именно это и делает. Другому мужчине он бы не позволил вмешаться, но не думаю, что он будет бороться со мной. Уезжай со мной, пожалуйста, пока он не вернулся.

— Не могу, — прошептала Кэтрин.

— Почему? — сердито спросил он. — Ты же не вещь, принадлежащая ему!

— Я люблю его. Вот и все.

Руки Джеймса опустились, и он молча смотрел на нее, словно не веря собственным ушам.

— Я тебе не верю! — воскликнул он наконец. — Я никогда не видел женщину, которая была бы настолько равнодушна к своему мужу! И он тебя не любит, насколько я могу

судить. — Его последние слова заставили Кэтрин болезненно сжаться, и он поспешно добавил: — Прости, Кэтрин. Неужели это правда? Ты его любишь?

— Да, действительно люблю. — Ее голос дрогнул, и она добавила: — Боже мой, Джеймс, неужели ты думаешь, что я способна была бы жить с ним, терпеть Бет и Диди, если бы не любила! — Она уже не скрывала своих слез, и Джеймс опять обнял ее, но на этот раз совсем по-другому. Желание обладать сменилось желанием поддержать и утешить.

— Мне очень жаль, Кэтрин. Жаль и тебя, и себя. Черт, мне жалко даже Мэта, потому что этот дурак не знает, что теряет. Мне бы очень хотелось тебе помочь, но я не знаю, как.

Уткнувшись головой в его плечо, Кэтрин прошептала:

— О Джеймс, ты помогал мне с того самого дня, когда я впервые появилась здесь. Ты был чем-то вроде буфера, и не только между мной и Бет, а потом Диди, но и между мной и Мэтом. Я почти жалею, что люблю не тебя, но тут уже ничего не поделаешь. Я принадлежу ему, полностью и безоговорочно. И это навсегда.

Утром накануне Рождества Мэт позвонил из-за океана. Связь была плохая, и Кэтрин с трудом понимала, что он говорит, но одно было ясно — погода там нелетная, и неизвестно, когда он сможет вылететь. Зато его последние слова прозвучали так четко, как будто он стоял рядом: «Не волнуйся!»

Не волноваться! Ну как тут можно было не волноваться, думала Кэтрин, глядя из окна на залитый солнцем сельский пейзаж. Как женщина, уже потерявшая мужа во время бури, как может она перестать волноваться, когда ей хочется просто выть от страха? Конечно, выть она не будет, она сделает вид, что все нормально, и займется обычными делами.

Стрелки часов медленно совершили круг. Вечером приехал Том с приветами и подарками от Дженис и Карлоса, которых навестил по дороге домой. Они отправлялись в Аргентину, чтобы впервые показать дочь родителям Карлоса, и Том заехал проводить их на самолет.

Когда он узнал, что Мэт задерживается, его хорошее настроение упало. Но, увидев озабоченность на лице матери, он слегка обнял ее, говоря:

— Не волнуйся, мамочка. Мэт осторожный человек. Он нанимает на работу только лучших. Я знаю, кто водит его самолет, это прекрасный летчик. Он не станет зря рисковать. Если Мэту не удастся прилететь завтра, мы отложим праздник до следующего дня. Какая разница, Джонни еще слишком мал, чтобы для него это имело значение.

Оптимизм Тома, его несокрушимая вера в Мэта передались Кэтрин, и она постаралась отогнать свои страхи. Заснула она поздно, совершенно измученная.

Наступило утро, а все подарки так и лежали неоткрытые под елкой. Одеваясь в гардеробной, Кэтрин услышала телефонный звонок. Полуодетая, она босиком побежала в спальню и схватила трубку, но в ответ раздались лишь монотонные гудки. Кончив одеваться, она пошла вниз. Уже спустившись по лестнице, она вдруг остановилась как вкопанная, услышав, как Бет со смехом произнесла ее имя. Кэтрин не собиралась подслушивать, но не могла двинуться с места. А Бет между тем продолжала:

— У него не будет проблем развестись с ней. Или получить полную опеку над Джонни. Тебя ведь не будет смущать, что ты воспитываешь ребенка другой женщины, Диди?

— Да нет, пожалуй, — ответила Диди после минутного раздумья. — Он похож на Мэта и вообще очень миленький. Тем не менее я бы хотела иметь и своего. Ох, Бет, я очень надеюсь, что Мэт сможет оформить все быстро, мне хотелось бы, чтобы свадьба была весной.

Потрясенная, Кэтрин резко повернулась, чтобы броситься к себе, и ее расширенные фиалковые глаза встретились с точно такими же фиалковыми глазами, пылающими от ярости. Все, что было в Томе от мальчика, ушло. Лицо, обращенное к Кэтрин, принадлежало крайне рассерженному мужчине. Он стоял у подножия лестницы, и она, пошатываясь и протянув руки, направилась к нему, ища поддержки.

Он сжал ее руку в своей, а другой крепко обнял ее за плечи.

— Мама! — Гнев в его голосе смешался с беспокойством, и он всматривался в ее совершенно белое лицо.

Судорожно сглотнув, она едва слышно произнесла:

— Не здесь.

Вырвавшись из объятий Тома, Кэтрин побежала вверх по ступеням в свою спальню. Мысли мешались у нее в голове. Да, она подозревала, что у него есть женщина. Но в их доме? Она никогда, никогда не могла представить себе такое! И что теперь ей делать? Тихий щелчок двери прервал ее раздумья. Том заговорил, и его голос звучал рассерженно.

— Вот сукин сын! Мы тут волнуемся о нем, а он планирует развод, и его пигалица с птичьими мозгами сидит в твоём доме и мечтает о своей дурацкой весенней свадьбе!

Потрясенный вид Тома привел Кэтрин в чувство.

— Ладно, Том, хватит. Не будем сейчас говорить об этом. Ты должен будешь мне помочь.

Они были так близки внутренне, что ее спокойствие частично передалось ему, так же, как вчера его оптимизм — ей. Стараясь успокоиться, он ответил:

— Хорошо, мама, что мне нужно делать?

Долгое время она молчала, обдумывая все детали, затем утомленно произнесла:

— Мне надо отсюда уехать. Мы сейчас соберемся и поедем к бабушке, как договаривались. Поедем в твоей машине. Я не хочу, чтобы Джек доложил потом Мэту. Но я не могу остаться у родителей, они сразу обо всем догадаются. Дай-ка подумать... Вот что мы сделаем. Я скажу, что Мэт звонил мне и просил встретиться с ним, чтобы провести пару дней вдвоем. — Увидев кислое выражение на лице сына, она умоляюще сказала: — Ну Том, пожалуйста, я должна убедить их, что все в порядке. Я ни за что не испорчу им праздники. И тебе придется поддержать меня, раз ты там будешь. Боже мой, я совсем забыла! Дэйв и Дэн тоже приедут. Милый, ты сможешь с этим справиться?

— Да не волнуйся, это ерунда! Но куда ты поедешь? Дженис сейчас в Аргентине. Ты можешь поехать к Кэррол?

— Нет, — твердо ответила Кэтрин. — Кэррол проводит праздники с Ричардом и Энн, а они дружат с Мэтом. Я не хочу, чтобы им пришлось выбирать между нами.

Том в задумчивости провел рукой по волосам.

— Ну ладно, а с Мэри ты не можешь поехать?

Кэтрин настояла, чтобы Мэри провела праздники со своими детьми, и та вот-вот должна была уехать.

Медленно покачав головой, Кэтрин ответила:

— Я могла бы, но не хочу. Нет, Том, я не буду портить праздники всем остальным. Есть только одно место, куда я могу поехать, — это дом в Поконосе.

Том изумленно смотрел на нее.

— Ты поедешь в Ланкастер, объяснишь, что не можешь остаться, и сегодня же проделаешь весь путь до Поконоса? Мама, ты не сможешь!

— Том, — мягко сказала она, — я уже давно привыкла о себе заботиться сама. Все будет хорошо. А теперь давай не будем терять время, мы должны собрать вещи, взять Джонни и выбраться отсюда. Пожалуйста, поторопись.

— Но...

— Том, прошу тебя.

Несколько часов спустя, ведя машину на север, Кэтрин поражалась, как ловко они все это провернули. Ее родители полностью поверили в ее рассказ и даже заметили, что Кэтрин и Мэту пойдет на пользу побыть вдвоем. Она задержалась в доме родителей достаточно долго, чтобы обменяться подарками с братьями, их женами и многочисленными отпрысками, поест и выслушать множество заверений, что о Томе и Джонни хорошо

позабываются. Потом Кэтрин уехала, впервые в жизни чувствуя себя обманщицей.

Когда Кэтрин наконец поставила машину в гараж, уже давно стемнело. Поднимаясь по ступеням, ведущим на кухню, она хотела только одного — упасть в постель и не просыпаться часов двенадцать.

Когда она рылась в сумке, ища ключ, на пороге появилась Дарси и, очень удивленная, воскликнула:

— Миссис Мартин, почему же вы нас не предупредили? А где босс?

Кэтрин устало вздохнула. Неужели ей некуда деваться от босса и его шпионов? И почему у этих людей нет друзей или родных, чтобы поехать к ним на Рождество?

Она сказала нетерпеливо:

— Мы как-то неожиданно решили сюда приехать. Мистер Мартин (она ни за что не назовет его боссом!) будет здесь... завтра или послезавтра. Пожалуйста, не беспокойте меня до завтрашнего полудня. Спокойной ночи и веселого Рождества! — С этими словами она вошла в дом. Вслед ей прозвучало «веселого Рождества!» миссис Дарси. Да, вот уж действительно веселое Рождество!

Кэтрин лежала, вглядываясь в темноту. Повернувшись, она бросила взгляд на электронные часы на ночном столике. Одиннадцать десять. Она проспала совсем немного. Услышав шаги на лестнице, Кэтрин похолодела. Кто-то был в доме! Неужели кто-то сумел открыть стеклянные двери гостиной на первом этаже? Тихие шаги приблизились и стихли за дверью спальни. Расширившимися от страха глазами Кэтрин не отрываясь смотрела на дверь, не в силах даже крикнуть. Не шевелясь, она смотрела, как дверь медленно отворилась и в комнату вошел человек. Только тогда она издала вздох облегчения: даже в полумраке она безошибочно различила очертания фигуры Мэта. Сдавленным голосом она прошептала:

— Ох, Мэт, как ты меня напугал!

Он резко обернулся на ее голос. Голосом уставшим и бесцветным он сказал:

— Прости, Кэтрин, я старался не разбудить тебя.

Машинально, не успев подумать, она начала вставать.

— Ты голоден? Я могу сделать тебе кофе или...

— Ничего не надо, — сказал Мэт. — Больше всего я хочу сейчас спать. Я устал и замерз. Проклятый обогреватель в машине вырубился на полпути сюда, а ночь сейчас холодная.

— Очень жаль, — пробормотала Кэтрин, чувствуя себя каким-то образом виноватой.

— Да. — Это был скорее вздох, и она подняла на него глаза и с удивлением поняла, что он уже раздет и идет к кровати. Она насторожилась, когда он лег под одеяло, но успокоилась, когда он вытянулся и глубоко вздохнул. Некоторое время Мэт лежал неподвижно, но вдруг, как будто пришел к какому-то решению, обхватил ее и крепко прижал к себе. Его холодное прикосновение вызвало у нее дрожь. Он действительно замерз. Его щетина царапнула ее щеку, когда он придвинулся. Он нашел ее губы и прижался к ним. Что она делает, думала Кэтрин, тщетно пытаясь отодвинуться.

— Мэт... — начала она, но он прервал ее.

— Кэтрин, замолчи. Боже мой, ты что, не видишь, что я изголодался?

— Но ты же сказал... — Но тут настоящий смысл его слов дошел до нее, и она закончила уже по-другому: — Ты же сказал, что устал.

— Ну да, устал, но ведь не умер!

Его рот опять прижался к ее губам в жадном поцелуе, а руки судорожно дернулись, крепче прижимая ее.

Но она опять оторвалась от него.

— Мэт, не надо!

Но то, что она хотела произнести уверенно, прозвучало как жалкая мольба. Ее пробуждающиеся чувства, требующие его прикосновений, смыли из ее памяти всю боль и потрясение вчерашнего дня.

— Кэтрин, — простонал он, — мне холодно, согрей меня! Я так устал, помоги мне отдохнуть! — Его руки, ласкающие ее, зажигали в ней огонь. Ее тело помимо ее воли выгнулось ему навстречу.

— О, Мэт. — Ее шепот был заглушен его страстным поцелуем. Уже полностью покоренная, она провела руками по его спине и впиалась пальцами в его густые волосы, крепче прижимая к себе его голову.

Когда она открыла глаза, комнату освещало яркое солнце, и Кэтрин заморгала, давая глазам привыкнуть к свету. Потом она увидела широкую спину Мэта, стоявшего у приоткрытых створок и глядевшего в окно. Ее голодный взгляд медленно скользил по его мощной фигуре, вбирая все детали. Мэт был одет в коричневый с белым халат-кимоно, почти не скрывавший его стройных мускулистых ног. Туго завязанный пояс подчеркивал тонкую талию, ткань обтягивала широкие плечи. Расширенные рукава спускались до локтей, открывая сильные руки и широкие ладони с длинными пальцами. Дойдя до его рук, Кэтрин вспомнила его прикосновения и почувствовала легкую дрожь. Воспоминания о событиях вчерашнего дня и прошлой ночи нахлынули на нее и в свете дня показались непоправимыми. В полном смятении Кэтрин думала, что не имела права... и он не имел права...

Словно почувствовав ее взгляд, Мэт обернулся и оценивающе взглянул на нее. Он был выбрит, а его изучающий взгляд заставил ее ощутить себя встрепанной и неприбранной.

Прежде чем он успел заговорить, она молча выскочила из постели, схватила халат и бросилась в ванную. Кэтрин надеялась, что горячие струи взбодрят ее, но это не помогло. Она вернулась в спальню, затягивая пояс халата.

Мэт все еще стоял у окна, закуривая сигарету. Но теперь в руке его была дымящаяся чашка.

— Там есть горячий кофе, — угрюмо сказал он, кивком указывая на кофейник, стоящий на столике у камина.

Его глаза следовали за ней, пока она шла к столику, и Кэтрин, нервничая, пролила сливки. Он подождал, пока она выпрямится с чашкой в руках, и спросил:

— Значит, ты опять в бегах. А что ты теперь хочешь — разумеется, кроме развода?

Его ироничный тон задел ее, и она, вспыхнув от гнева, воскликнула:

— Это как раз то, что тебе надо, правда? Можно будет больше не притворяться!

— О чем ты говоришь? — резко спросил он.

— Ох, прекрати, Мэт. Я знаю все о тебе и Диди.

— Обо мне и Диди? — Он явно не мог поверить услышанному. — Объясни, что ты имеешь в виду.

Ее гнев уступил место бесконечной усталости, у нее просто не было сил спорить.

— Я вчера слышала, о чем говорили Бет и Диди. — Мэт удивленно поднял брови, и Кэтрин поспешно добавила: — Я не собиралась подслушивать.

— Я и не думаю, что ты подслушивала, — ответил Мэт, потрянув головой. — И что же дальше?

— Они обсуждали твоё намерение развестись со мной и забрать у меня Джонни. —

Чтобы скрыть дрожь в голосе, Кэтрин язвительно добавила: — Ты бы поторопился, Мэт, Диди предпочитает устроить свадьбу весной.

Его глаза сузились.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Уж не знаю, что тебе там послышалось, но скажу сразу: я всегда воспринимал Диди исключительно как подругу Бет, и не более того.

— Мне ничего не послышалось! Я знаю, что слышала это! — Кэтрин нервно поднесла чашку к губам.

— А может быть, это просто дымовая завеса?

— Что ты хочешь сказать? — удивилась Кэтрин. Мэт отвернулся, чтобы погасить сигарету. Его внешне ровный голос и перемена темы привели ее в смущение.

— Значит, ты пошла с Джеймсом, чтобы отпраздновать развод Пола, так?

— Ну да, я же тебе сказала, что пойду, — растерянно ответила она.

— И я так понял, что празднование растянулось на несколько вечеров.

— Да, мы встречались три вечера подряд.

— Понятно, — протянул он. — Тебе приятно общество Джеймса?

— Что ты имеешь в виду, Мэт? — спросила она с тревогой, внезапно начиная догадываться.

— Я не был уверен, что найду тебя здесь одну.

Не в силах до конца поверить, она воскликнула:

— В чем ты меня обвиняешь?

Холодные, жесткие слова хлестнули ее, словно удар кнута.

— Ты спишь с моим братом?

Потрясенная, Кэтрин застыла, с ужасом глядя на него. Не в силах пошевелиться, она слышала его слова, эхом отдававшиеся в ее мозгу. Затем в одно мгновение ее охватил дикий гнев. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного. Глаза застилала красная пелена. С воплем «Нет!» она вскочила с кровати и пронеслась через комнату. Ее движение застало Мэта врасплох, и Кэтрин изо всей силы ударила его по лицу. Не обращая внимание на боль в руке, она закричала:

— Как ты смеешь обвинять меня? Ты? Когда твоя девка живет под одной крышей с твоей женой!

Потом она отступила, и красный туман рассеялся под ледяным блеском его голубых глаз. Очень ясно Кэтрин увидела дергающийся мускул у сжатого рта и две складки по сторонам губ. По-настоящему испугавшись, она попятилась от него, пока не наткнулась на край кровати. Его руки были неподвижно опущены, а кулаки сжаты так, что костяшки пальцев побелели. В ужасе от его вида, Кэтрин наблюдала, как Мэт отчаянно пытается овладеть собой. После нескольких мучительных минут ему это удалось. Его прерывистое дыхание стало более ровным, желваки на скулах перестали двигаться. Она медленно выдохнула, но сразу вздрогнула, когда он поднял руку и провел тыльной стороной по лицу. Он заметил, как она дернулась, и хрипло произнес:

— Ты была на волосок от того, чтобы быть изнасилованной. Не советую больше так рисковать.

Ее нервы и раньше были на пределе, но теперь напряжение стало невыносимым, и Кэтрин не выдержала. Плечи ее затряслись от рыданий. Закрыв руками лицо, она опустилась на кровать, простонав:

— О Боже, я этого не вынесу!

Чувствуя себя раздавленной, она не сомневалась, что Мэт собирается обвинить ее в измене, чтобы получить все права на Джонни. Плача в открытую, она умоляюще сказала:

— Мэт, пожалуйста, не отбирай у меня Джонни! Я сделаю все, что ты захочешь, я соглашусь на любые твои условия, только не отнимай его у меня!

— Кэтрин, что за чертовщина? — В его голосе прозвучало неподдельное изумление. Подняв глаза, она увидела, что Мэт побледнел, а в глазах его появился совершенно не свойственный ему страх. Он пересек комнату и взял ее за плечи. Сжавшись, она вскрикнула:

— Мэт, пожалуйста!

— Господи Боже, да у тебя просто истерика! Кэйт, пойми, я не собираюсь делать тебе ничего плохого. — Говоря это странно испуганным тоном, Мэт стоял рядом с ней, опираясь коленом о кровать. Кончив говорить, он лег поперек кровати и притянул рыдающую Кэтрин к себе. Она опять вскрикнула, и он отпустил ее и лежал рядом, не касаясь ее, даже не двигаясь. Он лишь потянулся к ночному столику, достал коробку бумажных носовых платков и дал один ей. Буря рыданий наконец прошла, оставив ее измученной и полностью опустошенной. Мэт подождал еще несколько минут, а когда заговорил, его голос был нежным, но таким же усталым, как и сама Кэтрин.

— Ну хорошо, Кэтрин, ты получишь развод. На этот раз я не буду тебя удерживать.

— А Джонни? — спросила она дрожащим голосом.

— Проклятье! Я никогда даже не думал, чтобы отобрать его у тебя! Видит Бог, ты его мать, и он принадлежит тебе.

— Но я слышала, как Бет и Диди...

— Кэтрин! — перебил он, теряя терпение. — Я сказал тебе, что мне она не нужна. Бог мой, да если бы я ее хотел, неужели я не мог бы жениться еще десять лет назад? Я ее тогда не хотел и уверен, что не хочу сейчас.

Прежде чем Кэтрин могла что-то ответить, он продолжал уже более суровым голосом:

— А Джеймс — ты его любишь?

— Ну конечно, люблю.

— Понимаю! — прорычал он, как будто она его ударила.

— Нет, Мэт, — устало сказала она. — Ты не понимаешь. Я люблю его так же, как Дэйв и Дэна. Я не влюблена в него. А это огромная разница! Я пыталась ему это объяснить, когда он предлагал мне уехать.

— Он — что? — еле слышно спросил Мэт.

— Он просил меня развестись с тобой. — Кэтрин вздохнула. — И уехать с ним, пока ты не вернулся из Шотландии.

— Проклятый ублюдок! — злобно проревел Мэт. — Когда я с ним разберусь, он сочтет себя счастливым, если найдет работу поденщика. Этот ползучий...

Кэтрин лежала, слушая его ругательства, но потом не выдержала и закричала:

— Мэт, прекрати! Джеймс — твой брат, и он любит тебя.

— Он? Да уж, действительно любит!

— Любит, и больше, чем ты можешь вообразить. Он говорил мне, что уважает тебя больше, чем кого бы то ни было, но он не может спокойно смотреть, как ты... — Она остановилась, пораженная собственной откровенностью. Что она тут несет?

— Давай договаривай! — потребовал он. — На что он не может спокойно смотреть? Как я что?

Она поколебалась, но все-таки прошептала:

— Как ты уничтожаешь меня.

— Я тебя уничтожаю? Он так считает? А ты, ты тоже так считаешь? Кэйт, я даю слово, что никогда не хотел причинить тебе вреда.

Уже не в состоянии остановиться, она прошептала:

— Когда женщина влюбляется в мужчину, она сама дает ему оружие против себя. От нее почти не зависит, как он им воспользуется.

Прошло несколько секунд, и Кэтрин вдруг поняла, что Мэт лежит абсолютно неподвижно, даже не дыша. И тут смысл собственных слов дошел до нее. Боже, она сама дала ему знать, что в его руках это оружие. Потрясенная, она судорожно пыталась что-то придумать, чтобы отыграть свой ход. Вдруг Мэт резко сел на кровати, обнял ее за плечи, притянул к себе, а потом медленно опустился на спину, не выпуская ее из объятий.

— Ты любишь меня? — взволнованно спросил он. — Ты любишь меня?

Она молча кивнула.

— Не слышу.

И она честно ответила:

— Да.

— К черту все сделки. Никаких разводов. Никогда! Ты можешь убегать сколько хочешь, Кэтрин, если тебе так нравится, но я всегда найду тебя и верну обратно. Ты моя и останешься моей до конца жизни.

Он нежно прижал ее к своей груди и взял в руки ее лицо. Зарывшись пальцами в ее густые волосы, он притянул ее к себе и поцеловал требовательно и властно.

Немного позже, усталый и счастливый, Мэт лежал на боку, обнимая ее. Его губы касались ее лба, и он развлекался тем, что дул на локон, падавший ей на лоб. Кэтрин поежилась и прошептала:

— Не знаю почему, но я чувствую себя здесь очень уютно. Как дома.

Приходя в себя после занятия любовью, она захотела сразу же отвоевать себе хоть немного независимости.

— Я хотела бы вернуться на работу, — заявила она.

Кэтрин ждала, что Мэт рассердится, и вздрогнула, услышав его смех.

— Пожалуйста, — сказал он. — Ты хочешь работать в офисе?

— Нет, — смущенно ответила она, почувствовав его губы у себя на лбу. — Мне лучше работать дома, чтобы быть поближе к Джонни.

— Ты будешь опять работать у меня в кабинете? — Он провел пальцем по мочке ее уха, и она слегка вздрогнула.

— Да.

— Ты любишь свою работу, правда? — Слова были едва различимы, потому что, говоря, он водил губами по ее волосам.

— Да. — Ее дыхание становилось прерывистым. Ее рука лежала на его груди, и вот ее пальцы как будто сами по себе начали поглаживать курчавые волоски.

— И что, она приносит много денег? — начал было Мэт, проводя губами от ее лба к углу рта. Но сразу ойкнул — ее мизинец запутался в густой поросли на груди. Кэтрин хотела убрать руку, но он остановил ее, накрыл своей рукой и стал двигать по своей груди. — Так что, ты много получаешь за работу? — повторил он.

— Да, — простонала она, чувствуя, как в ней опять пробуждается желание.

Его язык скользил по ее верхней губе снова и снова. Почувствовав, как она задрожала, впившись пальцами в его кожу, он прошептал:

— Ты хочешь меня опять, Кэйт?

— Да. Да, Мэт.

Блаженство. Это было единственное подходящее определение для тех двух дней, которые они провели вдвоем в горах. А сейчас, на третье утро, Кэтрин потягивалась и счастливо улыбалась. Мэт уже встал и вышел из спальни, и она раскинула руки в стороны, наслаждаясь теплом постели. Она чувствовала себя отдохнувшей, все напряжение ушло, и теперь она сонно вспоминала прошедшие два дня.

Мэт в первый же день отпустил Дарси на праздники, и они поехали к дочери в Аллентаун. Кэтрин готовила еду, убирала, кормила Мэта, а вчера принесла ему бутерброды, когда он лениво развалился в кресле, следя за футбольной схваткой по телевизору. В середине игры она наклонилась к его креслу, небрежно спросив:

— И кто выигрывает?

С поразительной быстротой он схватил ее за талию и усадил рядом с собой, шутливо прорычав:

— А кому какое дело?

Он овладел ею прямо на кресле, при свете дня, а Кэтрин, забыв всякое смущение, наслаждалась каждым мгновением.

Она позвонила Тому и, не вдаваясь в объяснения, сказала ему, что с ней все в порядке. Потом с ним говорил Мэт. Сначала он разговаривал на повышенных тонах.

— Да, я знаю, что она твоя мать. Но она и моя жена в то же время, а я, черт возьми, отец твоего брата. — Затем он заговорил успокаивающим тоном. — Том, я даю слово — в том, что вы с матерью слышали, нет ни слова правды. И я обещаю тебе, что моя сестра и ее подруга не посмеют чем-либо задеть твою мать. Никогда!

Мэт понес ее в душ, несмотря на громкие протесты. Там он заботливо наполнил ванну и стал нежно проводить по ее телу губкой, побуждая сделать то же с ним.

Лежа в кровати, Кэтрин ожидала Мэта. От одного воспоминания о тех минутах щеки Кэтрин порозовели, а тело, словно храня память о пережитом, начинало покалывать от желания. Как раз в этот момент вошел Мэт, бодро говоря:

— Кофе уже готов, так что... — Увидев, что она лежит, полузакрыв глаза, с блаженной улыбкой на лице, он спросил: — Что, приятные мысли?

Его улыбка заставила ее сердце биться быстрее, а щеки загорелись еще ярче. Она протянула к нему руки, впервые в их отношениях подчиняясь импульсу.

Глаза Мэта вспыхнули светом желания. В три прыжка он пересек комнату, бросившись на нее, придавив своим тяжелым телом. Обняв ее, он слегка поцеловал ее, затем припал к ее губам в долгом страстном поцелуе.

— Ты будь лучше поосторожнее, моя Кэйт. Или тебе придется провести большую часть нашего последнего дня не сходя с этого места.

Упоминание о возвращении домой испортило Кэтрин настроение. Ее руки, обнимавшие Мэта, разжались.

Мэт поднял голову и взглянул ей в лицо.

— Не отгораживайся больше от меня, Кэтрин, ни сейчас, ни когда мы вернемся домой.

Она взволнованно тряхнула головой.

— Мэт, я не хочу пока возвращаться. Я боюсь, что все опять испортится, что все будет по-прежнему. Разве это обязательно?

— Ты же знаешь, что обязательно. Мы должны провести какое-то время с родителями. А потом будет этот дурацкий прием Бет.

— Ненавижу приемы Бет! — закричала Кэтрин почти по-детски. — Я бы лучше поехала к Ричарду и Энн.

— Я тоже, — успокаивающе прошептал он. — Но я обещал Бет, что мы будем, и мы будем. Думаю, нам с ней самое время серьезно поговорить. Я избаловал ее, Кэйт, и теперь надо исправить дело. — Помолчав, он добавил: — У меня есть несколько слов и для Джеймса.

Кэтрин встрепенулась.

— Мэт, насчет Джеймса...

— Все будет в порядке, Кэйт. Я не собираюсь стереть его с лица земли или что-то в этом роде. Я просто хочу довести кое-что до его сведения. Мы все выясним спокойно, уверяю тебя, так что не волнуйся.

Он провел губами по ее шее, и вдруг, даже рискуя нарушить ту близость, которая только-только установилась между ними, Кэтрин решила кое-что выяснить.

— Мэт, ты ответишь мне на один вопрос? — спросила она.

— Да, если смогу.

— Почему?

— Что?

— Я столько времени мучилась, не находя ответа.

Мэт поднял голову и внимательно взглянул на нее.

— Продолжай, — сказал он тихо.

Кэтрин набрала в грудь побольше воздуха и словно нырнула в холодную воду.

— Почему ты решил жениться на мне? Почему не выбрал более молодую женщину? Почему именно на мне? О, ты все очень хорошо обосновал, но есть одна маленькая загвоздка. Кроме короткого уик-энда здесь, ты меня никогда не просил играть роль хозяйки. Я никогда не сопровождала тебя в поездках. А о том, как проходила наша супружеская жизнь до сентября, и вспоминать не хочется.

Мэт отодвинулся от нее, сел в кровати, зажег сигарету и глубоко затянулся. Он молчал так долго, что Кэтрин в панике подумала, что все испортила. Она лежала рядом с ним, взволнованно теребя тонкую ткань ночной рубашки. Она встревоженно следила, как он потянулся к ночному столику, чтобы погасить сигарету, и сразу же закурил следующую. Когда Мэт повернулся к ней, на его лице ничего нельзя было прочесть. Нагнувшись к Кэтрин, он вложил сигарету в ее губы и провел пальцем по ее побледневшей щеке. Голосом, лишенным выражения, он произнес:

— Я собираюсь рассказать тебе одну историю, Кэйт. Я надеюсь, тебе удобно, потому что это очень долгая история. — Не дожидаясь ответа, он спросил: — Ты помнишь день, когда я пригласил тебя на выпускной бал?

Вопрос совершенно сбил ее с толку. При чем здесь это?

— Да, но...

— Никаких «но». Хочешь знать, что я делал, когда ушел от тебя? Так вот, можешь не отвечать, я все равно тебе скажу. Так вот, я пошел в поле, лег на землю и плакал.

Глаза Кэтрин расширились от изумления.

— Да, первый раз в жизни по-настоящему я плакал. — Губы его скривила горькая ироническая усмешка. Мэт встал, взял пепельницу, протянул Кэтрин, затем зажег еще одну сигарету для себя. — Я плакал, как ребенок, у которого отобрали его любимую игрушку. — Он язвительно засмеялся. — В каком-то смысле именно это и произошло. Я хотел тебя, как хотят игрушку. Я хотел тебя больше всего на свете. А Кевин отнял тебя у меня. Я знал, что ты предназначена для меня. Я понял это сразу же, как увидел тебя впервые. Я спрашивал себя, как ты можешь этого не понимать? И это был последний раз, когда я плакал.

— Мэт! — воскликнула Кэтрин дрожащим голосом, не в силах поверить его словам. Уж конечно, он женился на ней не потому, что не смог заполучить ее тогда.

Он поднял руку, призывая ее к молчанию.

— Я решил, что, как бы ни было у вас с Кевином, это рано или поздно пройдет и ты поймешь, что тебе нужен другой мужчина и этим мужчиной буду я. Я решил ждать. Мне нужно было много сделать, и я не стал терять время. Два года я работал, учился и снова работал, а когда у меня выпадала свободная минутка, я всегда думал о тебе. Как раз перед началом моего третьего курса в колледже у меня выдался свободный день — редкое событие, можешь мне поверить. Мать регулярно посылала мне газеты, и у меня в комнате скопилось целая куча. Я устроился, чтобы посмотреть их и узнать новости из родного города, а когда прочел примерно половину, увидел объявление о вашей свадьбе. Я пошел и напился, обойдя в тот вечер почти все бары города. В последнем из них я увидел темноволосую девушку, сидящую невдалеке. Я сделал ей знак, она кивнула. Она была с

мужчиной, и когда он на минуту отошел, я занял его место. Мы уже выходили, когда он вернулся. Ему не слишком-то понравилось, что его девушка уходит со мной. Слово за слово, началась драка, которая продолжилась на улице. При первом звуке сирен девушка утащила меня оттуда. И хотя все началось из-за меня, я был единственным из всех, кто не провел ту ночь в кутузке. Девушка привела меня к себе и стала обо мне заботиться. Во всех смыслах. Она промыла мои ссадины, она легла со мной, она убрала ванную после того, как меня вывернуло наизнанку. Больше я никогда в жизни не напивался.

Рассказывая, Мэт встал и начал ходить взад-вперед по комнате. Потом он вдруг остановился, потер затылок и коротко сказал:

— До чего же я хочу пить! Полежи тут, я пойду сварю кофе.

Через несколько минут он вернулся с подносом, на котором стояли кофейник, молочник и две чашки. С легкой улыбкой он налил кофе в чашки. Протягивая Кэтрин чашку, он негромко сказал:

— Она была чудесной девчонкой. Необразованная, но умная. А зарабатывала мало. Она и до сих пор чудесная.

— Ты что, с ней встречаешься? — дрогнувшим голосом спросила Кэтрин.

Мэт насмешливо поднял бровь.

— Очень часто. Но только по делам. Она работает на меня, с тех пор как я купил свою первую фабрику. Прилично зарабатывает. Причем вполне стоит этих денег. — Он вынул сигарету из пачки, отпил кофе и спросил: — Так на чем я остановился? А, да, ты вышла за него. Это был факт, с которым приходилось смириться. Так я и сделал, решив забыть тебя и вернуться к работе. Но скоро я понял, что забыть тебя не просто трудно, а невозможно. Я должен был жить с этим. С годами я привык. Иногда мне удавалось неделями не думать о тебе.

— Но ты ведь женился, — возразила она.

— Да, я женился, — повторил Мэт. — Я хочу объяснить тебе насчет Шерри. Она была помолвлена с моим другом. Мы с ним оба были во Вьетнаме как советники. Его убили. Вернувшись домой, я поехал к Шерри. Она чуть не сошла с ума тогда. Ей нужен был кто-нибудь, а я оказался рядом. Никто из нас не питал никаких иллюзий. Она не любила меня, я не любил ее. Но мне она нравилась, а она во мне нуждалась. Так или иначе, мы поженились. Естественно, это не могло длиться долго. — Мэт остановился и взгляделся в ее лицо, потом усмехнулся. — Конечно, это был обычный брак с естественными постоянными отношениями. Но мы развивались в разных направлениях. Когда мы разошлись спустя два года, это была уверенная в себе женщина, опять готовая к испытаниям. Я и с ней иногда вижу. Она замужем, у нее двое детей. Вполне счастлива и довольна жизнью.

— Но тебе этот брак ничего не дал! — воскликнула Кэтрин.

— Почему же? Эти два года я все время был так занят и на работе, и дома, что почти не оставалось времени мучить себя мыслями о тебе.

У Кэтрин пересохло в горле. Она глотнула остатки кофе и сморщилась — он совсем остыл. Мэт взял чашку из ее рук и налил ей еще. Он опять заговорил:

— Понимаешь, Кэйт, я никогда не мог избавиться от этих мыслей надолго. Неважно, был ли я один или... с кем-нибудь.

— С Розали, например?

Мэт сверкнул на нее глазами.

— А откуда ты знаешь про Розали?

— Я видела ее.

— Где? Когда?

— Бет как-то пригласила ее на бридж. В сентябре.

Лицо Мэта окаменело от гнева.

— Вот дрянь! — процедил он сквозь зубы. Потом уточнил: — Я имею в виду свою сестру. — Задумчиво глядя на Кэтрин, он спросил: — Так это из-за Розали ты тогда сбежала? Что она тебе наговорила? — сурово спросил Мэт.

— Что из всех твоих любовниц она была единственной, на которой ты собирался жениться.

— Ерунда! — бросил он. — Я никогда не собирался жениться ни на ком из них. Что еще?

Она поколебалась, затем выпалила:

— Она сказала, что если бы была чуть-чуть похитрее, то забеременела бы и ты бы на ней женился.

— Вот тут она права. В этом случае, конечно, женился бы.

— А сколько было этих других, Мэт? — робко спросила Кэтрин.

Он рассмеялся.

— Далеко не так много, как тебе намекали. Четыре. Не такое уж страшное число за двадцать три года. Но пойми, Кэтрин, был ли я с кем-то из них или один, все равно наступал момент, когда я не мог отогнать от себя мысли о тебе. В эти ночи я был сам не свой. Боже мой, Кэйт, если б кто-нибудь знал, что я проделывал с тобой мысленно, меня просто посадили бы! Я так доводил себя, что мог бы перерезать себе горло от желания обладать тобой.

— Мэт, Господи, что ты говоришь!

— погоди, не перебивай меня. Как я уже говорил, со временем такие ночи случались все реже. Мне стало легче, пока я не вошел однажды в дом Ричарда. И тогда все началось снова. Ты не поверишь, как близка была к тому, чтобы быть похищенной, когда я вез тебя тогда в город. Когда ты сказала, что Кевина нет в живых, я решил, что теперь я добьюсь, чтобы ты была моей. Я знал, что не особенно нравлюсь тебе, но меня это не останавливало. Я ждал подходящего момента. И момент пришел в тот вечер, когда я сделал предложение. Видишь ли, я знал, в каком состоянии ты находишься. Я обедал с Кэрл в тот день. Она сказала, что беспокоится насчет тебя, что у тебя депрессия. Вот почему я тогда ждал у дверей твоего офиса и пригласил тебя на обед. И поэтому я сделал предложение. И поэтому хотел сыграть свадьбу как можно скорее. Я знал, что скоро ты стряхнешь с себя депрессию и скажешь, чтобы я убирался. Ты понимаешь меня, Кэтрин? Я ответил на твой вопрос?

— Да, понимаю. — Ее голос дрожал. — Когда ты был мальчиком, ты захотел девочку. То, что она была тебе недоступна, заставляло тебя хотеть ее все больше и больше. Ты рос, раздумывал об этом, и со временем эти твои мысли и фантазии превратились в наваждение. В конце концов, уже взрослым, ты решил, что единственный способ победить наваждение — получить эту девочку, ставшую взрослой женщиной. Ну что, Мэт, удалось тебе победить наваждение?

— А что, я похож на человека, победившего наваждение?

Склонив голову, она закрыла глаза, но не смогла удержать потока горячих слез. Он мгновенно оказался рядом, приподнял ее лицо и взгляделся в него. В его голосе была боль.

— Кэйт, милая! Не плачь. Господи, я ждал двадцать пять лет, чтобы иметь возможность

сказать тебе, как я люблю тебя, а когда такой случай представился, я все испортил! Я люблю тебя! Я всегда любил тебя! Ну перестань плакать! Ты так напугала меня своими слезами три дня назад! Ты хоть знаешь это? — Неуверенная, не дразнит ли он ее, Кэтрин уставилась на него широко раскрытыми глазами и покачала головой. — Ну так знай! Почти так же, как когда ты родила Джонни.

— Что ты имеешь в виду? — ахнула она.

— Я имею в виду, что жутко испугался тогда. Как ты думаешь, почему я не проявил радости, когда узнал о твоей беременности?

— Я подумала, что ты не хочешь ребенка.

— Не хочу? Любовь моя, я всегда этого хотел. Но мне казалось, что это слишком поздно, и я жил в страхе все то время, пока ты носила его. Когда Джек позвонил и сказал мне, что ты в больнице, я чуть с ума не сошел. Ты два раза падала, это могло сказаться. А то, что ты даже не захотела сама позвонить мне, тоже не способствовало моему спокойствию. Я все время думал: она ненавидит меня и умрет, рожая моего ребенка.

Прижавшись к груди Мэта, Кэтрин говорила, рыдая:

— Я так хотела, чтобы ты был со мной, но думала, что тебе это неприятно. Мне казалось, я не нужна тебе.

Наклонившись к ней, Мэт поцеловал ее. Нежно проводя губами по щекам, он осушал ее слезы. Между короткими солеными поцелуями он шептал:

— Не нужна? Мне? Я даже сказать не могу, как ты мне нужна! Я солгал тебе, когда сказал, что никогда больше не плакал и не напивался. Я сделал и то, и другое в ту ночь, когда родился Джонни. Я не плакал, не так, как раньше. Нет, я плакал от облегчения, когда все закончилось и ты была в безопасности. А потом отчаянно напился. Как мне сказать тебе, что со времени нашей первой ночи я испытывал безумную ревность к человеку, умершему двадцать лет назад? Я был у тебя первым после Кевина, ведь так?

— Да.

— Я знал это. Любовь моя, я так мучительно желал тебя! А когда ты отвернулась от меня в нашу первую ночь, я был уверен, что ты не можешь перенести, что кто-то другой, кроме Кевина, прикасается к тебе. Я старался остановиться, но я так долго ждал, так долго хотел тебя! Боже, я чувствовал себя животным, но не мог вытерпеть, чтобы не сделать этого опять. Ревность к Кевину началась с той ночи. Раньше я никогда не чувствовал ничего подобного. Расскажи мне, Кэйт. Ты действительно тогда вспоминала его или я просто был тебе неприятен?

— Ни то и ни другое, — откровенно ответила она. — Я просто боялась. Я так давно не знала мужчины и чувствовала себя так неуверенно... Какое-то время после смерти Кевина я действительно не могла представить, чтобы другой мужчина прикасался ко мне. А потом я не могла лечь в постель с женщиной, если речь шла только о постели. Ты понимаешь меня?

— Да. Ты считала, что можешь принадлежать только тому мужчине, которого полюбишь?

Она кивнула:

— Вот почему я была так испугана в ту ночь. Я ведь не любила тебя тогда. По крайней мере, я тогда так думала.

— А теперь любишь?

Протянув руки, она обняла его и посмотрела в глаза.

— Мэт, я любила Кевина. Но та любовь началась в ранней юности и осталась незрелой.

Никогда я не чувствовала такую ужасную боль, как тогда, когда думала, что ты не любишь меня. Или такое безумное счастье, когда ты сказал, что любишь. Так что да, дорогой, я совершенно уверена! Ни в чем другом я не уверена больше.

Ее руки все еще обнимали его, и теперь она притянула его к себе. Ее губы покрыли все его лицо нежными легкими поцелуями, а затем нашли его губы. Она почувствовала, как у него перехватило дыхание, когда она проникла языком в его рот. Руки Мэта с силой обхватили ее.

Когда он наконец отстранился от нее, Кэтрин едва могла дышать, но все равно не могла от него оторваться. Вся сладкая страсть, бегущая по ее жилам, все ее тяготение к нему, ее ошеломляющая любовь были в этом поцелуе.

Он смотрел на нее глазами, в которых светилась любовь. Нежно поддразнивая ее, он проговорил:

— Ну до чего ж ты противная девчонка! Действуешь на меня словно наркотик. — Еще раз страстно поцеловав ее, он прошептал: — Я люблю тебя, моя Кэйт. Если ты когда-нибудь опять убежишь из дому, то возьми и меня с собой!

Больше книг на сайте - Knigolub.net